

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра теории и истории государства и права

История государственных реформ в Беларуси:
предпосылки, сущность, результаты

Материалы международного круглого стола
Минск, 27 октября 2023 года

Минск, 2024

УДК 34(476)(091)(06)
И 907

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
Протокол № 1 от 24 января 2024 г.

Редакционная коллегия:

зав. кафедрой теории и истории государства и права, к.ю.н., доцент
Л. Л. Голубева (ответственный редактор);
доцент кафедры теории и истории государства и права, к.ю.н.,
доцент *И. Л. Вершок;*
ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права
В. Ю. Вечорко;
ст. преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Т. В. Иванова.

Рецензенты:

профессор кафедры экологического и аграрного права
юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
С. А. Балащенко;
судья Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор
юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь
А. Г. Тиковенко.

История государственных реформ в Беларуси: предпосылки, сущность, результаты : материалы международного круглого стола, 27 октября 2023 г., г. Минск, Беларусь / БГУ, Юридический фак., Каф. теории и истории государства и права ; [редкол.: Л. Л. Голубева (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 250 с. : табл. – Библиогр. в тексте.

В издании представлены результаты научных исследований о важнейших теоретико-правовых и историко-правовых аспектах организации и проведения государственных реформ в Беларуси, а также за ее пределами. Рассмотрен ряд вопросов совершенствования правового регулирования в отдельных отраслях системы национального права. Сборник адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

УДК 342

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ

Г. А. Василевич

доктор юридических наук, профессор

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: gregory5581@yandex.by*

В статье анализируются основные изменения конституционного текста в результате проведенного в Беларуси республиканского референдума 27 февраля 2022 года. Обращено внимание на модернизацию системы сдержек и противовесов, дополнительные конституционные гарантии для молодежи и престарелых. Подчеркнуто значение дополнения статьи 21 Конституции, согласно которому каждый должен проявлять социальную ответственность и вносить посильный вклад в развитие общества и государства.

Ключевые слова: конституционные ценности, система сдержек и противовесов, социальная ответственность.

NEW CONTENT OF VALUE CONSTITUTIONAL GUIDELINES

G. A. Vasilevich

Doctor of Law, Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: gregory5581@yandex.by*

The article analyzes the main changes in the constitutional text as a result of the republican referendum held in Belarus on February 27, 2022. Attention is paid to the modernization of the system of checks and balances, additional constitutional guarantees for the youth and the elderly. The importance of the addition of Article 21 of the Constitution, according to which everyone should show social responsibility and make a contribution to the development of society and the state, is emphasized.

Keywords: constitutional values, checks and balances, social responsibility.

Динамизм общественной жизни потребовал модернизации конституционного текста. Соответствующую инициативу проявил Глава государства, который предложил на республиканский референдум 27 февраля 2022 года проект закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Закон был поддержан гражданами и стал неотъемлемой частью Конституции.

До проведения референдума была проведена масштабная работа по обсуждению и разъяснению предлагаемых конституционных изменений и дополнений. Были организованы дискуссионные площадки, обсуждение проекта в трудовых коллективах, в средствах массовой информации, шло накопление и анализ поступающих предложений и замечаний. Активно трудилась рабочая группа по подготовке и доработке проекта закона, регулярно проводились заседания Конституционной комиссии. Отличительной чертой этого процесса явилось то, что прежняя редакция Конституции была настолько удачной и добротной, что позволила органично вписать в ее текст новые изменения и дополнения [1].

Отметим следующие новые ценностные установки, появившиеся в Конституции.

Среди таких ценностей назовем реализованный на новом уровне принцип разделения властей. Это проявилось в том, что существенно была подвергнута изменениям система сдержек и противовесов. Глава государства посчитал необходимым ее усовершенствовать. Произошло некоторое ослабление полномочий Президента, часть из них перешла посредством указания на конкретные полномочия к компетенции Парламента, Правительства и Всебелорусского народного собрания. Некоторые ранее принадлежавшие Президенту полномочия исключены и тем самым будут осуществляться Парламентом. Например, Президент утратил право издания новых декретов и таким образом законодательная функция сейчас не будет распределяться, как это было ранее, между Президентом и Национальным собранием. Из явно переданных или усиленных полномочий Парламента отметим прямое указание в Конституции на то, что согласие Парламента на назначение Президентом Премьер-министра должно быть предварительным. Акты Президента (указы и распоряжения) не должны противоречить законам. Тем самым предложена новая субординация между актами Главы государства и Парламента. Хотя автор данной статьи настоятельно во время работы в рабочей группе и Конституционной комиссии предлагал сохранить право Президента издавать декреты, то есть акты, имеющие силу закона, в исключительных случаях, когда такую необходимость диктует складывающаяся ситуация. Такие декреты можно было бы издавать в период между сессиями Парламента, а также в случае военной угрозы или чрезвычайной ситуации. Ведь просто издания указа о введении чрезвычайного или военного положения может быть недостаточно, тем более, что указы не должны противоречить законам (ст. 85 Конституции).

Практика уже показывает, что в законах указывается на право Президента своими указами устанавливать особенности применения законов.

Отметим, что в ст. 79 Конституции сохранены за Президентом прежние его функции, что обеспечивает ему юридическую возможность для принятия решений по судьбоносным для страны вопросам. В этой связи содержащиеся в этой статье функции и юридически зафиксированные в Основном Законе полномочия, в том числе в области нормотворческой деятельности (как отмечалось, места в иерархии актов указов и распоряжений) находятся в некотором диссонансе. Будем надеяться, что на уровне ветвей власти взаимоотношения между ними будут цивилизованно разрешаться. Почему приходится на это обращать внимание? Потому, что период 1994–1996 годов показывает, что Парламент явился в значительной степени источником конфликта, чему способствовала и «пристрастная» деятельность Конституционного Суда. Ярким примером являлся спор о том, можно выносить проекты новых конституций на референдум или нет, принадлежит окончательное слово народу или нет. Предложения Президента, который считал необходимым вынести на народное голосование проект изменений и дополнений Конституции, блокировались. Но заметим, что вначале Президент предлагал непосредственно Парламенту внести лишь незначительные изменения в Конституцию, но они, к сожалению, даже не были рассмотрены.

С учетом сохранившихся функций у Главы государства, на наш взгляд, республика остается президентской по форме правления с сильной представительной ветвью власти в лице Всебелорусского народного собрания.

Всебелорусское народное собрание (ВНС) становится важным органом, который может при необходимости выступить в роли высшего арбитра, разрешить конфликт между ветвями власти. Это выражается, в частности, в его полномочиях сместить Президента с должности, отменить правовой акт, иное решение государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением судебных органов (о некотором диссонансе положений ст. 89-5 и ст. 23 Конституции в части соотношения понятий «национальная безопасность», «общественный порядок» и др. автор уже обращал внимание) [2]. Таким образом, ВНС выступает в данном случае в роли «негативного законодателя», что часто в литературе указывается в отношении решений конституционных судов, когда они признавали акты неконституционными и таким образом выводили их из правового оборота. Однако конституционные суды, в

связи с формулированием своих правовых позиций характеризовались и в роли «позитивного» нормотворческого органа. Может ли ВНС в случае отмены правового акта или иного решения взамен принять иной акт, пока не совсем ясно. По своей юридической природе, в силу высокой степени представительства в нем народа потенциально такая возможность может быть. Но твердой уверенности нет, так как в ст. 89-3 перечислены те явные полномочия, которые ВНС вправе осуществлять. Кроме того, в Конституции прямо указаны полномочия Президента, Парламента, которые избираются народом. (Особенности формирования Совета Республики Национального собрания известны). Вместе с тем можем предположить, что ВНС, отменяя правовой акт, вправе выразить свою позицию о причинах такого решения и изложить свою позицию по содержанию акта, тем самым определяя рамки для нового закона или иного акта. То есть ВНС может существенно влиять на концепцию будущего акта.

Возникают вопросы о том, можно ли ВНС относить к законодательной ветви власти. Развивая положение Конституции, согласно которому ВНС является высшим представительным органом народовластия, и исходя из его конституционных полномочий, включая право отмены законов, считаем, что он осуществляет законодательную функцию. Его статус находится на стыке представительной (ссылку на которую можно было бы сделать в ст.6 Конституции) и законодательной ветвей власти.

С учетом особенностей формирования ВНС и его полномочий следующей ценностью конституционной модернизации является усиление народовластия (демократии). Кроме всего указанного, можно подчеркнуть, что ВНС будет выполнять и своего рода функцию социального лифта: делегаты, которые не являются, например, парламентариями, могут проявить себя, работая в составе ВНС, и в перспективе баллотироваться для избрания в палаты Парламента или в состав Советов депутатов.

Одной из важнейших ценностей конституционного текста является указание в ст. 4 Основного Закона на то, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства. Ценным является то, что могут быть выработаны определенные ориентиры для общества (при сохранении многообразия политических институтов и мнений). Основой идеологии белорусского государства является правовая идеология.

Много крупных новелл появилось в части развития правового статуса человека и гражданина.

Ранее закрепленное конституционное положение об обеспечении прав и свобод граждан Республики Беларусь как высшей цели государства получило развитие в части уделения дополнительного внимания молодежи (ст. 32-1), заботе об инвалидах и пожилых людях и др. (ст. 47). Чтобы конституционная норма о пожилых людях получила более полную реализацию, было бы полезно разработать и принять закон «О мерах, направленных на обеспечение прав пожилых людей и их дополнительную защиту». В нем можно было бы решить ряд организационных, социальных и правовых вопросов, касающихся пожилых людей. Это не только усиление материальной защиты этой категории граждан, но и организация их досуга, участия в общественной жизни. Значительные обязанности могли бы быть конкретизированы в этом направлении для местных органов власти, учреждений культуры, здравоохранения, для волонтерского движения и др. Это также имело бы воспитательное значение. Не исключали бы и издание по данному вопросу указа программного характера, то есть директивы Президента. Такого рода долговременный документ может иметь важное политическое и правовое значение.

Ценным для формирования нового характера отношений является указание в Конституции на обязанность государства обеспечивать сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (ст.15) и проявление каждым своего долга по сохранению исторической памяти о героическом подвиге белорусского народа и патриотизма (ст.54).

Особое значение приобретает норма, появившаяся в Конституции по итогам референдума 27 февраля 2022 года: согласно статье 21 каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства. Ранее социальную ответственность чаще рассматривали как этический принцип, содержанием которого является учет интересов всего общества. Отчасти соглашаясь с таким подходом и учитывая, что в вышеназванной статье идет также речь о посильном вкладе каждого в развитие общества и государства, полагаем, что наиболее приемлемым будет на основе учета частных и публичных интересов шаг за шагом наполнять новым содержанием налоговое законодательство, законодательство о занятости, повышая его эффективность, обеспечивая право на достойный труд, надлежащее выполнение гражданами и организациями, должностными лицами возложенных на них обязанностей и др.

Социальная ответственность предполагает активность и инициативу каждого. Активность подкрепляется стимулами и ограничениями, но инициатива часто выступает в качестве первого импульса для активной

реализации правовых норм. Социальная ответственность и долг в ряде случаев могут быть побудительными мотивами для выполнения юридических обязанностей. Для гражданского общества присущи именно эти качества.

Библиографические ссылки

1. *Василевич Г. А.* Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства // ПРАВО.by. Научно-практический журнал. 2022. №2. С 14–23.
2. *Василевич Г. А.* Конституционные изменения как основа для формирования новой иерархии нормативных правовых актов // Юстиция Беларуси. 2022. №3(240). С. 26–29.

УДК 321

**ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ
БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ 17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА**

С. В. Решетников

доктор политических наук, профессор

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: nina.r86@mail.ru*

Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство. Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику [1, с.1].

Ключевые слова: Западная Беларусь, Народное собрание, выборы, Временные управления, реформы, коллективизация, индустриализация, культурная революция.

**THE FIRST STATE TRANSFORMATIONS IN THE WESTERN
REGIONS OF BELARUS AFTER SEPTEMBER 17, 1939**

S. V. Reshetnikov

Doctor of Political Sciences, Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: nina.r86@mail.ru*

The Republic of Belarus is a unitary, democratic, social state based on the rule of law. The Republic of Belarus exercises supreme control and absolute authority over its whole territory and implements an independent domestic and foreign policy [1, p.1].

Keywords: Western Belarus, People's Assembly, elections, Provisional administrations, reforms, collectivization, industrialization, cultural revolution.

Польское правительство после 1 сентября 1939 г. не смогло организовать эффективную оборону страны, отвергнув помощь советского правительства. Польские лидеры эмигрировали за границу. К середине сентября армия Польши была фактически побеждена. Военное поражение Польши и беспорядок в управлении могли привести к возникновению вражеского плацдарма гитлеровской Германии для нападения на СССР. Советский союз не мог оставить без внимания военное приготвление фашистской Германии и принял решение взять под защиту судьбы жителей Западной Беларуси.

В заявлении советского правительства, переданного по радио 17 сентября 1939 г., говорилось, что 17 сентября белорусские части перешли советско-польскую границу, начали освободительный поход помощи белорусам, своим братьям, находящимся под гнётом буржуазно-помещичьей Польши. Перед Советским правительством встала задача сменить старую государственную машину и создать соответствующие для нового строя формы устройства. На территории Западных областей Беларуси были созданы временные органы власти – Временные управления, которые стали центрами государственных управлений по всей территории Западной Беларуси [2, с. 701].

В состав Временных управлений входили представители местного населения, Красной Армии, компартии Беларуси. Временные управления организовывали снабжение необходимыми продуктами, отслеживали и регулировали цены на различные товары, останавливали спекуляцию.

При активном участии комитетов начала работать телефонная и телеграфная связь, восстанавливалось железнодорожное сообщение, открывались школы, кинотеатры, клубы, начали выходить печатные органы временных управлений – газеты на русском, белорусском, польском языках.

Советская Беларусь и другие союзные республики, в первую очередь РСФСР, помогли Западной Беларуси материальными средствами и своим богатым опытом, накопленным за годы Советской власти в области государственного и социалистического строительства.

Как и во всём Советском Союзе, в западных областях БССР был установлен восьмичасовой рабочий день. На предприятиях вводилась охрана труда, совершенствовалась техника безопасности. В деревне было ликвидировано помещичье землевладение.

Белорусский народ получил демократические права создания органов народной власти. Для решения вопросов государственного устройства было решено избрать Народное собрание. Повсеместно производилось выдвижение и обсуждение кандидатов в Народное собрание Западной Беларуси.

Выборы в Народное собрание Западной Беларуси на основе Советской избирательной системы были проведены 22 октября 1939 года. Профессор Т. И. Довнар приводит следующие данные: «На основе принятого положения о выборах было создано 929 избирательных округов. Участвовать в выборах имели право все жители, достигшие 18 лет. Выдвигать кандидатов в депутаты народного собрания имели право Временные управления городов и поватов, собрания трудящихся на предприятиях и крестьянские комитеты по одному депутату на один избирательный округ. В результате было выдвинуто 929 кандидатов и

избрано 927 депутатов (два кандидата не набрали необходимого количества – более 50% голосов)» [3, с. 422].

В числе депутатов были лучшие представители белорусского народа. В частности, С. О. Притыцкий – 1-й секретарь Гродненского обкома КПБ после окончания войны. Его образ запечатлён в фильме «Красные листья». Народное собрание открылось 28 октября 1939 года в г. Белостоке. На нём присутствовало 927 депутатов. Народное собрание провозгласило установление Советской власти на территории Западной Беларуси.

«2 ноября 1939 года внеочередная V сессия Верховного Совета СССР и 12 ноября внеочередная III сессия Верховного Совета БССР соответственно приняли законы о включении Западной Беларуси в состав СССР и объединении её с БССР. В результате территория БССР увеличилась с 125 тыс. кв. км. до 225,6 тыс. кв. км, население республики – с 5 млн. 562 тыс. человек до 10 млн. 239 тыс. На территории бывшей Западной Беларуси было ликвидировано прежнее административное деление и создано 5 областей (Барановичская, Брестская, Вилейская, Пинская и Белостокская)» [4, с. 223].

Советская власть уничтожила все органы социального и национального угнетения и неравенства, предоставила трудящимся западных областей Беларуси обширные возможности развития экономики и культуры.

Победоносное окончание Великой Отечественной войны 1941-1945 годов побудило в обществе большие надежды и ожидания. Бывшие участники войны, интеллигенция, молодёжь активно участвовали в реформировании системы власти в стране.

Однако, бытовые условия жителей Беларуси были тяжёлыми. В результате войны многие жители остались без жилья, была разрушена система коммунального хозяйства. Не хватало товаров первой необходимости.

В БССР, как и в целом в СССР, сохранялась жёстко централизованная политическая система. Первыми секретарями ЦК КПБ в 1945-1946 годах являлись назначенные Москвой П. К. Пономаренко, Н. И. Гусаров, Н. С. Патоличев. В послевоенный период усилился идеологический контроль во всех областях науки и культуры.

«Значительное внимание уделялось преобразованиям в западных областях БССР, где в кратчайшие сроки необходимо было сделать то, на что в восточных областях потребовалось 20 лет. Наступление на идеологическом фронте шло одновременно с коллективизацией сельского хозяйства, индустриализацией, культурной революцией, на фоне борьбы с польским, украинским и белорусским антисоветским

подпольем и «борьбой с религиозными предрассудками» – католическим костёлом, протестантизмом и сектантством. К началу 1950-х годов поставленные задачи были в целом решены. Западная Беларусь была унифицирована с восточными областями республики» [5, с. 220].

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : прин. 15 марта 1994 г.; с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

2. История Белорусской ССР : в 2 т.; 2-е изд., доп. Т. 2; редкол. : Т. С. Горбунов, Н. В. Каменская, И. С. Кравченко. Минск : Издательство Академии наук Белорусской ССР, 1961. 1353 с.

3. *Доўнар Т. І.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэбны дапаможнік / Т. І. Доўнар. Мінск : ДІКСТ БДУ, 2011. 549 с.

4. Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 1997 г. : вучэб. дапам. ; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. 464 с.

5. Беларусь: страницы истории. / Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редсовет А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларус. навука, 2011. 408 с.

УДК 346.1

**КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ И ПРОДВИЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

Н. Л. Бондаренко

доктор юридических наук, профессор

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: bondarenkonl@yahoo.com*

Конституция Республики Беларусь охватывает все без исключения сферы общественной жизни страны и государства, в том числе и страновой маркетинг, в основе которого лежит идея продвижения и защиты национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере. Данный институт представляется в значительной степени инновационным, однако принципиальную основу и основополагающие начала его институционализации и осуществления можно обнаружить в Конституции Республики Беларусь.

Ключевые слова: наука, инновации, инновационная инфраструктура, научная инфраструктура, научно-исследовательская деятельность.

**THE CONSTITUTION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND
ITS SIGNIFICANCE FOR THE PROTECTION AND PROMOTION
OF NATIONAL INTERESTS IN THE ECONOMIC SPHERE**

N. L. Bondarenko

Doctor of Law, Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: bondarenkonl@yahoo.com*

The Constitution of the Republic of Belarus covers all spheres of public life of the country and the state without exception, including country marketing, which is based on the idea of promoting and protecting the national interests of the Republic of Belarus in the economic sphere. This institution seems to be largely innovative, but the principle basis and fundamental principles of its institutionalisation and implementation can be found in the Constitution of the Republic of Belarus.

Keywords: science, innovation, innovation infrastructure, scientific infrastructure, research activity.

Институт странового маркетинга представляется в значительной степени инновационным [1], однако принципиальную основу и

основополагающие начала его институционализации и осуществления можно обнаружить в Конституции Республики Беларусь.

Несмотря на наличие в названии института слова «маркетинг», страновой маркетинг в большей степени институт политический, нежели экономический, поскольку в силу ст. 13 Конституции, государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях, а в силу норм, установленных в Основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь, утвержденных Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З, развитие национальной экономики, обеспечение ее конкурентоспособности и продвижение интересов национальных производителей составляет содержание внутренней и внешней политики государства. Данные положения отражены также в п. 10 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, где закреплено, что основными национальными интересами Республики Беларусь в экономической сфере являются:

- экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизации экономических отношений, снижения себестоимости, импортостойкости и материалоемкости производимой продукции;

- сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной систем;

- обеспечение недискриминационного доступа на мировые рынки товаров и услуг, сырьевых и энергетических ресурсов;

- достижение уровня энергетической безопасности, достаточного для нейтрализации внешней зависимости от поступления энергоносителей;

- поддержание гарантированного уровня продовольственной безопасности;

- трансфер современных технологий в экономику страны преимущественно за счет прямых иностранных инвестиций, доступность зарубежных кредитных ресурсов.

Защита национальных интересов Республики Беларусь в экономической сфере является сложной задачей, что связано с целым рядом причин, прежде всего, геополитического характера. В этой связи состоявшаяся модернизация Конституции Республики Беларусь и начало

нового этапа развития национальной правовой системы создает дополнительные условия и гарантии для реализации национальных интересов и противодействия неблагоприятной конъюнктуре экономического и внешнеполитического характера.

В частности, ст. 4 Конституции декларируется, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства. Полагаем, что неотъемлемой частью идеологии белорусского государства является социальное благополучие граждан и экономическое процветание страны. Достижение этих целей является невозможным без саморекламы государства, которая может осуществляться с использованием двух методологий:

1) методологии идеологической и воспитательной работы, имеющей объективные ограничения пределами государственной границы Республики Беларусь, а, следовательно, не способной оказать существенное влияние на нерезидентов Республики Беларусь;

2) методологии мягкой силы, реализуемой посредством формирования представления о преимуществах белорусской экономической модели, высокотехнологичности национальной экономики и качестве белорусских товаров, и профессионального продвижения такой информации рекламного характера как внутри государства, так и в рамках реализации внешней политики.

Страновой маркетинг представляет собой методологию мягкой силы и ее специфическую разновидность, призванную, во-первых, обеспечивать надлежащее осуществление внешнеэкономической деятельности и расширение сферы экономического влияния белорусских производителей (а, значит, и белорусского государства в целом), а во-вторых, обеспечивать функционирование государственного идеологического механизма (ст. 4 Конституции Республики Беларусь). Хотя в определенной мере можно утверждать, что для Республики Беларусь такая методология является относительно новой, находящейся на этапе становления [2].

В настоящее время перед государством и обществом стоит задача институционализации странового маркетинга и определения круга субъектов, ответственных за реализацию такого направления внутренней и внешней политики. Существует два варианта такой институционализации:

1. Разработка и принятие специального закона о страновом маркетинге. Ведь если до вступления в силу новой редакции Конституции, декреты и указы Президента Республики Беларусь относились к законодательным актам, а декреты даже считались по юридической силе выше законов, то на данный момент, декреты как вид

актов исключаются из текста Основного закона, а указы и распоряжения Президента должны соответствовать законам. Соответственно, оптимальным вариантом для урегулирования общественных отношений в сфере странового маркетинга является именно наличие в государстве закона о нем. Такой подход является наиболее приемлемым и по той причине, что нет необходимости в дополнительном включении в текст уже действующих законов норм, определяющих правовой режим странового маркетинга. Достаточно будет специальных норм, определяющих специфические аспекты правового регулирования общественных отношений в сфере странового маркетинга.

2. Разработка и подписание Президентом Республики Беларусь указа, определяющего правовой режим странового маркетинга. В рамках новой конструкции иерархии нормативных правовых актов такой подход также вполне приемлем, поскольку полномочия на издание такого указа делегируются Главе государства рядом законов: Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 346-З «О мерах по защите экономических интересов Республики Беларусь при осуществлении внешней торговли товарами»; Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2004 г. № 347-З «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности»; Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь»; Законом Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [1].

Сложностью на пути реализации второго варианта институционализации странового маркетинга является необходимость формализации совершенно нового вида общественных отношений, которая затрагивает права и обязанности значительного числа субъектов общественных отношений.

Соответственно, при издании указа о страновом маркетинге потребуются проведение значительной работы по внесению изменений и дополнений в целый ряд законов Республики Беларусь. Недостатком такого варианта является несоблюдение принципа процессуальной экономии в рамках нормотворческого процесса.

Соответственно, в процессуальном смысле процесс институционализации странового маркетинга претерпел не столь уже и кардинальные изменения. Но вот в содержательном смысле идея и процесс институционализации данного комплексного политико-правового института фактически приобрела совершенно иное значение и систему целеполагания вследствие конституционной реформы, и в частности, новой редакции ст. 4 Конституции Республики Беларусь,

декларирующей, что «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений».

В контексте норм ст. 7 и 13 Конституции Республики Беларусь это означает, что Основной закон признал не только возможность, но и необходимость институционализации, становления и развития системы странового маркетинга, позволяющей государству не только обеспечивать защиту собственного информационного поля, но и сформировать в стране отрасль национальной экономики совершенно нестандартной природы, позволяющей одновременно обеспечивать реализацию всех без исключения национальных интересов, определенных в нормах Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, а также формировать экономическую, социальную, информационную и политическую основу для реализации большинства направлений внутренней и внешней политики, определенных в Основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь, утвержденных Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь».

При этом необходимо констатировать ряд проблем в связи с конституционной реформой, обусловленных необходимостью изменения привычного представления о конституционном устройстве государства и общества и преломления произошедших изменений на объективную реальность. Для абсолютного большинства специалистов, способных принять участие в процессе институционализации странового маркетинга, понимание сущностных характеристик таких изменений имеет первостепенное значение не только в силу их гражданственности и патриотизма, но и в силу соображений профессиональных: необходимо не допустить ошибок в определении природы и механизма функционирования различных элементов возможной системы странового маркетинга именно с позиции правильного понимания содержательных характеристик изменений в Основном законе Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Страновой маркетинг : монография / Н. Л. Бондаренко [и др.]; под ред. Н. Л. Бондаренко. Минск : Ковчег, 2022. 652 с.

2. Демичев Д. М., Кузнецова О. А. Страновой маркетинг как основополагающий элемент государственного идеологического механизма // *Ex jure*. 2023. № 2. С. 17–29. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-2-17-29.

УДК 340

НЕКАТОРЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПРАВЯДЗЕННЯ СУДОВЫХ РЭФОРМ У БЕЛАРУСІ

Л. Л. Голубева

кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, e-mail: lyudmila.golubeva@mail.ru*

Прааналізаваны некаторыя асаблівасці правядзення судовых рэформ у Беларусі са старажытных часоў да пачатку XXI стагоддзя.

Ключавыя словы: суд; судовая рэформа; новыя суды.

SOME PECULIARITIES OF THE IMPLEMENTATION OF JUDICIAL REFORMS IN BELARUS

L. L. Golubeva

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: lyudmila.golubeva@mail.ru*

Some features of judicial reforms in Belarus from ancient times to the beginning of the 21st century are analyzed.

Keywords: court; judicial reform; new courts.

У прэамбуле Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь гаворыцца аб шматвекавой гісторыі развіцця беларускай дзяржаўнасці, культурных і духоўных традыцыях [1]. На наш погляд, якраз пераемнасць айчыннага права з'яўляецца добрым прыкладам узаемасувязі гісторыі і сучаснасці.

У дадзяржаўны перыяд, калі людзі жылі асобнымі родамі і плямёнамі, суддзёй ва ўсіх спрэчках і непасрэдным каральнікам за парушэнне правілаў жыцця выступаў старэйшына роду або племені [2, с. 168].

Доўгі час пытанні судовага ладу і судаводства ў старажытных беларускіх дзяржавах-княствах рэгулявалася звычайным правам, якое грунтавалася на даўніне («старыне»), агульнапрынятасці, даўнасці ўжывання і справядлівасці.

Суд і расправу над простымі людзьмі праводзілі іх спадары і службовыя асобы мясцовай адміністрацыі: намеснікі ваявод, стараст,

дзяржаўцаў, цівуны, а ў гарадах – войты і бурмістры. Разам з тым на тэрыторыі старажытных беларускіх княстваў (Полацкага, Турава-Пінскага і інш.) з моманту іх станаўлення і на думку прафесара І. А. Юхо амаль да канца XVII ст. [3, с. 343] дзейнічалі старажытныя народныя копныя суды, якія ў сваёй дзейнасці кіраваліся нормамі звычайнага права (копнага права), якое не было замацавана ў помніках пісанага права.

Як правільна адзначае прафесар Т. І. Доўнар, копны суд у пэўным сэнсе – гэта орган сялянскай дэмакратыі, які дзейнічаў на падставе старажытных звычаяў, што ў сваёй сукупнасці складалі так званае копнае права [2, с. 168-171]. Нягледзячы на тое, што з цягам часу дзейнасць гэтага суда ўсё часцей ажыццяўлялася пад кантролем дзяржавы, ён доўгі час заставаўся самым справядлівым, міласцівым, хуткім і танным судова-следчым органам. Менавіта таму ў гэты суд звярталіся і шляхцічы.

У перыяд Вялікага княства Літоўскага (далей – ВКЛ) дзейнасць суда была ўдасканалена на падставе новага пісанага заканадаўства, асабліва ў перыяд судовай рэформы XVI ст.

Судовая рэформа XVI ст. – важны этап у развіцці судовай сістэмы Беларусі. У працэсе судовай рэформы XVI ст. была ўдасканалена ўся судовая сістэма дзяржавы. Былі створаны новыя (земскія, падкаморскія, Галоўны суд (Трыбунал) і інш.) суды, дзейнасць якіх грунтавалася на больш прагрэсіўных прынцыпах судовага ладу і судаводства. Так, адносна гродскіх судаў дакладней акрэсліваюцца кампетэнцыя і функцыі суда, узрастае прафесіяналізм суддзяў і фармалізаванасць судаводства. Уключэнне ў склад суда прадстаўнікоў мясцовых феадалаў, а потым суддзі і пісара, якія былі таксама прадстаўнікамі феадалаў, але ўжо валодалі прававымі ведамі, сведчыць аб пэўных зрухах у судаводстве, аб развіцці права, так як суд пачаў адлучацца ад адміністрацыі і ўзнікла неабходнасць атрымання прававых ведаў. Тым самым праяўляецца тэндэнцыя пераўтварэння гродскага суда з адміністрацыйнай установы ў судовую.

Заканадаўства, якое ў другой палове XVI ст. было значна ўдасканалена, стала нарматыўнай падставай новай структуры судовага ладу і судаводства. Створаныя суды дзяржавы (земскія, падкаморскія, Галоўны суд (Трыбунал) і інш.) на падставе замацавання прынцыпу падзелу ўлад (статуты 1566 і 1588 гг.) былі выбарнымі і дзейнічалі згодна з ідэяй аддзялення судовай улады ад выканаўчай [4; 5]. Земскі суд з'явіўся найбольш тыпічным саслоўным судом шляхты. Яго зараджэнне ў Беларусі адносіцца да першай паловы XVI ст. Да 60-х гг. XVI ст. суддзі гэтага суда прызначаліся. Канчатковае прававое замацаванне гэтага суда было зроблена Бельскім прывілеем 1564 г. і Статутам 1566 г., які надаў

асаблівую ўвагу прагрэсіўным прынцыпам фарміравання і дзейнасці земскага суда: выбарнасці суддзяў, іх незалежнасці ад мясцовай адміністрацыі і падпарадкаванасці закону. Гэта першы ў працэсе судовай рэформы суд, які быў адзелены ад адміністрацыі. Суддзямі земскага суда маглі быць толькі ўраджэнцы ВКЛ, хрысціянскай веры, якія мелі землеўладанне, ведалі права, умелі пісаць, не займалі духоўных і дзяржаўных пасадак (Статут 1566. Р. IV, арт. 1). Суддзяў выбіралася шляхта на павятовых соймах: па чатыры кандыдатуры на пасады суддзі, падсудка і пісара, з якіх вялікі князь зацвярджаў пажыццёва склад суда. Падсуднасць спраў земскаму суду не была дакладна акрэслена. У законе было толькі сказана, што гэты суд разглядае справы ўсіх паноў, князеў, шляхты і баяр, якія маюць у павеце свае маенткі, за выключэннем спраў, падсудных вялікакняскаму (гаспадарскаму) і гродскаму судам. У асноўным земскі суд разглядаў грамадзянскія справы. У яго кампетэнцыю ўваходзіў таксама разгляд значнай часткі крымінальных спраў па абвінавачванні шляхты. З грамадзянскіх спраў земскаму суду не былі падсудны толькі спрэчкі аб межах паміж маенткамі феадалаў, разгляд якіх быў аднесены да кампетэнцыі падкаморскіх судоў. Акрамя судовых спраў, земскі суд ажыццяўляў натарыяльныя дзеянні (засведчаў грамадзянска-прававыя здзелкі, афармляў акты куплі-продажу і залога маенткаў), праводзіў забеспячэнне доказаў, прымаў да запісу ў актавыя кнігі скаргі на дзеянні мясцовай адміністрацыі.

Стварэнне земскіх судоў азначала важны этап у развіцці судаводства і права ў XVI ст. Заснаваннем земскіх судоў быў пакладзены пачатак арганізацыі судовай сістэмы на новай тэарэтычнай аснове падзелу ўлад, так як яны былі першымі судамі, поўнаасцю адлучанымі і незалежнымі ад мясцовай адміністрацыі. Іх узнікненне стала магчымым дзякуючы стварэнню пісанага права, што ў сваю чаргу выклікала неабходнасць з'яўлення новай прафесіі – юрыста.

Падкаморскія суды, якія займаліся зямельнымі спрэчкамі, узніклі ў сувязі з умацаваннем права прыватнай уласнасці феадалаў на зямлю, іх зацікаўленасцю ў зямлі, так як магучнасць феадала вызначалася колькасцю феадальна залежных ад яго людзей і памераў землеўладанняў, а таксама ў сувязі з атрыманнем шляхтай права на распараджэнне нерухомай маемасцю, што канчаткова замацаваў Статут 1566 г.

Важным дасягненнем і этапам судовай рэформы стала ўтварэнне ў 1581 г. выбарнага, адзеленага ад выканаўчай улады Галоўнага суда (Трыбунала), які абмежаваў судовую ўладу вялікага князя і паноў радных. Згодна з законам аб утварэнні вышэйшага суда – Галоўнага суда (Трыбунала), на яго ўскладалася задача апеляцыйнага перагляду спраў і

разгляд некаторых спраў па першай інстанцыі. Трыбунал займаўся і натарыяльнымі дзеяннямі.

У выніку судовай рэформы была значна ўдасканалена дзейнасць цэнтральных судовых устаноў дзяржавы – вялікакняжацкага (гаспадарскага) суда, суда паноў радных, соймавага суда; узнік інстытут прафесійных следчых і таксама набыў заканадаўчую рэгламентацыю і значнае развіццё інстытут адвакатуры, існаванне якога адзначаў ужо Статут 1529 г. [6]. У той час адваката называлі пракуратарам.

Заканадаўчай падставай завяршэння судовай рэформы стаў Статут 1588 г. – звод законаў, прасякнуты ідэяй усталявання прававой дзяржавы. У яго артыкулах, у тым ліку і ў 105 артыкулах чацвертага раздзела, прысвечаных непасрэдна судовай уладзе (Р. IV «О судьях і о судах») больш дакладна і поўна рэгламентавалася функцыяніраванне новай судовай сістэмы дзяржавы. Асабліва дэталева разглядаліся пытанні дзейнасці земскіх і падкаморскіх судаў, а таксама Галоўнага Суда (Трыбунала). Арт.1 Р. IV утрымліваў тэксты прысягі суддзі і падсудка, якую яны павінны былі прынесці на першай судовай сесіі і якой абавязваліся судзіць сумленна, справядліва, у межах закона і г.д. Асобную прысягу прыносілі і судовыя пісары.

Ідэйна-тэарэтычнай асновай судовай рэформы стала палітыка-прававая думка XV – першай паловы і сярэдзіны XVI стст. Так, М. Літвін у сацыяльна-палітычным трактаце «Аб норавах татар, літоўцаў і масквіцян» (1550) [7, с. 25] прапаноўваў увесці агульнасаслоўныя суды. Асветнік вылучыў недахопы судовай сістэмы: адсутнасць апеляцыйных судаў, адсутнасць галоснасці, хібы ў сістэме паказанняў сведак, адсутнасць нормаў судовай пісьменнасці. М. Літвін падкрэсліваў, што сістэма непадзельнасці судовай і адміністрацыйнай улад, сумяшчэнне адной асобай некалькіх адміністрацыйных пасадак вядуць да страты самой ідэі справядлівасці і незалежнасці суда.

Праблемы, узнятыя М. Літвінам у трактаце, часткова былі вырашаны ў час судовай рэформы 1564 г.: удасканалена дзяржаўнае кіраванне і правасуддзе, працэдура судовага разбору, створана апеляцыйная судовая інстанцыя, падрыхтаваны кваліфікаваныя ўраднікі дзяржаўнага кіравання і суда.

С. Будны (1530-1593) ў працы «Пра свецкую ўладу» [7, с. 38] адзначыў, што суддзя павінен быць справядлівым, чэсным, праўдзівым, веруючым; павінен судзіць справядліва, не перакручваць законы, не браць хабару.

У выніку правядзення судовай рэформы былі зменены і ўдасканалены працэсуальныя адносіны, удакладнена значэнне доказаў і інш. Асноўнымі доказамі пачалі лічыць паказанні сведак, прызнанне

бакоў і іх тлумачэнні, прысяга, пісьмовыя і рэчавыя доказы, тлумачэнні экспертаў. Судовы працэс праходзіў, як правіла, на беларускай мове, зразумелай большасці насельніцтва. Наглядаецца тэндэнцыя павелічэння фармалізаванасці працэсу, удакладнення юрыдычнай тэрміналогіі.

Статут 1588 г. паказаў яўны адрыв ад папярэдняй прававой традыцыі. Усе раней дэклараваныя прагрэсіўныя прававыя прынцыпы знайшлі ў ім не толькі заканадаўчае замацаванне; усе больш яскравае праяўленне ў судовым працэсе набылі прынцыпы галоснасці і публічнасці судаводства (хоць не ў поўным аб'ёме і не па ўсіх справах); былі замацаваны падставы падачы апеляцыі не толькі па сутнасці разгледжанай у судзе справы, але і адносна парушэння працэсуальных норм, няправільнага прымянення норм матэрыяльнага права; далейшае развіццё атрымалі прынцыпы спаборнасці, інстытут адвакатуры, што стварала важныя гарантыі для належнага вядзення судовага працэсу, садзейнічала абароне правоў прыватнай асобы ў судзе. У артыкулах Статута 1588 г. знайшлі развіццё ідэі гуманізму і верацярпімасці (узрост крымінальнай адказнасці быў павышаны з 14 да 16 гадоў, цяжарных жанчын забаранялася караць смерцю і інш.).

Такім чынам, прагрэсіўныя прынцыпы судовага ладу і судаводства садзейнічалі павышэнню правасвядомасці і прававой культуры грамадства. Тым самым ствараліся перадумовы для далейшага паступальнага развіцця дзяржаўнасці.

Аб важнасці і значнасці дасягненняў судовай рэформы XVI ст. сведчыць той факт, што пры падрыхтоўцы і правядзенні ў Расіі адной з самых паслядоўных і прагрэсіўных буржуазных рэформ другой паловы XIX ст. – судовай рэформы 1864 г. неаднойчы адзначалася, што на тэрыторыі Беларусі рэфармаванне судовага ладу і судаводства пройдзе больш паспяхова і хутчэй у сувязі з тым, што там мелі месца папярэднія прагрэсіўныя набыткі. Аднак гэта не стала падставай для своечасовага і належнага правядзення судовай рэформы ў Беларусі. Судовыя ўставы 1864 г. былі ўведзены ў Беларусі значна пазней, з істотнымі абмежаваннямі і выключэннямі. Рэалізацыя іх пачалася толькі ў 1871 г. Судовая рэформа ў Беларусі была праведзена ў абмежаваным выглядзе, са шматлікімі адступленнямі ад першапачаткова абвешчаных прагрэсіўных прававых прынцыпаў судовага ладу і судаводства.

Пачаткам судовай рэформы стала падпісанне 20 лістапада 1864 г. Аляксандрам II чатырох расійскіх законаў: «Заснавання судовых устаноў», «Устава крымінальнага судаводства», «Устава грамадзянскага судаводства», «Устава аб пакараннях, якія накладваюць міравыя суддзі». У кастрычніку 1865 г. набыло моц Палажэнне аб увядзенні ў дзеянне судовых уставаў [8, с. 59].

Закон «Заснавання судовых устаноў» абвясціў аддзяленне судовай улады ад заканадаўчай і выканаўчай. У ім падкрэслівалася, што ў судовым працэсе ўлада абвінаваўчая адлучаецца ад судовай. Абвясчалася аддзяленне суда ад адміністрацыі (забяспечвалася нязменнасцю суддзяў і судовых следчых). Закон рэгламентаваў стварэнне ўсесаслоўных судовых органаў і суда прысяжных.

Судовыя статуты замацавалі галоснасць, вуснасць, спаборнасць судовага працэсу, удзел прысяжных засядацеляў у судовай дзейнасці. Абвясчаліся прынцыпы роўнасці ўсіх перад судом і законам, выбарнасці міравых суддзяў і прысяжных засядацеляў, пракурорскага нагляду за законнасцю судовага працэсу і іншыя дэмакратычныя прынцыпы. Важным было тое, што ўпершыню ў Расіі засноўваўся інстытут адвакатуры. Адмянялася ранейшая сістэма фармальных доказаў і нарматыўнае палажэнне аб «пакіданні асобы ў падазрэнні», уводзіўся ў судаводства прынцып ацэнкі доказаў па ўнутраным судзейскім перакананні.

Былі створаны пазасаслоўныя судовыя ўстановы двух тыпаў (сістэм судаў): мясцовыя (міравыя) і агульныя (каронныя) суды. Да мясцовых судаў адносіліся міравыя суды і з'езды міравых суддзяў, да агульных – акруговыя суды, якія засноўваліся для некалькіх павеатаў, судовыя палаты (па грамадзянскіх і крымінальных справах), якія пашыралі сваю дзейнасць на некалькі губерняў або абласцей, касацыйныя дэпартаменты сената (па грамадзянскіх і крымінальных справах).

На тэрыторыі Беларусі міравыя суды пачалі стварацца ў 1871 г. у адпаведнасці з «Часовымі правіламі аб уладкаванні міравых судовых установаў у губернях: Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Кіеўскай, Валынскай, Падольскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай» ад 23 чэрвеня 1871 г.

Акруговыя суды, судовыя палаты і інстытут прысяжных павераных пачалі стварацца толькі ў 1882 г. Акруговыя суды Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў знаходзіліся ў падпарадкаванні Віленскай судовай палаты, заснаванай у 1883 г., Магілёўскі акруговы суд – Кіеўскай судовай палаты, а Віцебскі – Пецярбургскай судовай палаты.

Для міравых суддзяў былі ўстаноўлены маемасны, адукацыйны, службовы, узроставы і іншыя цэнзы. Аднак Міравыя судзі ў беларускіх губернях не абіраліся, (так як у заходніх губернях да 1911 г. адсутнічалі земскія органы, якія б абіралі міравых суддзяў, як у іншых губернях Расіі), а прызначаліся міністрам юстыцыі тэрмінам на тры гады. Такім чынам забяспечваліся строгі кантроль за камплектаваннем мясцовай юстыцыі на тэрыторыі Беларусі і непасрэдны ўплыў цэнтральнай улады на дзейнасць судовай сістэмы [8, с. 153-167].

У беларускіх губернях існавалі асаблівасці фарміравання лавы прысяжных засядацеляў. У агульныя спісы прысяжных засядацеляў маглі быць занесены толькі тыя асобы, якія валодалі на праве ўласнасці зямлей у памеры не менш як 20 дзесяцін ці нерухомай маемасцю коштам у гарадах не менш як 1000 рублеў, а ў іншых мясцовасцях – не менш як 500 рублеў, або мелі прыбытак ад службы ці з якіх-небудзь іншых крыніц прыбыткаў у гарадах не менш як 600 рублеў, а ў іншых мясцовасцях – не менш як 400 рублеў у год, або належалі да купцоў першай ці другой гільдыі.

Спісы прысяжных засядацеляў складаліся органамі адміністрацыйнай улады. У Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай і некаторых іншых губернях спісы прысяжных засядацеляў падаваліся для прагляду губернатарам. Губернатар меў права выключыць са спісаў не называючы прычыны асоб, якіх губернатар не прызнаваў магчымым дапусціць да здзяйснення абавязкаў прысяжнага засядацеля.

Правядзенне судовай рэформы ў Беларусі пачалося адначасова з пачаткам у 1880 – 1890-я гг. контррэформаў у Расійскай імперыі, якія былі накіраваны на абмежаванне і перагляд буржуазных рэформаў 1860 – 1870-х гг., на ўмацаванне ўлады самадзяржаў'я і дваран [8, с. 99-101]. Так, у 1887 г. быў зменены цэнз для выбарання прысяжных засядацеляў у судзе з мэтай павелічэння колькасці прадстаўнікоў ад дваран і адхілення прадстаўнікоў найменш заможных буржуазных слаеў.

Стварэнне бессаслоўных судоў таксама да канца не было рэалізавана на практыцы. Былі захаваны некаторыя чыста саслоўныя суды: духоўныя, якія апрача спраў духавенства разглядалі і некаторыя справы свецкіх асоб, а таксама вайсковыя і сялянскія валасныя суды, судаводства ў якіх здзяйснялася зусім па іншых прынцыпах, чым у міравых і агульных судах.

Судовая рэформа 1864 г. садзейнічала фарміраванню і развіццю такіх самастойных галін права, як крымінальнае, крымінальна-працэсуальнае, грамадзянскае, грамадзянска-працэсуальнае і інш.

Фактычна ўпершыню разглядаліся як самастойныя галіны права крымінальна-працэсуальнае і грамадзянска-працэсуальнае права. У межах крымінальна-працэсуальнага заканадаўства дакладна рэгламентаваліся стадыі разгляду спраў у следчых і судовых органах. Асабліва дакладна рэгламентаваўся працэсуальны парадак разгляду спраў у акруговых судах з удзелам прысяжных засядацеляў. Першай стадыяй крымінальнага працэсу з'явіўся папярэдні разгляд спраў, які складаўся з дазнання і папярэдняга следства. Далей рэгламентаваліся пытанні аб дастатковых дадзеных для разгляду спраў у судзе. Потым ішла стадыя падрыхтоўкі да судовага пасяджэння, а пасля стадыя

судовага следства і вынясення прыгавору. Закон прадугледжваў і магчымасць перагляду судовага рашэння.

Прагрэсіўным дасягненнем крымінальна-працэсуальнага права стала замацаванне дэмакратычных прынцыпаў правасуддзя: вуснасць, галоснасць, спаборнасць, непасрэднасць, прэзумпцыя невінаватасці і права абвінавачанага на абарону. Скасоўвалася сістэма фармальных доказаў, на змену якой прыйшла свабодная ацэнка доказаў у адпаведнасці з унутраным перакананнем суддзяў.

Грамадзянскае судаводства ў агульных судах дакладна і падрабязна рэгламентавалася законам. Пачыналася яно з падачы іскавой заявы, пасля азнаямлення з якой процілеглы бок меў права прадстаўляць уласныя доказы. Увогуле бакі мелі права самі адшукваць доказы, наймаць адваката. Судовыя пастановы можна было абскардзіць у апеляцыйным парадку.

Грамадзянскае судаводства ў мясцовых судах (міравой юстыцыі) мела спрошчаны характар. Міравы суддзя вырашаў справы аднаасобна, аднак усе яго працэсуальныя дзеянні падлягалі абавязковай фіксацыі ў спецыяльнай кнізе, а рашэнні таксама маглі быць абскарджаны ў апеляцыйным парадку.

Агульныя прынцыпы і правілы судовай рэформы 1864 г. у канцы XIX – пачатку XX стст. захоўваліся, удасканаліваліся ў дачыненні да новых сацыяльных, палітычных і прававых умоў. Быў прыняты шэраг нарматыўных прававых актаў, падрыхтаваны новыя рэдакцыі Судовых уставаў 1864 г., іншых заканадаўчых актаў, а таксама праект новага Крымінальнага ўлажэння (1903), «Палажэнне аб ваенна-палявых судах» (1905), меркаванне Дзяржаўнага Савета «Аб пераўтварэнні Вярхоўнага суда» (1906), Закон аб пераўтварэнні мясцовага суда (1912) і інш., якія былі накіраваны на рэалізацыю асноўных палажэнняў судовай рэформы 1864 г. [2, с. 235-245]. Пры гэтым «контррэформы» былі накіраваны на адаптацыю ідэй буржуазна-дэмакратычных рэформ 1860 – 1870-х гг. да змяніўшыхся ўмоў.

Пачатак XX ст. у Расійскай Імперыі, у тым ліку і ў беларускіх губернях характарызаваўся спробамі прадоўжыць паступовае развіццё судовай сістэмы і абнаўленне заканадаўства, аднак Рэвалюцыя 1905-1907 гг., а таксама Першая Сусветная вайна аб'ектыўна садзейнічалі ўзмацненню ролі надзвычайных судовых органаў. Часовы ўрад, які імкнуўся правесці «дэмакратычныя» рэформы, па сутнасці не змог сфарміраваць новую судовую сістэму, захаваўшы, пры мінімальным дапрацоўках, існуючую мадэль, а сапраўдная рэформа судовай улады стала магчымай ужо ў савецкі перыяд.

Першыя савецкія судовыя органы ў Беларусі ствараліся на аснове дэкрэта СНК РСФСР №1 ад 22 лістапада (5 снежня) 1917 г. «Аб судзе» [9]. Гэтым дэкрэтам ліквідоўвалася ранейшая судовая сістэма, у тым ліку адмянялася дзейнасць акруговых судаў, судовых палат, быў скасаваны сенат. Міравыя суды замяняліся мясцовымі народнымі судамі, якія разглядалі справы ў складзе пастаяннага мясцовага суддзі і двух засядацеляў. Пастаянныя суддзі абіраліся валаснымі, павятовымі, гарадскімі і губернскімі саветамі рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў.

Дэкрэт №2 «Аб судзе» [10], прыняты ЦВК і СНК РСФСР у лютым 1918 г. прадугледжваў стварэнне акруговых народных судаў у якасці касацыйных інстанцый па скаргах на рашэнні мясцовых народных судаў, а таксама судаў першай інстанцыі для рашэння непасудных мясцовым судам спраў. Першыя народныя суды ў Мінску былі створаны ў лютым 1919 г.

Сістэма судовых органаў БССР у гэты перыяд складалася з народных судаў, асобных ударных сесій, дзяжурных камер народных судаў, дзяжурных камер Надзвычайнай камісіі, Савета народных суддзяў, Рэвалюцыйнага і Касацыйнага трыбуналаў. Агульны нагляд за дзейнасцю судаў і трыбуналаў здзяйсняла Калегія вышэйшага судовага кантролю Наркамата юстыцыі БССР [2, с. 314].

У верасні 1922 г. ЦВК і СНК БССР на падставе рашэння ЦК КПБ(б) адносна паляпшэння дзейнасці судовых органаў прынялі пастанову аб правядзенні судовай рэформы ў Беларусі. У выніку рэформы павялічылася колькасць дзяжурных камер, а таксама быў скасаваны Савет народных суддзяў, Рэвалюцыйны і Касацыйны трыбуналы, Калегія вышэйшага судовага кантролю Наркамата юстыцыі БССР. Замест іх быў створаны Вышэйшы суд і Вышэйшы касацыйны суд рэспублікі. Такім чынам, судовая рэформа ўводзіла адзіную сістэму судовых органаў.

У красавіку 1923 г. была праведзена новая рэформа. Пастановай ЦВК БССР ад 30 красавіка 1923 г. было зацверджана Палажэнне аб судовым ладзе БССР. У адпаведнасці з палажэннем з 15 красавіка 1923 г. уводзілася трохзвенная сістэма судовых органаў: народны суд, Вышэйшы суд, Вярхоўны Суд Беларускай ССР. Для вырашэння арганізацыйных пытанняў дзейнасці народных судаў і тлумачэння ў неабходных выпадках дзеючага заканадаўства Палажэннем аб судовым ладзе прадугледжвалася ўтварэнне пленума Вышэйшага суда.

Створаны ўпершыню Вярхоўны суд не меў паўнамоцтваў ажыццяўляць правасуддзе па першай інстанцыі. Як вышэйшы судовы орган, ён быў надзелены правам нагляду за дзейнасцю ўсіх судаў, акрамя ваенных трыбуналаў, а таксама правам разгляду справы ў касацыйным

парадку. У яго складзе дзейнічалі прэзідыум, пленум, касацыйныя калегіі па крымінальных і грамадзянскіх справах. Прэзідыум ажыццяўляў адміністрацыйна-арганізацыйную дзейнасць. Задачами пленума з'яўляліся тлумачэнні заканадаўства па пытаннях, якія ўзніклі падчас судовай практыкі, а таксама разгляду ў парадку нагляду пратэстаў на прыгаворы і рашэнні ўсіх судоў рэспублікі. Старшыня і два члены Вярхоўнага суда прызначаліся Прэзідыумам ЦВК БССР.

У выніку праведзенай у 1924 г. рэформы адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу Беларусі і ўвядзеннем акруг у 1925 г. Вышэйшы суд быў ліквідаваны. Замест яго ўводзіліся 5 акруговых судоў: у Мінску, Віцебску, Магілеве, Бабруйску і Мазыры. Былі пашыраны паўнамоцтвы Вярхоўнага суда БССР: ён набыў права разгляду судовых спраў па першай інстанцыі. Была ўдасканалена структура суда: арганізацыйна аформіліся калегіі па крымінальных і грамадзянскіх справах, павялічылася колькасць супрацоўнікаў (у 1927 г. – да 12 чалавек, 1928 г. – да 14 чалавек).

У 1930 г. у сувязі з новай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформай (скасаваны акруговы падзел) акруговыя суды былі ліквідаваны, была ўведзена двухзвенная судовая сістэма, пашыраны функцыі народных судоў і інш.

У адпаведнасці з арт. 80 Канстытуцыі БССР 1937 г. [11] судовая сістэма рэспублікі ўключала народныя, акруговыя і Вярхоўны Суд БССР. Гэтым жа арт. прадугледжвалася ажыццяўленне правосуддзя «спецыяльнымі судамі, створанымі па пастанове Вярхоўнага Савета СССР». Адначасова Канстытуцыя дэкларавала прынцыпы галаснасці судовых пасяджэнняў, выбарнасці суддзяў, права абвінавачанага на абарону.

У 1938 г. быў уведзены абласны падзел, у сувязі з чым былі ўтвораны абласныя суды.

На аснове агульнасаюзнага закона «Аб судаўладкаванні СССР, саюзных і аўтаномных рэспублік», прынятым у жніўні 1938 г., была зменена структура і кампетэнцыя судовых органаў і юрыдычна афармляецца і замацоўваецца новая судовая сістэма СССР, якая ў асноўным праіснавала да распаду СССР. У судовую сістэму БССР ў канцы 1930-х гг. уваходзілі: народны суд – абласны суд – Вярхоўны суд рэспублікі. Пленум, прэзідыум і спецыяльная калегія Вярхоўнага Суда БССР скасоўваліся. Прадугледжвалася стварэнне толькі судовых калегій па крымінальных і грамадзянскіх справах, якія павінны былі дзейнічаць у якасці суда першай, касацыйнай, а таксама наглядальнай інстанцыі, што разглядалі справы, па якіх прыгаворы і рашэнні набывалі законную моц. З мэтай максімальнай цэнтралізацыі судовай сістэмы СССР

дадзеным законам вярхоўныя суды саюзных рэспублік пазбаўляліся права даваць судам кіруючыя тлумачэнні па пытаннях прымянення заканадаўства. Такое права належала толькі Вярхоўнаму суду СССР.

Пасля распаду СССР і правазглашэння ў 1991 г. Рэспублікі Беларусь суверэннай дзяржавай, замацаваўшай у Канстытуцыі прынцып падзелу ўлад, узнікла неабходнасць у арганізацыі самастойнай і незалежнай судовай улады, яе прававым забеспячэнні, адпавядаючым міжнародна-прававым стандартам.

З 1990-х гг. пачынаецца працэс рэфармавання сістэмы органаў судовай улады. 23 красавіка 1992 г. Вярхоўны Савет прыняў пастанову «Аб канцэпцыі судова-прававой рэформы ў Рэспубліцы Беларусь», якая з'явілася прававой асновай карэннай перабудовы сістэмы праваахоўных органаў. Галоўнымі мэтамі судова-прававой рэформы аб'яўляліся стварэнне самастойнай і незалежнай судовай улады як асноўнага гаранта забеспячэння правоў і свабод грамадзян і іншых удзельнікаў праваадносін, заканадаўчае забеспячэнне рэалізацыі дэмакратычных прынцыпаў арганізацыі і дзейнасці праваахоўных органаў.

Прыняты ў студзені 1995 г. Закон Рэспублікі Беларусь «Аб судовым ладзе і статусе суддзяў» быў яшчэ ў значнай ступені арыентаваны на Канцэпцыю, аднак ужо ў 1996 г. у новай рэдакцыі Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, прынятай на агульнарэспубліканскім рэферэндуме, былі прынцыпова зменены падыходы да пабудовы судовай сістэмы. забяспечана яе адзінства. У склад органаў судовай улады быў уключаны Канстытуцыйны Суд, удакладнены яго паўнамоцтвы, а таксама кампетэнцыя і падыходы да пабудовы сістэмы гаспадарчых судаў.

5 снежня 1997 г. праходзіў першы з'езд суддзяў Рэспублікі Беларусь. З'ездам быў аднагалосна прыняты Кодэкс гонару суддзі – збор прававых, маральных і этычных правілаў і патрабаванняў да ладу жыцця суддзі, яго паводзін як у судовым пасяджэнні, так і ў паўсядзённым жыцці, абавязковых для кожнага суддзі незалежна ад пасады, якую ён займае. Было прынята рашэнне аб стварэнні пры Беларускай дзяржаўнай універсітэце Інстытута перападрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі суддзяў, работнікаў пракуратуры, судаў і ўстаноў юстыцыі.

21 лютага 2002 г. праходзіў другі з'езд суддзяў Рэспублікі Беларусь, які вырашыў выбраць Рэспубліканскі савет суддзяў у колькасці 26 членаў.

З 13 студзеня 2007 г. уступіў у дзеянне першы ў гісторыі суверэннай Беларусі Кодэкс аб судаўладкаванні і статусе суддзяў, які дакладна вызначыў задачы і кампетэнцыю ўсіх судаў краіны, асноўныя напрамкі ўдасканалення іх дзейнасці.

25 сакавіка 2008 г. адбылася пашыраная нарада суддзяў і кіраўнікоў судаў з удзелам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. На ей быў зроблены прынцыповы аналіз развіцця судовай сістэмы за перыяд, які мінуў пасля другога з'езда суддзяў, вызначаны прыярытэтныя задачы на чарговым этапе развіцця.

3 чэрвеня 2011 г. адбылася нарада ў Прэзідэнта краіны па пытаннях удасканалення дзейнасці агульных судаў з удзелам вышэйшых службовых асоб дзяржавы, кіраўнікоў судаў усіх узроўняў. Паводле яго вынікаў Кіраўнік дзяржавы сваім указам ад 10 кастрычніка 2011 г. № 454 зацвердзіў Пасланне аб перспектывах развіцця сістэмы агульных судаў Рэспублікі Беларусь, якое адкрыла чарговы этап судова-прававой рэформы і развіцця інстытутаў судовай улады.

29 лістапада 2013 г. быў прыняты Дэкрэт Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь № 6 «Аб удасканаленні судовай сістэмы Рэспублікі Беларусь». У адпаведнасці з яго палажэннямі ў Рэспубліцы Беларусь з 1 студзеня 2014 г. агульныя і гаспадарчыя суды былі аб'яднаны ў адзіную сістэму судаў агульнай юрысдыкцыі на чале з Вярхоўным Судом Рэспублікі Беларусь.

1 ліпеня 2014 г. былі ліквідаваны Беларускі ваенны суд і міжгарнізонныя ваенныя суды, скасавана Ваенная калегія Вярхоўнага Суда. Паўнамоцтвамі па разгляду і вырашэнні спраў і спрэчак, раней падсудных ваенным судам, былі надзелены адпаведна абласныя (Мінскі гарадскі) і раённыя (гарадскія) суды.

25 кастрычніка 2017 г. адбылося першае пасяджэнне Рэспубліканскай канферэнцыі суддзяў, на якім быў прыняты яе Рэгламент, утвораны рабочыя органы, выбраны Рэспубліканскі савет суддзяў і яго старшыня, зацверджана выніковая Рэзалюцыя.

Такім чынам, судовая сістэма Беларусі ў сваім развіцці прайшла доўгі і складаны шлях.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Конституция Республики Беларусь // Президент Республики Беларусь: Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. (дата обращения: 27.09.2023).
2. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік. 2-е выд., выпраўл. і дап. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2021. 432 с.
3. Юхо И. А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке : дис. ... докт. юридич. наук : 12.00.01 / И. А. Юхо. Минск, 1979. 401 с.
4. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал. Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.

5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.
6. Статут Великого Княжества Литовского 1529 года. Минск: Издательство Академии наук БССР. 1960. 254 с.
7. *Доўнар Т. І.* Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI– XVIII стст.: хрэстаматыя / Т. І. Доўнар, Ю. П. Доўнар, Л. Л. Голубева ; пад рэд. Т. І. Доўнар. Мінск : БДУ, 2004. 206 с.
8. *Шахрай С. М.* Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех: К 150-летию Судебной реформы в России / С. М. Шахрай, К. П. Краковский. М.: Кучково поле, 2014. 536 с.
9. Декрет о суде № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude1.htm. (дата обращения: 5.10.2023).
10. Декрет о суде № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Text/DEKRET/o_sude2.htm. (дата обращения: 5.10.2023).
11. *Васілевіч Р. А.* Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо. Мінск: ВТАА «Права і эканоміка», 2001. 363 с.

УДК 340.1

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УГРОЗЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОСТСОВЕТСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

С. А. Калинин

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: Kalinin@bsu.by*

В статье рассматриваются проблемы постсоветского юридического образования, взятые в контексте мировоззренческих угроз. Отмечается детерминированность юридического образования идеями либеральной геокультуры, некритически воспринятой при мировоззренческой капитуляции СССР и постсоветских государств, что значительно снижает критичность мышления и теоретико-концептуальную подготовку юридического корпуса. В качестве средства преодоления предлагается усилить преподавание теоретико-исторических юридических дисциплин на всех формах получения образования.

Ключевые слова: юридическое образование, мировоззренческие угрозы, либеральная геокультура, теоретико-исторические правовые дисциплины.

WORLDVIEW THREATS IN MODERN POST-SOVIET LEGAL EDUCATION

S.A. Kalinin

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: Kalinin@bsu.by*

The article examines the problems of post-Soviet legal education, taken in the context of worldview threats. It is noted that legal education is determined by the ideas of liberal geoculture, which was uncritically accepted during the ideological capitulation of the USSR and post-Soviet states, which significantly reduces the criticality of thinking and the theoretical and conceptual preparation of the legal board. As a means of overcoming it is proposed to strengthen the teaching of theoretical and historical legal disciplines in all forms of education.

Keywords: legal education, worldview threats, liberal geoculture, theoretical and historical legal disciplines.

Юридическое образование в силу направленности на подготовку разносторонних кадров, востребованных национальной правовой системой, является ключевым для любого государства. При этом юридическое образование объективно охватывает ряд блоков учебных предметов, разделенных на социально-гуманитарный и

профессиональный компонент. При этом профессиональный компонент включает в себя следующие блоки дисциплин: теоретико-исторический, отраслевой, прикладной и специальный, среди которых в силу «заряженности» современного образования на практико-ориентированность начинает доминировать прикладной и специальный. Однако в силу постоянства учебных часов данное доминирование обеспечивается, как правило, сокращением предметов теоретико-исторического блока.

Такое сокращение с параллельной минимизацией дисциплин социально-гуманитарного блока обеспечивает недостаточную концептуальную подготовку будущего юриста, особенно в условиях мировоззренческой капитуляции постсоветского социально-гуманитарного и юридического образования перед либеральной геокulturой (правовое государство, права человека, демократия, рыночная экономика и т.д.). Современность представила огромный массив фактов того, что либеральная геокultura обеспечивает лишь доминирование государств ядра (в логике мир-системного анализа), а иные государства превращаются в колонии и зависимые территории, в том числе при помощи технологий управляемого хаоса, цветных революций и психоисторических войн.

На наш взгляд, реформирование современного юридического образования требует понимания тех мировоззренческих идей, которые были в нем заложены как в постсоветский, так и более ранние периоды. Именно историческая ретроспектива и выявленные на ее основе теоретические концепты могут указать на адекватное современным вызовам направление совершенствования данного вида юридической деятельности.

Считаем, что постсоветское юридическое образование допустимо рассматривать как добровольную капитуляцию, полное признание собственной концептуальной и иной несостоятельности и наивное желание стать добросовестным учеником коллективного Запада. Безоглядно отринув советскую марксистскую правовую доктрину, большинство теоретиков права и специалистов в области конституционного права взяли за основу идеи либеральной геокультуры, не уделяя внимания идеям социальной справедливости, важности социального развития в суверенном государстве. Значительное количество советских теоретиков, защитивших диссертации по марксистско-ленинской юриспруденции, стали каяться, писать о «советском феодальном праве» и т.д. Лишь небольшое количество ученых стали переосмысливать советскую правовую традицию применительно к новым реалиям.

Некритическое восприятие идей либеральной геокультуры привело к чрезмерному частно-правовому и международно-правовому «уклонам» в правовых системах постсоветских государств, доминированию прав индивидов над коллективными субъектами, признанию приоритета международных норм над национальными и т.д. Среди юристов стало доминировать мнение о том, что именно национальное государство, выступающее от имени народа, является основным врагом и противником как народа (гражданского общества), так и отдельного индивида.

Такое раболепство перед Западом объективно включило постсоветское пространство (разные государства в различное время) в Болонскую систему и иные имеющие западное происхождение образовательные эксперименты, которые снизили качество подготовки юристов, именно той профессии, которая должна стоять на страже закона, государства и общества. Считаем, что именно мировоззренческая капитуляция не дает возможности постсоветскому правовому образованию сформулировать верный ответ и начать объективную критику либеральной геокультуры в интересах собственных народов, ведь многие ее идеи при их взвешенном и постепенном применении могут быть использованы во благо как отдельного человека, так и народа в целом. Например, многие современные трактовки прав человека, по сути, отрицают человеческое естество, а цветные революции невозможны без использования правозащитной и демократической риторики.

Важно понимать, что догматизированная в силу генезиса, на основе имевшего западные корни атеистического марксизма-ленинизма советская правовая школа, сумела создать собственную достаточно стройную инструментальную теорию, направленную, в том числе на развитие системы и структуры права, обеспечение законности и правопорядка. Одновременно советская традиция возникла из отрицания Российской Империи, правовая школа которой была признана в мире, но вновь находилась в «вавилонском пленении» у современной ей либеральной геокультуры. Практически все ведущие юристы Российской Империи были в оппозиции к Царю и государству, осуществляя постепенную делегитимацию власти в глазах народа. Естественно, что в имперский период складывалось впечатление, что демократический режим и избирательное право коррелируют с высокими достижениями в экономике и иных социальных сферах. При этом из анализа исключалась колониальная природа западных «демократических» стран, высокий уровень развития которых обеспечивался не столько идеями либерализма, сколько жесткой эксплуатацией колоний.

Отметим, что для Руси / России характерна тенденция поиска внешней легитимации, попытка «вписания» себя во всемирную метафизическую историю («Слово о Законе и Благодати», «Сказание о Великих князьях Владимирских», концепции «Москва – Третий Рим», «Москва – новый Иерусалим», «Россия – Новый Израиль»). Однако любое «вписывание» в историю должно быть адекватным и опираться, в том числе, на традиционную систему ценностей и верно понимаемые исторические процессы развития государственности. Так, в Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 2023 г. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко прямо отметил, что «Белорусское государство также является полноправным преемником исторического наследия Древней Руси. Великое княжество Литовское (ВКЛ, как мы говорим) было также русским – это значит, что восточнославянским, то есть нашим. Для тех, кто обеспокоен темой «русского мира» и кто дрожит от упоминания «русский», скажу просто: русское – это не только российское, это и наше». В принятой в день выступления Президента Беларуси Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229, прямо указан статус России «как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира» (п. 4). Также важную роль в преодолении мировоззренческих угроз в обществе в целом, и юридическом образовании в частности, должны сыграть Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809.

Таким образом, важнейшим мировоззренческим вызовом для юридического образования Беларуси следует признать важность самоидентификации в глобальном мировом процессе, понимание себя не как ущербной государственности, должной повторять чужой путь, но как единой цивилизации, в которой Беларусь имеет статус Пограничья, обусловленный тем, что долгое время данные земли были инкорпорированы в западную цивилизацию (1385-1795 гг.). Параллельно такая самоидентификация требует возвращения к пониманию христианской сущности наших государств, а также учета иных религий, которые являются неотъемлемыми элементами нашей истории. Отметим, что данные идеи во многом отражены в Главе 2 Концепции правовой политики Республики Беларусь.

Изложенное требует переосмысления подходов к преподаванию теоретико-исторического блока в юридическом образовании, включая и определение оптимального времени, отводимого на его изучение, тем более, что Концепция правовой политики прямо указывает на необходимость устранения такой тенденции в национальной правовой системе, как «неготовность правоприменителей к работе с принципами права, правовыми нормами высокой степени обобщенности, запрос на чрезмерную детализацию нормативных правовых актов, наличие фактов искажения смысла нормативных правовых актов или их отдельных норм субъектами правоприменительной деятельности» (п.26.1).

При этом параллельно возникает вопрос об оптимальном времени, требуемом для подготовки квалифицированного юриста. Считаем, что переход в рамках Болонской системы на бакалавриат в данной отрасли образования не оправдал себя, и нам целесообразно вернуться к пятилетнему обучению, которое, с одной стороны, позволит «развести» теоретико-исторические дисциплины по различным курсам, а с другой стороны, позволит студентам получить дополнительный жизненный опыт.

На наш взгляд, при реформировании теоретико-исторического блока следует учесть, что феномен теоретической юриспруденции охватывает три уровня ее бытия, охватывающих различное соотношение и взаимодействие государства и права. Отметим, что предметом теоретической юриспруденции является дуальное взаимодействие права и государства, при этом именно конкретно-историческое государство является непосредственным заказчиком юридических кадров. Однако государство в системе юридического образования, как правило, не изучается, обычно осмысливаясь как некая юридическая фикция, но не как непосредственный исторический феномен. Итак, теоретическая юриспруденция может проявляться как юриспруденция догмы (текста), юриспруденция интереса и юриспруденция ценностей, каждая из которых имеет собственные закономерности и детерминанты.

Конечно, на уровне теории государства и права (общей теории права) как дисциплины первого курса, основное внимание уделяется догме права и понятийно-категориальному аппарату юриспруденции. Юриспруденция интересов, по сути, отражается в социологии права и криминологии, которые в этом случае должны быть обобщающими предметами завершающих курсов. Однако юриспруденция ценностей должна быть представлена только завершающим курсом, отраженным философией права либо проблемами теории государства и права.

Таким образом, базовой мировоззренческой угрозой постсоветскому юридическому образованию является его некритическая

детерминированность либеральной геокulturой, в рамках которой постсоветские страны отказались от своей антрополого-аксиологической суверенности и стали воспринимать все предлагаемые коллективным западом инициативы как безусловно позитивные.

Также важнейшей мировоззренческой угрозой является отказ воспринимать коллективный Запад как цивилизационного конкурента, который неоднократно ставил Русскую цивилизацию на грань уничтожения. То есть юриспруденция, говоря о государстве, должна использовать категорию «война» как объективную и устойчивую форму межгосударственного взаимодействия, что актуализирует проблемы национальной безопасности и суверенного развития в интересах собственного народа, но не в интересах абстрактных идей. Так, А.Г. Лукашенко в 2023 г. построил Послание белорусскому народу и Национальному Собранию Республики Беларуси именно на принципах государственного суверенитета. В таком контексте важным мировоззренческим вызовом, стоящим перед юридическим образованием, является необходимость переосмысления модели и содержания международного права, которое, по сути, утратило свою нейтральность, направленность на общемировое развитие и стало инструментом неокolonизации.

Преодоление мировоззренческих вызовов и необходимость переосмысления ряда положений либеральной культуры объективно предполагает возврат к традиционным ценностям, а также ценностям, которых придерживаются традиционные конфессии. Именно такой возврат к человеческому естеству и человеческой природе позволит противостоять античеловеческим практикам и рекомендациям, направленным на различные отклонения в сексуально-половой сфере, использование человека в антигуманных врачебных практиках и т.д. Фактически теоретическая юриспруденция должна дать ответ на базовые мировоззренческие вопросы: в чем заключается природа человека, как в ней соотносится добро и зло, пределы властного принуждения над человеком.

Ответы на данные вопросы, на наш взгляд, стоит брать из православной догматики, согласно которой человек – это образ и подобие Бога, но поврежденное в результате грехопадения, то есть зло существует как потенция в человеческой поврежденности, тогда как государство и право – это объективные общественные институты, требуемые для противодействия наиболее опасным проявлениям греха и возникшие после грехопадения, таким образом, цель государства не построить рай на земле, а не допустить падения человечества в ад. Такое изменение отношения к государству и праву позволит преодолеть ряд

деформаций правосознания и оценить подлинную роль государства и права, которые не способны решить все проблемы человечества, но при изменении отношения к человеку способны сами выступать инструментами зла. В этом контексте важно переосмысление идей прав человека, отсутствие разделения на высших и низших, в противном случае права человека превращаются в привилегии для «золотого миллиарда», а остальное человечества, через «правозащитные инструменты» лишается будущего и обречено на вымирание.

Купирование названных угроз позволит выявить верные детерминанты и векторы развития постсоветских государств, основанных на традиционных ценностях, социальной справедливости, обеспечении безопасности и возможности участвовать в управлении собственным государством.

УДК 340.1

**ВОПРОСЫ КОДИФИКАЦИИ ПРИ
ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ****И. Л. Вершок***кандидат юридических наук, доцент*

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: viarshok_irina@mail.ru*

Рассматриваются проблемы кодификации в праве. Проводится разграничение кодификации в юридической процедуре правотворчества и кодификации в контексте образования права как социального института. На данной концептуальной основе кодификация изучается как одно из средств обеспечения системности в законодательстве на уровне правотворческого процесса и в качестве факта признания нормативности и комплексной юридической формализации некоторых важнейших, сложившихся на практике, стереотипов правового поведения. Анализируется детерминированность кодификации правовым сознанием ее субъектов.

Ключевые слова: кодификация, кодекс, правотворчество, образование права, правовое сознание.

ISSUES OF CODIFICATION DURING STATE REFORMS**I. L. Vershok***PhD in Law, Associate Professor*

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: viarshok_irina@mail.ru*

The article deals with the problems of codification in law. A distinction is made between codification in the legal procedure of lawmaking and codification in the context of the formation of law as a social institution. On this conceptual basis, codification is studied as one of the means of ensuring consistency in legislation at the level of the law-making process and as a recognition of normativity and complex legal formalization of some of the most important stereotypes of legal behavior that have developed in practice. The determinism of codification by the legal consciousness of its subjects is analyzed.

Keywords: codification, code, law-making, formation of law, legal consciousness.

Вопросы кодификации как особого вида систематизации обычно рассматриваются в ракурсе правовых проблем совершенствования системы законодательства, юридической техники или обоснования необходимости подготовки и принятия новых нормативных правовых актов. Предполагается, что кодификация должна представлять собой

такое упорядочение нормативного правового массива, которое будет исключать наличие в нем повторений и противоречий, предусматривать восполнение ранее выявленных юридических пробелов [1, с. 26].

Обратим внимание на то, что на уровне доктринальных исследований кодификация рассматривается в качестве одного из видов систематизации нормативных правовых актов наряду с их учетом, консолидацией и инкорпорацией [7, с. 348]. Законодатель, регулируя порядок осуществления нормотворческой деятельности и процесса, предусматривает систематизацию как способ совершенствования действующего законодательства путем кодификации, консолидации, инкорпорации, в том числе электронной инкорпорации, проведения справочно-информационной работы и иными способами. В соответствии со статьей 72 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З систематизация представляет собой деятельность по упорядочению, актуализации нормативных правовых актов, приведению их в единую, внутренне согласованную систему.

Исходя из легального определения и логической интерпретации указанных норм, кодификация как одна из форм систематизации предназначена для упорядочения и актуализации нормативных правовых актов. Однако упорядочение, как приведение в единую внутренне согласованную, действительную систему, существенно отличается от актуализации. Актуализация подразумевает перевод нормативного правового акта из потенциального, не соответствующего современным условиям состояния, в действенный – реальный, насущный статус (подробная характеристика действительности правовой нормы в определенной пространственно-временной точке, а также различие действительности и действительности правовых норм содержится у Г. Кельзена [5, с. 20–26]).

Теоретическое обоснование цели, проводимое специально для каждой кодификации, будет способствовать объективной оценке необходимости и своевременности проведения кодификационной работы при проведении реформ в рамках конкретной отрасли юриспруденции. Тем более что в п. 26.1 Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 28 июня 2023 г. № 196, в качестве положительных тенденций формирования и развития национальной правовой системы указана направленность на дальнейшую систематизацию законодательства, а также высокая степень кодификации законодательства и продолжение работы в данном направлении.

Чаще всего, как доктринально, так и на практике основное предназначение кодификации ассоциируется с деятельностью в рамках

правотворческого процесса по текстуальной переработке, формальному и содержательному преобразованию уже существующего правового массива, устранению пробелов и коллизий правового регулирования, а также преодолению иных проявлений неопределенности в праве. Осуществление кодификации, понимаемой в данном значении, представляет собой юридический (но не всегда социальный) факт – кодифицированная норма будет обладать статусом действительного, но не обязательно действенного правила поведения. Указанная интерпретация кодификации в качестве инструмента совершенствования законодательства оправдана, но слишком узка и не в полной мере соответствует концептуальным положениям современной доктрины правотворчества и правообразования, а также реальному состоянию юридической практики.

В то время как правотворчество состоит в целенаправленном формировании правовых норм, содержащих новые и актуальные с точки зрения законодателя модели правового поведения, правообразование обозначает сложно-детерминированные процессы генезиса и трансформации права как социального института, происходящие на фоне динамики социальных, природных, антропогенных и техногенных факторов. Феномен и процедура кодификации, соответственно, могут проявляться по-разному, в зависимости от ситуации, контекста практики правотворчества или правообразования.

Правообразование выходит за границы юридических процессов и отражает динамику и логику содержания правовой нормы в соответствии с постоянно изменяющейся социальной практикой. Правообразование не является целенаправленно осуществляемым, строго структурированным процессом с заранее заданной последовательностью. Динамика правообразования нелинейна, ее этапы могут хаотично изменяться, трансформируясь во времени и пространстве.

Правообразование непрерывно настолько, насколько долго существует человеческая популяция. Его стадии и этапы невозможно воспроизвести заново с абсолютной идентичностью. Массовый процесс воспроизводства фактического правового поведения может приводить к формированию его типичных форм и образованию соответствующих паттернов поведения как основы будущей нормативности. Формирующаяся таким образом норма права изначально обладает потенциалом действительности. Кодификация в таком случае основывается на социальной практике формирования нормативности в праве, дальнейшем социальном ее признании и вероятном санкционировании официальной инстанцией некоторого комплекса сложившихся паттернов поведения.

Кодификация в процессе правообразования предполагает изменение существовавших ранее границ правового регулирования. Источником нормативности в ней проявляется правовое сознание субъектов правового взаимодействия.

Полагаем, что теоретическое положение о том, что кодификация наиболее результативна в период стагнации общественных процессов и в переходных условиях должна носить избирательный, дифференцированный характер [9, с. 32–33] относится именно к процессу правообразования. В свою очередь, кодификация в правотворчестве, наоборот, должна иметь сплошной внутриотраслевой характер, выборочность в ее процессе приведет к нарушению принципа системности и комплексности правового регулирования, закрепленного в статье 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». При этом следует учитывать темпы реальной динамики и напряженности правового сознания субъектов, вовлеченных в правовое взаимодействие в данной сфере.

Осуществление кодификации, понимаемой в качестве стадии правообразования, представляет собой социальный факт, кодифицированная норма будет обладать параметрами действенного правила поведения.

В свою очередь, правотворчество, как официальный юридический процесс максимально формализовано, универсально, характеризуется дискретностью и возобновляемостью стадий. Формирующаяся таким образом норма права изначально обладает признаком действительности (валидностью), но не всегда действительности.

Кодификация в практике правотворчества предполагает работу по систематизации и актуализации уже действовавшего нормативного правового массива, который по тем или иным причинам утрачивает полностью или частично параметры действительности. Кодификационная деятельность такого рода связана с упорядочением юридических текстов в соответствии с нормами и правилами юридической техники. Формирующийся в ее результате систематизированный нормативный правовой акт должен отображать структурную упорядоченность соответствующих правовых норм. На практике такой кодифицированный источник часто представляет собой нормативный правовой акт, имеющий достаточно крупный (укрупненный, значительный) объем и, исходя из содержания выраженных в них положений, выступает «ведущим» юридическим регулятором в рамках какой-либо сферы [1, с. 27].

Своевременность и качество кодификации в правотворчестве обусловлены динамикой профессионального правового сознания

субъектов и участников нормотворческого процесса. Интенциональность их правового сознания направлена на формирование четких, внешне и внутренне формализованных правил поведения, доступных пониманию и однозначно интерпретируемых адресатами правового предписания.

Отсутствие обоснованного выше доктринального разграничения кодификации в правообразовании от кодификации в правотворчестве, а также пробелы в изучении их соотношения могут повлечь нарушение баланса взаимодействия между системой права и системой законодательства, а также несвоевременное или безосновательное появление новых кодифицированных нормативных правовых актов. В этой связи обратим внимание на то, что избыточность правового регулирования, сохранение проблемы множества актов законодательства по одному вопросу, в том числе из-за попыток разрешения юридических коллизий не путем изменения действующего законодательства, а путем издания нового нормативного правового акта в Концепции правовой политики Республики Беларусь признаны как подлежащие устранению тенденции.

Нивелирование значения рассмотренных в данной работе границ между кодификациями различной природы создает иллюзию постоянного формирования новых многочисленных институциональных образований в системе права и (или) законодательства с реальным или мнимым новым предметом правового регулирования. Это наталкивает некоторых исследователей на обоснование появления новых отраслей права и (или) законодательства и обязанности принятия новых кодифицированных нормативных правовых актов. В качестве примера можно привести экологический кодекс [6, с. 76–90; 3, с. 3–11], информационный кодекс [4, с. 153], кодекс о финансовых услугах [8, с. 88–103], молодежный кодекс [9, с. 36.] и др.

Будучи огульно сигнифицированы как кодексы, эти нормативные правовые акты подразумевают принципиально различные процессы появления правовых норм, включаемых в их состав. Некоторые кодексы могут образовываться преимущественно в контексте нормирования и стереотипизации новых правил поведения как систематизация действенных правовых норм на фоне объективного расширения границ правового регулирования. Иные кодексы могут формироваться в процессе упорядочения уже действовавших и частично действенных правил поведения в рамках прежних границ правового регулирования.

На основании изложенного, полагаем, что практика кодификации должна разграничиваться в зависимости от сферы осуществления. Ее целесообразно рассматривать в контексте правотворчества как юридической процедуры подготовки, принятия и совершенствования

нормативной правовой базы, либо на фоне процессов правообразования, понимаемого в качестве трансформации права как социального института.

Библиографические ссылки

1. *Азми Д. М.* О кодификации российских законодательных актов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2010. № 4 (99). С. 26–29.
2. *Байтин М. И., Петров Д. Е.* Метод регулирования в системе права: виды и структура // Журнал российского права. 2006. № 2(110). С. 84–95.
3. *Боголюбов С. А.* Некоторые проблемы экологического кодекса / С. А. Боголюбов // Журнал российского права. 2006. № 5(113). С. 3–11.
4. *Иванцова Ю. Г.* О механизме совершенствования национального информационного законодательства // Информационные технологии и право: Правовая информатизация - 2018 : Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Минск, 17 мая 2018 года; под общей редакцией Е. И. Коваленко. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2018. – С. 153.
5. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд ; пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лёзова. – Санкт-Петербург: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
6. *Петрова Т. В.* О проекте экологического кодекса Российской Федерации // Россия в окружающем мире. 2009. № 12. С. 76–90.
7. *Пиголкин А. С.* Систематизация законодательства // Проблемы общей теории права и государства; учебник для вузов; под общ. ред В. С. Нерсисянца. – Москва: НОРМА, 2002. – С. 347–365.
8. *Протасовицкий С. П.* Понятие и система финансового частного права и законодательства // Актуальные проблемы гражданского права. 2018. № 1(11). С. 88–103.
9. *Рахманина Т. Н.* Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4 (136). С. 30–39.

УДК 340.1

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В ПРОЕКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

И. А. Демидова

кандидат юридических наук, доцент

*Учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
ул. Крупской, 67, 2120011, г. Могилев, Республика Беларусь,
e-mail: demidova-irina00@mail.ru*

В статье рассматриваются социальные ценности и социальные вызовы современности, которые программируют правовое развитие современного белорусского общества. Автор исходит из того, что ценностный фактор общественного устройства фиксируется посредством выстроенной системы общественных ценностей, принятия ее членами социума и правового закрепления в основном законе.

Ключевые слова: правовая культура, современное белорусское общество, общественные ценности, ценностная матрица, правовые ценности.

SOCIAL CHALLENGES IN THE PROJECTION OF LEGAL CULTURE OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

I. A. Demidova

PhD in Law, Associate Professor

*Educational institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the
Republic of Belarus»
67, Krupskaya st., 212011, Mogilev, Belarus,
e-mail: demidova-irina00@mail.ru*

The article deals with social values and social challenges of the present day, which programme the legal development of modern Belarusian society. The author proceeds from the fact that the value factor of the social structure is fixed by means of the built up system of public values, its acceptance by the members of the society and legal consolidation in the basic law.

Keywords: legal culture, modern Belarusian society, public values, value matrix, legal values.

Правовая культура как фактор правового культурного развития современного белорусского общества призвана отражать запрос на эффективное функционирование права в качестве социального регулятора общественных отношений. В данном контексте правовая

культура может быть рассмотрена с позиций ее ценностных оснований, что позволяет соотнести исторически сформированные на белорусских землях социокультурные ценности с учетом их динамики, степени «проявленности» в общественных отношениях в условиях наличных социально-правовых реалий, роли в сохранении устойчивого развития социума и в обеспечении правового прогресса. Представленный подход призван характеризовать мировоззренческие основы правовой культуры современного белорусского общества. Следует исходить из того, что ценностные основания общественного устройства фиксируются посредством выстроенной системы общественных ценностей, их конституционного закрепления. При этом необходимо принятие членами социума обозначенных на государственном уровне ценностей в качестве лично значимых. В рамках проблематики исследования предполагается, во-первых, охарактеризовать ценностную матрицу современного белорусского общества; во-вторых, соотнести сформированные общественные и правовые ценности с целью оценки социальных трендов современности и возможностей правового регулирования и правового воздействия на них. Рассмотрим обозначенные позиции более подробно.

Ценностная матрица современного белорусского общества может быть установлена с использованием данных социологических опросов. Культурные типы базовых ценностей населения Беларуси в социологических исследованиях представлены в контексте различия традиционных, общечеловеческих и современных ценностей.

Таблица 1. – Культурные типы базовых ценностей населения [1, с. 97].

Социокультурные ценности	Год		Ценности	
	2017	2020	Терминальные (ценности-цели)	Инструментальные (ценности-средства)
Традиционные	2,85	2,78	Семья	Жертвенность
			Традиция	Своеволие
Общечеловеческие	3,03	3,12	Порядок	Общительность
			Благополучие	Нравственность
			Работа	Властность
Современные	3,31	2,91	Жизнь человека	Независимость
			Свобода	Инициативность

Обозначение в качестве ценностей-целей среди традиционных для белорусов ценностей семьи как значимой личной и общественной ценности и традиции как системообразующей ценности общественного устройства предполагает их правовую защиту и проведение государственной политики поддержки семьи, материнства и детства, а

также социальной практики сохранения традиций, в том числе в правовой сфере.

Показательно определенное снижение ценности семьи и традиций, что находит отражение в представленных в таблице 1 средних значениях для 2017 и 2020 годов. Обозначенная тенденция фиксируется статистически в отрицательной динамике браков и разводов в Республике Беларусь (таблица 2).

Таблица 2. – Динамика браков и разводов [4, с. 53].

Год	Число браков	Число разводов	На 1000 человек населения, в %	
			браков	разводов
1990	99 229	34 986	9,7	3,4
2000	62 485	43 512	6,3	4,4
2005	73 333	30 531	7,6	3,2
2010	76 978	36 665	8,1	3,9
2015	82 030	32 984	8,7	3,5
2020	50 384	35 144	5,4	3,7

При этом в 2021 году статистика браков белорусов несколько улучшилась, в сравнении: в 2021 году показатели составили 6,4%, при сохранении на прежнем уровне числа разводов – 3,7 %. Одновременно статистические данные по результатам переписи населения советского и современного периодов и текущему учету достаточно красноречивы.

Таблица 3. – Динамика браков и разводов [5, с. 45].

Год	Число браков	Число разводов	На 1000 человек населения, в %	
			браков	разводов
1959	90734	5011	11,2	0,6
1970	83658	17060	9,3	1,9
1979	104034	29707	10,8	3,1
1989	97929	34574	9,6	3,4
1999	72994	47254	7,3	4,7
2009	78800	35058	8,3	3,7
2019	62774	34470	6,7	3,7
2020	50384	35144	5,4	3,7
2021	59649	34386	6,4	3,7

В данной связи для сохранения ценности семьи государство призвано принимать действенные меры. Прежде всего, в Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями, принятыми на республиканских референдумах 1996, 2004 и 2022 годов) закреплено, что семья – это союз мужчины и женщины (ст. 32). Это важно в контексте

современных реалий и социальных трендов западного общества, легализирующего однополые браки. Принятие ценности семьи как лично значимой ценности определяется духовностью в качестве одной из отличительных ментальных характеристик белорусов.

В свою очередь, традиция как общественно значимая ценность-цель позволяет обеспечить преемственность общественного правового развития, проведение государственных преобразований в русле сформировавшихся в обществе ценностей. Так, исторически на белорусских землях был развит институт представительства, понимаемый в широком смысле. Примером выступают соймы ВКЛ, Верховные Советы в советский период, в настоящее время – Всебелорусское народное собрание, учрежденное в соответствии с решением республиканского референдума 27 февраля 2022 года посредством дополнения раздела IV Основного Закона соответствующей главой.

Важно, что такие общечеловеческие ценности-цели как порядок и благополучие и инструментальная ценность-средство нравственность в условиях правового государства могут быть реализованы преимущественно посредством правовых норм, что определяет роль законодательного регулирования общественных отношений. Современное состояние правовой системы Республики Беларусь характеризует, в том числе, сформированность иерархичной, сбалансированной и относительно компактной системы законодательства, которая в современных реалиях включает Конституцию, 26 кодексов, более 4000 праворегулирующих законов и нормативных правовых актов Президента, что зафиксировано в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 года № 196 (п. 22). Приверженность Республики Беларусь общечеловеческим ценностям определяет включенность белорусского общества в цивилизационный процесс, предполагающий формирование системы ценностей, позволяющих обеспечить социальный прогресс. Это дает возможность характеризовать общечеловеческие ценности как общезначимые, как следствие, социально необходимые и достижимые.

При этом свобода в числе современных ценностей-целей достижима только в рамках правового поля. В данной связи в категориях должного и возможного поведение членов социума устанавливается преимущественно посредством правовых норм. Принятие правовой формы общения фиксируется признанием современными белорусами таких государственно-образующих (коллективных) ценностей, как мир, безопасность, свобода, порядок, справедливость, права человека,

законность, стабильность, солидарность и ряд других [6, с. 29]. В контексте соотношения общественных и правовых ценностей подлежит учету их деление на сменяющиеся и вечные, общие и дополнительные (частные). В число вечных ценностей, которые имеют универсальный характер включаются справедливость (главная ценность), добродетель, общее благо (благополучие), порядок и безопасность [2, с. 7–8]. К числу общих ценностей относятся государство и право поскольку они выступают необходимыми формами организации общественной жизни, средствами обеспечения универсальных ценностей, к частным ценностям – аспекты и стороны государства и права [3, с. 72]. Представленный подход определяет социальную значимость правового государства и роль правовой культуры общества. Сформированная общественная правовая культура в составе общей культуры белорусского общества является фактором цивилизационного развития, в своем основании она имеет ценности, которые восприняты социумом в качестве социально и личностно значимых, закреплены в конституции.

Библиографические ссылки

1. *Лашук И. В.* Ценностная трансформация современного белорусского общества (по результатам социологических исследований) // Журн. белорус. гос. ун-та. Социология. 2021. № 1. С. 90–99.
2. *Мартышин О. В.* Проблема ценностей в теории государства и права // Государство и право. 2004. № 10. С. 5–14.
3. *Насурдинов Э. С.* Правовая культура : монография; отв. ред. Ф. Т. Тахиров. М. : Норма, 2016. 352 с.
4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_41019/. (дата обращения: 05.05.2022).
5. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/da7/2ofs6kwxniibet4h4icu0kdluroipo8.pdf>. (дата обращения: 06.10.2023).
6. Ценностный мир современного белорусского общества: аналит. проект / С. М. Алейникова [и др.] ; под ред. С. М. Алейниковой. Минск : Друк-С, 2021. 55 с.

УДК 340.12

**КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ЭВОЛЮЦИИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА**

В. И. Павлов

кандидат юридических наук, доцент

*Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», пр-т Машерова, 6,
220005, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: vadim.i.pavlov@mail.ru*

Статья посвящена рассмотрению теоретико-правового значения Концепции правовой политики Республики Беларусь на современном этапе развития страны. Центральным вопросом исследования является соотношение положений Концепции правовой политики с нормами Конституции Республики Беларусь. Делается вывод, что нормы Концепции детализируют и помогают конкретизировать конституционно-правовой смысл многих положений Конституции.

Ключевые слова: Концепция правовой политики, Конституция, право.

**THE CONCEPT OF THE LEGAL POLICY OF THE REPUBLIC
OF BELARUS IN THE LIGHT OF THE CURRENT STAGE OF THE
EVOLUTION OF DOMESTIC LAW AND THE STATE**

V. I. Pavlov

PhD in Law, Associate Professor

*Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
6 A Masherova Avenue,
220005, Minsk, Belarus, e-mail: vadim.i.pavlov@mail.ru*

The article is devoted to the consideration of the theoretical and legal significance of the Concept of legal Policy of the Republic of Belarus at the present stage of the country's development. The central issue of the study is the correlation of the provisions of the Concept of Legal Policy with the norms of the Constitution of the Republic of Belarus. It is concluded that the norms of the Concept detail and help to specify the constitutional and legal meaning of many provisions of the Constitution.

Keywords: Concept of legal policy, Constitution, law.

1. Принятие Концепции правовой политики всегда является важнейшим этапом развития любой правовой системы. Наличие в национальной системе законодательства нормативного правового акта программного характера, регламентирующего общие вопросы правового

регулирования общественных отношений, процесс правотворческой и правоприменительной деятельности, указывает на достаточно высокий уровень системности и самоорганизации национального права. В Республике Беларусь таким актом уже более 20 лет выступает Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З (ред. 7 апреля 2023 г.). Принятие же Концепции правовой политики в государстве, наряду с существующей Конституцией и указанным выше законом, свидетельствует о зрелости правопорядка, о возможности разрешения не только вопросов юридико-технического характера и регламентации общественных отношений на уровне Основного Закона, но и определения идейно-смысловых и политико-программных положений, присущих конкретным обществу, праву и государству на определенном историческом этапе развития.

2. В Республике Беларусь в 2023 г. Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 утверждена Концепция правовой политики Республики Беларусь. Наряду с изменениями, принятыми в процессе конституционной реформы на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. и отраженными в обновленном тексте Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), правовые нормы, изложенные в Концепции, также устанавливают исходные базовые положения правового регулирования в правопорядке (принципы права), иные элементы права в его самом предельном выражении, т.е. своего рода правовую аксиоматику. В п. 1 Концепции правовая политика определяется как научно обоснованная деятельность государства при участии граждан, общественных институтов по формированию и развитию всех элементов правовой системы. Таким образом, содержание Концепции в своей политико-программной части пересекается с правовыми нормами, изложенными в Конституции Республики Беларусь, и теми конституционными смыслами, которые вырабатываются в процессе ее толкования. В данной связи в правовой теории, а также во многом формируемой под ее влиянием практикой должны быть разрешены вопросы, связанные с доктринальным, формально-юридическим и практическим соотношением норм Конституции и Концепции.

3. Один из первых вопросов, который возникает в связи с необходимостью разработки Концепции правовой политики либо аналогичного ей по содержанию правового акта политико-программного характера при наличии действующей Конституции заключается в мотивах такой нормотворческой инициативы и в ее доктринальном значении. Классический конституционализм основывается на идее о том, что конституционный текст и выступает, собственно, высшим по

юридической силе и главным по политико-программному смысловому содержанию актом в правовом порядке. С этим сложно спорить, однако в данном случае указанное суждение нуждается в конкретизации и рассмотрении его в определенном доктринальном контексте.

Относительно аспекта юридической силы, т.е. формально-догматического, либо юридико-технического вопроса о соотношении Конституции и Концепции, имеется полная определенность согласно классической юридической формуле: ч. 2 ст. 7 Конституции устанавливает, что Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории Республики Беларусь, а все иные правовые акты издаются на основе и в соответствии с Конституцией. При этом в п. 1 Концепции определяется, что она основывается на Конституции. Следует отметить, что вышеприведенная формула ч. 2 ст. 7 Конституции коррелирует положению ч. 1 ст. 116 Конституции, определяющему полномочие Конституционного Суда Республики Беларусь на осуществление конституционного контроля, в том числе в целях «обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия на территории Республики Беларусь».

Юридико-технический вопрос о соотношении Конституции и Концепции, тем не менее, не проясняет необходимость разработки политико-программных положений на уровне Концепции, т.е. на подконституционном уровне правового регулирования. Необходимость самой постановки такого вопроса обуславливается одноуровневостью политико-программных положений Концепции и конституционных норм концептуального характера не с позиции их юридической силы, а по их предметному содержанию. Имеются ввиду, прежде всего, нормы разделов I и II Конституции и практически всех 5-ти глав Концепции. Однозначно следует заключить, что многие нормы Концепции являются конституционно-правовыми по своему смыслу, или, если выразиться по-другому, – программно-политическими в части формирования правовой системы. Есть основания сделать вывод и о том, что базовые положения Концепции в предметно-смысловом отношении и представляют собой реализацию конституционно-правовой политики, поскольку, согласно п. 1 Концепции правовая политика направлена на формирование всех элементов правовой системы.

Кроме того, нельзя не учитывать специфику степени правовой определенности конституционно-правовых положений политико-программного характера, прежде всего, норм разделов I и II Конституции. Большинство данных норм являются нормами-принципами, т.е. как раз правилами не конкретно-регулятивного, а общего, концептуального характера. Указанная особенность хорошо

известна в правовой доктрине и связана с идеей ступенчатой структуры правопорядка, основанной на формально-правовой иерархии нормативных правовых актов во главе с Конституцией. Вместе с тем редко упоминается, что сам разработчик идеи нормативного порядка права и конституционного контроля Г. Кельзен полагал возможным осуществлять формулирование правил поведения (т.е. правовых норм) на любой из иерархических ступеней именно ввиду недостаточной регулятивной точности положений Основной нормы (т.е. Конституции) [2, с. 278–291]. Схожие идеи обосновываются и в современном правовом реализме [см. 4].

4. Необходимость определения базовых политико-программных положений правовой системы, ее «ценностно-правового ядра» [3, с. 94–103] посредством разработки нормативных правовых актов соответствующего характера, конкретизирующих конституционно-правовые смыслы, а также одновременно снижающих правовую неопределенность, обусловлена доктринальной и формально-догматической спецификой конституционного текста. Нормы первых двух разделов Конституции (всего 63 статьи, а также Преамбула) в основном представляют собой нормы-принципы, отражающие особенности национального конституционного строя. Большинство из данных норм, включая нормы о правах человека, а также положения Раздела I, являются классическими компонентами новоевропейского учения о правовом государстве, верховенстве права, общественном договоре, либерализме, разделении властей и т.д. В этой связи их доктринальное значение и смысл в различных правопорядках и традициях могут быть, соответственно, различными, получать разное правовое истолкование. Государственный интерес отечественного законодателя заключается в том, чтобы, используя эти формулы, являющиеся достоянием мировой юридической мысли, сохранить содержание ценностно-правового ядра собственной правовой системы. В рамках антрополого-правовой методологии ценностно-правовое ядро правовой системы может быть понято как «базовые (идеономотетические) правовые основания аутентичных антропологических практик и соответствующей цивилизационно-культурной модели, прежде всего, нравственно-правовые, культурные, хозяйственные основания правовой жизни... отвечающие за *качественный аспект* национальной правовой системы» [3, с. 97]. Причем в теоретическом плане качественный аспект представляет собой такую характеристику правового регулирования, которая бы наиболее полно охватывала выражение и закрепление ценностно-правовых параметров развития национального права во всех сферах правового

регулирования. Это возможно осуществить посредством формулы должной меры в правовом регулировании – «максимум качества – середина в количестве», которая реализуется как раз за счет выделения общеправовых и основывающихся на них отраслевых принципов, закрепляющих правовые ценности белорусского общества, права и государства.

Примером истолкования конституционно-правовых по своему смыслу положений является норма о конституционной идентичности, прямо не закрепленная в Конституции. П. 20 Концепции определяет, что характерной чертой правовой системы Республики Беларусь являются, во-первых, конституционная идентичность, во-вторых – верховенство Конституции, в-третьих – наличие эффективных государственных институтов, защищающих интересы как всего белорусского народа, так и отдельных граждан. Отметим, что в Конституции отсутствует понятие конституционной идентичности, однако, полагаем, оно может быть выведено в процессе конституционного толкования с опорой на понятие верховенства конституции (ч. 1 ст. 116 Конституции), а также и на национально-доктринальное истолкование принципа верховенства права, закрепленного в ч. 1 ст. 7 Конституции. Пп. 41.2 Концепции прямо определяет, что «в сферах конституционного законодательства и законодательства о государственном управлении необходимо... осуществлять толкование конституционных норм и положений законов, принятых в их развитие, на основе модели конституционной идентичности, опирающейся на социально-культурные ценности белорусского общества». Классическое толкование конституционно-правовых положений в обсуждаемой сфере, осуществляемое в рамках новоевропейской конституционно-правовой доктрины, разумеется, не предполагает формулирование правовых смыслов, устанавливаемых в национальном праве Концепцией. Однако в этом как раз и состоит политико-программный смысл разработки Концепции, осуществляющей своего рода политико-программную поддержку отечественного законодателя и правоприменителя в части работы с нормами Конституции.

5. Задача сохранения содержания ценностно-правового ядра правовой системы касается не только процесса толкования конституционно-правовых положений, раскрытия смысла конституционно-правовых норм, но и процесса заимствования иностранного правового элемента, нормотворческой деятельности, научных экспертных оценок при любых возможных видах юридической деятельности в стране. В ситуации кризиса социокультурных ценностей в мире для национального правопорядка важнейшее значение имеет

защита положений ценностно-правового ядра, касающегося институтов семьи, материнства, отцовства, детства. В этой связи ч. 1 ст. 32 обновленной на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. Конституции совершенно верно усилена конкретизацией понятия брака как «союза женщины и мужчины». С доктринальной точки зрения речь идет о традиционном понимании семьи, основанном на христианской нравственности. В данной связи пп. 26.1 Концепции как раз и относит семью к традиционным ценностям и определяет ее как «основную ячейку общества».

Таким образом, на современном этапе развития отечественных права и государства принятие Концепции правовой политики Республики Беларусь имеет важнейшее значение. Это не только «идеологическая матрица» развития правовой системы республики [1], но и важнейший доктринальный акт, дающий возможность, прежде всего, в рамках конституционно-правовой науки подойти к осмыслению политико-программных установок новоевропейского конституционализма не только в рамках либерально ориентированной теории естественного права, но и на иных методологических основаниях.

Библиографические ссылки

1. «Это идеологическая матрица». Ольга Чуприс о Концепции правовой политики Беларуси [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: : <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/october/75567/>. (дата обращения: 01.11.2023).
2. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. ; пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. – Санкт-Петербург : ООО Изд. дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
3. Основы устойчивого развития национальной правовой системы в XXI столетии : методология, теория, практика : коллективная монография / В. А. Абрамович [и др.] ; под ред. В. И. Павлова. Минск : Бизнесофсет, 2016. 278 с.
4. *Тонков Е. Н.* Правовой реализм / Е. Н. Тонков, Д. Е. Тонков. – Санкт-Петербург : Алетея, 2022. 464 с.

УДК 340.13 : 004

О ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В. А. Шаршун

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: sharshun@bsu.by*

В статье рассматриваются некоторые аспекты возможного применения искусственного интеллекта в рамках национальной государственной системы правовой информации. Перспективным представляется использование искусственного интеллекта при актуализации правовой информации. В этой связи целесообразно совершенствование правила нормотворческой техники с учетом зарубежного опыта. Важное значение для повышения эффективности нормотворческой деятельности будет иметь использование искусственного интеллекта в рамках разрабатываемой АИС «Нормотворчество».

Ключевые слова: правовая информация, искусственный интеллект, нормотворчество, официальное опубликование, нормотворческая техника

ON THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE STATE LEGAL INFORMATION SYSTEM

V. A. Sharshun

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: sharshun@bsu.by*

The article considers some aspects of possible application of artificial intelligence within the framework of the national state system of legal information. The use of artificial intelligence in the actualization of legal information seems promising. In this regard, it is advisable to improve the rules of rule-making technique taking into account foreign experience. The use of artificial intelligence within the framework of the automated information system «Rulemaking» under development will be important for increasing the efficiency of rule-making activity.

Keywords: legal information, artificial intelligence, rulemaking, official publication, rulemaking technique

В настоящее время искусственный интеллект является одним из важных направлений развития информационных технологий. Технологии искусственного интеллекта как вид таких технологий находят все более широкое применение во всех сферах деятельности для

создания и реализации новых возможностей человека, в том числе и в правовой сфере. Государственная система правовой информации является важным элементом правовой системы государства и использование в ее рамках искусственного интеллекта способно повысить эффективность деятельности по обеспечению доступности законодательства и иной правовой информации. В этой связи представляют интерес отдельные аспекты возможного использования искусственного интеллекта в рамках указанной системы.

Государственная система правовой информации Республики Беларусь (далее – ГСПИ) в соответствии с Положением о деятельности по распространению (предоставлению) правовой информации, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 712, представляет собой организованную совокупность эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь, государственных информационно-правовых ресурсов и информационных технологий, обеспечивающая взаимодействие государственных органов, Национального центра правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) и иных государственных организаций по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации, а также официальному опубликованию правовых актов.

Как следует из данного определения, важными функциями ГСПИ являются актуализация правовой информации и официальное опубликование нормативных правовых актов. По нашему мнению, с помощью искусственного интеллекта возможно формирование актуальной редакции (контрольного состояния) текстов нормативных правовых актов. В настоящее время в Республике Беларусь эта работа осуществляется вручную силами специалистов НЦПИ. Следует отметить, что сейчас нормативно не установлена обязательность опубликования актуальной редакции нормативного правового акта. Доступ к подавляющему большинству актуальных текстов нормативных правовых актов в Беларуси возможен, как правило, на возмездной основе посредством правовых информационно-поисковых систем. По нашему мнению, настало время обеспечить на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь свободный доступ к текстам актов законодательства в актуальной редакции с учетом внесенных изменений, а не только к текстам актов, официально опубликованных на определенную дату в первоначальной редакции. Соответственно нуждается в корректировке и статья 60 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах». Такой подход реализован в ряде государств. Например, в Российской Федерации согласно Указу

Президента Российской Федерации от 3 марта 2022 г. № 90 «О некоторых вопросах размещения текстов правовых актов на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)» с 1 июля 2022 г. на указанном портале размещаются тексты правовых актов с учетом внесенных изменений [1].

Внедрение искусственного интеллекта в процесс формирования актуальной редакции текста нормативного правового акта позволит существенно сократить человеческие трудозатраты, повысить оперативность доведения актуального содержания нормативных правовых актов до всех заинтересованных, повысить доступность правовой информации. В то же время решение данной задачи требует пересмотра существующих правил нормотворческой техники, ее адаптации для использования искусственного интеллекта, в том числе путем однозначной нумерации структурных элементов нормативного правового акта. В этой связи весьма интересным является опыт Австралии, где широко используется нумерация как структурных элементов нормативных правовых актов, а также строк их текстов [2]. В проектах законов можно увидеть дополнительные структурные элементы проекта правового акта: краткое наименование, комментарий и нумерацию каждой строки, начинающейся заново на каждой странице документа. Такое форматирование позволяет изменить и обычную логику внесения изменений в правовой акт: вместо «в абзаце тридцать пятом части двадцать третьей статьи 225» достаточно указать «строка 7 страницы 19». Это существенно облегчает внесение изменений в тексты нормативных правовых актов, не требует пересчета структурных элементов (абзацев, частей) и, соответственно, способствует уменьшению количества ошибок, связанных с неверно указанными структурными элементами правового акта. Особенностью разметки правовых актов в Австралии является то, что каждый структурный элемент правового акта, например, статья или абзац, имеют «пожизненную идентификацию (нумерацию)». Из буквенно-цифрового обозначения статьи становится понятным, сколько раз вносились те или иные изменения. Ситуация, когда нумерация смещается, исключается (например, «абзацы двадцать восьмой – тридцать первый» считать «абзацами тридцать пятым – тридцать восьмым»). Кроме того, в Австралии используются заранее подготовленные, четко структурированные шаблоны [3], на основе которых формируется все законодательство этой страны, что способствует минимизации ошибок в нормотворческом процессе. Также представляется весьма полезным опыт и в части сервисов для пользователей правовой информации. Например, весьма полезная функция «отслеживать» (track) предполагает

подписку (например, по электронной почте) на грядущие изменения правового акта (специальный суперсервис) [4], в том числе и в виде соответствующих проектов правовых актов, которая доступна на странице соответствующего опубликованного правового акта.

Для внедрения технологий искусственного интеллекта в ГСПИ, по нашему мнению, должно быть обеспечено создание ее важнейшего государственного информационно-правового ресурса, единой цифровой платформы нормотворческой деятельности – автоматизированной информационной системы «Нормотворчество», в рамках которой может быть реализован цифровой нормотворческий процесс. Следует отметить, что в ряде зарубежных стран подобные автоматизированные системы созданы, например, в Литовской Республике, Эстонии [5, с. 50]. В настоящее время в Российской Федерации разрабатывается государственная информационная система «Нормотворчество», предназначенная для обеспечения цифрового характера существующих процессов разработки, согласования и утверждения нормативных актов [6].

В Республике Беларусь автоматизированная информационная система «Нормотворчество» в соответствии с подпунктом 4.2 пункта 4 Указа Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности» должна была быть внедрена в практику работы государственных органов с 1 июля 2022 г. При этом координация вопросов цифровизации нормотворческой деятельности была поручена НЦПИ. Однако в силу ряда причин данная система до настоящего времени так и не была создана. Работа по созданию АИС «Нормотворчество» продолжается в соответствии с Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы и должна быть завершена в следующем году. Первоочередной задачей, по нашему мнению, является создание полного цикла нормотворческого процесса в рамках АИС «Нормотворчество» в виде специализированной системы электронного документооборота, а затем – наполнение этой системы сервисными возможностями, в том числе с помощью технологий искусственного интеллекта. Создание АИС «Нормотворчество» позволит на основе общей цифровой платформы объединить все нормотворческие органы и все стадии нормотворческого процесса. В рамках системы целесообразно реализовать автоматическое формирование и поддержку актуальных редакций текстов правовых актов. Система должна обеспечивать единообразное соблюдение требований и правил нормотворческой техники в автоматическом режиме, классификацию проекта в соответствии с Единым правовым классификатором Республики

Беларусь, а в перспективе – возможность подготовки и принятия актов машиночитаемого законодательства. В рамках создания новой цифровой экосистемы нормотворчества требуется пересмотр сложившихся процедур нормотворчества, например, отказ от сопроводительных писем при направлении проектов на согласование, обеспечение одновременной совместной работы над проектом и др.

Таким образом, применение искусственного интеллекта имеет большие перспективы в рамках ГСПИ. Внедрение технологий искусственного интеллекта целесообразно осуществлять в рамках единой цифровой платформы нормотворческой деятельности, применительно к Республике Беларусь такой платформой должна стать АИС «Нормотворчество». При этом следует оптимизировать существующие бизнес-процессы в сфере нормотворчества, адаптировать правила нормотворческой техники к возможности применения в нормотворческом процессе искусственного интеллекта, обеспечить автоматизированную актуализацию текстов актов законодательства. Это будет способствовать большей эффективности нормотворческой деятельности и существенным образом повысит доступность правовой информации.

Библиографические ссылки

1. Тексты нормативных правовых актов с внесенными в них поправками, размещаемые на портале pravo.gov.ru, будут считаться официальными [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/news/1531144/>. (дата обращения: 18.01.2023).

2. Federal Register of Legislation [Electronic resource]. URL: www.legislation.gov.au. (дата обращения: 07.10.2023).

3. Drafting templates / Official website of the Office of Parliamentary Counsel [Electronic resource]. URL: <https://www.opc.gov.au/drafting-resources/drafting-templates>. (дата обращения: 18.01.2023).

4. Bills before Parliament [Electronic resource] URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_Legislation/Bills_before_Parliament. (дата обращения: 07.10.2023).

5. *Шаршун В. А.* О некоторых вопросах применения информационных технологий в нормотворческом процессе: новации Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 года «О нормативных правовых актах» // *Право.by*. 2018. № 6. С. 46–52.

6. Работы по созданию национальной единой среды взаимодействия всех участников нормотворческого процесса (ГИС «Нормотворчество») [Электронный ресурс] // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0173100008622000017&utm>. (дата обращения: 07.10.2023).

УДК 340.111

ЗАЩИТА ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА СТОРОН В ПРАВООТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА

Д. А. Лагун

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4.
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: lagoon@bsu.by*

В статье излагается авторская позиция по вопросам обеспечения принципа равенства сторон в правоотношениях, одной из сторон которых выступает государство

Ключевые слова: равенство сторон, государство, договорное право, правоотношения.

PROTECTION OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY OF PARTIES IN LEGAL RELATIONS INVOLVING THE STATE

D. A. Lagoon

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue.
220030, Minsk, Belarus, e-mail: lagoon@bsu.by*

The article sets out the author's position on issues of ensuring the principle of equality of parties in legal relations, one of the parties of which is the state

Keywords: equality of parties, state, contract law, legal relations.

Государство выступает важнейшим субъектом права, обладая возможностью самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику, не подчиняя свою волю политике других государств и иных субъектов права. Суверенитет государства также проявляется во владении и использовании на монопольных условиях государственной власти, которая предполагает возможность применения легального насилия в отношении различных лиц, облакая его, таким образом, максимально мощным статусом в сравнении с иными субъектами, подчиняя последних воле первого.

Специфика государства проявляется и в том, что, являясь главнейшим субъектом права, оно обретает положение универсального субъекта правоотношений, занимая одно из ведущих мест во всех

отраслях права. Касательно публичных отраслей государство полноценно реализует свою официально властную природу, основанную на императивном характере указанных отношений. Облеченное властью, оно естественным образом приобретает черты господствующего субъекта в проявлении своих функциональных компетенций. Что касается национально-договорных отношений, где государство лишается своего властного статуса, а также отношений международного уровня, где консенсуально сталкиваются равноправные суверенитеты и устраняются преимущества, базируемые на усвоенном монопольном праве на государственную власть во внутреннем аспекте, то государство трансформируется в равноправного участника, не могущего апеллировать к легальному насилию и односторонне навязывать свою волю противной стороне.

Таким образом, происходит расщепление властной авторитетной природы государства, и оно переходит на форму консенсуса и добровольности с другими субъектами при формировании договорного права, отказываясь тем самым от возможности суверенно определять содержание правового регулирования, хотя и сохраняя статус властного субъекта (государство продолжает оставаться государством со всеми исключительными юрисдикциями).

Вступая в отношения равноправия сторон, государство, по-прежнему, имеет более сильные позиции, позволяющие пользоваться своими суверенными преимуществами. Как следствие, можно признать, что в договорных отношениях с участием государства присутствует элемент неравноправия с дисбалансом субъективных прав в пользу государства. Риск же негативных последствий от ненадлежащего развития таких отношений претерпевает другой, более слабый, участник.

В целях уравнивания статусов участников договорных отношений, основанных на равенстве сторон, если в нем присутствует государство, а также создания таких условий, при которых государству невыгодно будет использовать свои суверенные преимущества для доминирования договорных отношениях, необходимо внедрить комплексный механизм гарантий реализации и защиты прав и законных интересов субъектов этих отношений. Отчасти такой механизм в той или иной степени реализован в каждом государстве. Он включает комплекс мер юридического свойства (основаны на равенстве форм собственности, равенстве всех перед законом, независимости судей и подчинении их при осуществлении правосудия только закону и др.), политического свойства (основаны на многопартийности, выборности государственных служащих, досрочном прекращении их полномочий, отсутствии обязательной идеологии и др.), социального свойства (основаны на

широком самоуправлении, институте общественного контроля, институте омбудсмана и др.), международного свойства (основаны на деятельности надгосударственных (общемировых и региональных) юрисдикционных судов (трибуналов), опосредовании суверенной политики государства посредством резолюций Совета безопасности ООН, функционировании международных защитных организаций и др.).

Аналогичный механизм гарантий и защиты реализован и в белорусской правовой системе. В контексте обеспечения полноценного равноправия субъектов в договорном праве, основанном на равенстве сторон с участием государства, полагаем возможным дополнительно реализовать некоторые мероприятия, которые будут способствовать достижению заявленной выше цели:

1) выборность руководителей местных органов исполнительной власти (на областном и районном уровне) и транспарентный механизм досрочного прекращения их полномочий. Данная мера будет способствовать повышению степени персональной ответственности региональных государственных служащих, а также руководителей территориальных государственных организаций, им подчиненных, что благоприятно скажется на практике использования административного ресурса в отношениях равенства сторон, снизит коррупционную составляющую в государственном механизме нижнего звена;

2) демократизация процедур формирования судебной власти путем перехода с принципа назначаемости на принцип выборности, например, парламентским либо смешанным путем. В последнем случае судьи могут избираться областными (Минским городским) Советами депутатов из числа кандидатов, предложенных Верховным судом. Принцип выборности судей повысит самостоятельность судебной власти и улучшит механизм беспристрастной защиты прав и законных интересов субъектов договорных отношений с участием государства;

3) разработка и внедрение механизма уступки субъектом (гражданином, организацией) права требования долга от государства другому субъекту, имеющему больше возможностей его взыскания (например, другому государству или международной специализированной организации, находящейся вне юрисдикции государства и способной взыскать долг за счет собственности государства-должника, сосредоточенной на территории третьих стран);

4) адаптация механизма внесудебного разрешения споров (арбитраж, медиация) по отношениям, в которых равноправно выступает государство и коллективный негосударственный субъект (например, при неисполнении генерального соглашения со стороны правительства организация профсоюзов или объединение нанимателей могут

инициировать данные процедуры с целью понуждения правительства исполнить свои обязательства или предложить карту возможных уступок);

5) формирование института омбудсменов, в том числе в сферах, где государство может злоупотребить своим равноправным статусом. Финансирование деятельности данного института необходимо осуществлять из государственного бюджета. Но его деятельность не должна подчиняться государственным органам, а может контролироваться силами ассоциаций самоуправляемых (саморегулируемых) общественных организаций (например, с участием аудиторской палаты, нотариальной палаты, республиканской коллегии адвокатов, союза предпринимателей и др.);

6) активизация процессов разгосударствления и приватизации, что позволит снизить сферу вовлеченности государства в правоотношения, основанные на равенстве сторон, а также уменьшить количество потенциальных споров с его участием;

7) пропаганда и практическое воплощение идей государственности в рамках концепта «государство – это мы» (то есть государство – это люди), что будет способствовать снятию конфликта интересов между человеком и государством на субъектном уровне через процесс воспитания в человеке взглядов на государство как на социальную организацию, в которой его права и интересы максимально полно отражаются, а также через реализацию политики государства такими способами, которые не будут ставить под сомнение методики воспитания и вызывать у граждан их отторжение.

Модернизация механизма гарантий реализации и защиты прав, свобод и законных интересов субъектов в договорных отношениях с участием государства может идти и по иным направлениям. Результатом данной деятельности должна стать такая модель равноправных отношений между государством и человеком, в рамках которой у государства не возникнет и мысли использовать свои суверенные преимущества с целью возвыситься над человеком, а у человека не возникнет мысли, что государство способно предпринять меры по использованию своих суверенных преимуществ с целью умалить права и интересы человека.

УДК 346.7

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА РЕГУЛЯТОРНОЙ ПЕСОЧНИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Д. С. Маркевич

*ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», ул. Сурганова, 1/2,
220072, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: dasha.markevich@gmail.com*

В статье анализируется сущность и особенности правового режима регуляторной песочницы. Раскрывается его место в системе специальных правовых режимов. С учетом зарубежного опыта выделяются содержательные характеристики регуляторной песочницы, выделяются основные виды, определяются способы и источники ее закрепления в национальных правовых системах.

Ключевые слова: инновационная экономика, специальный правовой режим, цифровое право, правовые инструменты.

ESSENCE AND CONTENT OF THE LEGAL REGIME OF THE REGULATORY SANDBOX AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF INNOVATION ECONOMY

D. S. Markevich

*The Institute of economics of the National academy of sciences of Belarus, Surganova
street, 1/2,
220072, Minsk, Belarus, e-mail: dasha.markevich@gmail.com*

The article analyzes the essence and features of the regulatory sandbox. The place of this regime in the system of special legal regimes is revealed. Taking into account foreign experience, the substantive characteristics of the regulatory sandbox are highlighted, the main types are identified, the methods and sources of its consolidation in national legal systems are determined.

Keywords: innovative economy, special legal regime, digital law, legal instruments.

Развитие современной высокотехнологичной экономики в условиях существующих геополитических и геоэкономических вызовов и угроз, технологического противостояния ведущих мировых держав объективно определяет необходимость активизации инновационного государства, обеспечивающего с учетом субъектного подхода [2, с. 14–15] своевременное и согласованное установление норм и использование правовых инструментов, позволяющих поставить научно-технические

достижения на службу потребностям общества. Одним из таких инструментов может рассматриваться правовой режим регуляторной песочницы, изначально предложенный британским регулятором, а также его эквиваленты: в Российской Федерации используется термин экспериментальный правовой режим, в Казахстане – особый режим регулирования, в Грузии – регуляторная лаборатория, в Кыргызстане – специальный регулятивный режим. В Республике Беларусь соответствующая законодательная база не сформирована, что актуализирует необходимость рассмотрения сущности и содержания данного правового режима, которые выступят в качестве необходимой теоретической базы его нормативного правового регулирования.

Так, правовой режим регуляторной песочницы следует рассматривать в качестве разновидности льготного правового режима, а тот, в свою очередь, нужно отнести к подвиду специального правового режима. Общим для всех льготных режимов, в том числе для правового режима регуляторной песочницы, является их направленность на стимулирование позитивной активности субъектов права посредством создания благоприятных условий для достижения социально значимого результата, а также добровольность применения его субъектами права. Ключевыми отличиями регуляторных песочниц от иных льготных правовых режимов являются:

- их цель, состоящая в обеспечении гибкости правового регулирования, направленного на стимулирование инновационной деятельности путем временного снятия непропорциональных регуляторных барьеров и иных правовых ограничений в контролируемой среде;

- система принципов (например, минимизации отступлений от общего регулирования);

- условия закрепления правового режима;

- содержание (например, правовой режим свободной экономической зоны предполагает установление налоговых и таможенных льгот и преференций, в то время как правовой режим регуляторной песочницы влечет временную отмену или изменение строго определенных норм права);

- правовые последствия окончания правового режима (регуляторная песочница рассчитана на строго определенный срок, по истечении которого предполагается выход субъекта и масштабирование проекта и (или) регулирования на всю территорию государства) [1, с. 4–5].

При этом основными преимуществами регуляторных песочниц для субъектов хозяйственной деятельности можно назвать уменьшение времени для выхода на рынок и снижение издержек, связанных с

правовой неопределенностью при включении инновационного продукта в хозяйственный оборот; создание возможности апробировать технологию, бизнес-модель или идею, от которых при обычных условиях пришлось бы отказаться на начальном этапе из-за правовых рисков и т.д., что особенно актуально для развития цифровой экономики [4, с. 317–320].

Регуляторные песочницы обладают рядом внутривидовых особенностей, что позволяет проводить их классификации по различным основаниям. Наиболее популярным является выделение регуляторных песочниц по отраслевому признаку, хотя преимущественное распространение данный правовой режим получил в сфере финансовых технологий, страхования. Тем не менее, некоторые государства придерживаются более широкого подхода к определению видов деятельности, которые могут охватываться рассматриваемым правовым режимом. Так, в Российской Федерации к ним относятся медицинская деятельность, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан, фармацевтическая деятельность; проектирование, производство и эксплуатация транспортных средств, в том числе высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных воздушных судов, аттестация их операторов, предоставление транспортных и логистических услуг и многие другие. Отметим, что весьма спорным для осуществления правовых экспериментов является включение таких видов деятельности, как строительство, медицинские услуги, а также предоставление государственных и муниципальных услуг и осуществление государственного контроля (надзора).

Можно выделить и иные классификации регуляторных песочниц, например, по цели выделяются песочницы, ориентированные на оценку регулятивного воздействия; ориентированные на инновации; тематические; трансграничные [5]; по продолжительности тестирования регуляторные песочницы делятся на краткосрочные (на срок до одного месяца), среднесрочные (на срок свыше одного месяца и до одного года) и долгосрочные (свыше одного года); по виду продвигаемых решений: на общие и специальные; по мерам защиты потребителя: включающие внутренние меры защиты потребителя, выполняющие внешние требования регулятора, комбинированные [3].

Особенности содержания рассматриваемого правового режима, правовой системы отдельной страны, а также ряд иных факторов, в том числе цели государственной инновационной политики, определяют содержание и форму соответствующего нормативного правового акта,

закрепляющего правовой режим регуляторной песочницы, что позволяет выделить три основных подхода.

Первый подход используется в ОАЭ, Франции и Казахстане, где установление правового режима регуляторной песочницы (или шире – специального правового режима) допускается на уровне Основного закона. В таком случае конституции сами допускают возможность отступления от принципа формального равенства в пользу целесообразности и стимулирования инновационного развития, однако при условии соблюдения специальной процедуры (на примере Казахстана – через принятие конституционного закона).

Второй подход состоит в принятии общего закона, определяющего цель, условия и порядок введения, изменения, прекращения правового режима регуляторной песочницы, который используется в Японии, Испании, России.

В США, несмотря на законодательное регулирование регуляторных песочниц на уровне штатов, его все же следует рассматривать как рамочное, что связано с широкими дискретными полномочиями правоприменительных органов и высокой степенью самостоятельности субъектов хозяйствования. В основном на уровне закона штата определяются полномочия государственных органов по установлению правового режима; требования, предъявляемые к заявителям; срок его действия (как правило, не более 2 лет); особенности периода тестирования; перечень законодательных норм, действие которых не может исключаться или приостанавливаться и т.д.

Наконец, согласно третьему подходу презюмируется, что полномочия на введение экспериментального правового режима определены в специальном законе, регламентирующем деятельность того или иного ведомства (министерства, центрального банка и др.), следовательно, актом, определяющим правовые основы создания и функционирования регуляторных песочниц, является соответствующий акт данного органа, который может носить как обязательный, так и рекомендательный характер. Некоторые государства внедряют режим регуляторной песочницы на основании стратегических и программных документов, планов соответствующих отраслевых органов (например, Германия, Канада).

Введению режима регуляторной песочницы может предшествовать изменение отдельных положений отраслевого законодательства (обычно финансового) в части наделения центрального банка или иного государственного органа дополнительными полномочиями по введению правового режима регуляторной песочницы, к примеру, 2 июля 2018 года в Закон Республики Казахстан «О Национальном Банке Республики

Казахстан» внесены дополнения, предоставившие Национальному Банку полномочия по введению особого режима регулирования. Кроме того, зачастую предусматривается внесение изменений и дополнений в акты, касающиеся защиты прав потребителей, отмены лицензионных требований для осуществления финансовой деятельности и др.

Для постсоветских государств более характерно принятие специального нормативного правового акта, в котором подробно определяются: цель создания регуляторной песочницы, критерии входа для компаний-участниц, срок действия данного режима, последующие действия его участников и др.

Таким образом, правовой режим регуляторной песочницы следует рассматривать в качестве разновидности льготного правового режима, целью которого является обеспечение гибкости правового регулирования, направленного на стимулирование инновационной деятельности путем временного снятия непропорциональных регуляторных барьеров и иных правовых ограничений в контролируемой среде. В зависимости от особенностей юрисдикций, определяемых в том числе целями государственной инновационной политики, могут использоваться песочницы, ориентированные на оценку регулятивного воздействия; ориентированные на инновации; тематические; трансграничные и др., что влияет на содержание и форму принимаемого нормативного правового акта, закрепляющего правовые основы функционирования регуляторной песочницы.

Библиографические ссылки

1. *Гаврильченко Ю. П., Хватик Ю. А.* Экспериментальные правовые режимы: экономико-правовой взгляд [Электронный ресурс] // Банковский вестник. 2020. №12. С. 3–8. URL: <https://www.nbrb.by/bv/pdf/articles/10804.pdf> (дата обращения: 16.10.2023).

2. *Калинин С. А.* Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции // Известия ВУЗов. Правоведение. 2015. №2 (319). С. 6–21.

3. *Макаров В. О.* Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-regulyativnyh-pesochmits-eksperimentalnyh-pravovyuh-rezhimov-rossiyskiy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 27.09.2023).

4. *Маркевич Д. С.* Режим регуляторных песочниц как новый инструмент стимулирования инновационного развития // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции (20-21 сентября 2018 года, г. Минск). В 2 т. Т. 2 / Ин-т экономики НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2018. С. 317–320.

5. The GFIN Cross-Border Testing [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefin.com/crossborder-testing> (дата обращения: 27.09.2023).

УДК 347.7

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ
МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД**

Т. В. Иванова

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: ivanovtv@bsu.by*

В статье анализируется история становления взглядов на понятие «правовая деятельность», соотношение с понятием «юридическая деятельность». Делается вывод о связи юридической деятельности с механизмом правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правовая деятельность, инструментализм, деятельностный подход в правопонимании, механизм правового регулирования.

**LEGAL ACTIVITY AS A FUNCTIONAL ELEMENT OF THE
MECHANISM OF LEGAL REGULATION AFFECTING THE
EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION**

T. V. Ivanova

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: ivanovtv@bsu.by*

The author analyses the history of views formation on the notion of «legal activity». The author comes to conclusion that the correlation of legal activity with the mechanism of legal regulation takes place.

Keywords: legal activity, instrumentalism, activity approach in legal understanding, legal regulation mechanism.

Понятие «правовая деятельность» и «юридическая деятельность» в последние два десятилетия используется в теоретической науке о государстве и праве достаточно часто. Однако его содержание в юридической литературе определяется неоднозначно. Значение же правовой деятельности как неотъемлемого функционального элемента механизма правового регулирования, влияющего на эффективность правового регулирования, не исследовалось вовсе, либо исследовалось в узком аспекте. В связи с этим целесообразно осуществить комплексное исследование правовой деятельности во взаимосвязи с механизмом правового регулирования с позиций холистического осмысления [1,

с. 56] данного феномена юриспруденции с использованием таких категорий межнаучных дисциплин и теории права, как правовая система, механизм правового регулирования, субъекты и объекты, функции, виды юридической деятельности, связи и отношения между ними, эффективность функционирования и др. с целью выявления механизма повышения эффективности правового регулирования.

Камнем преткновения большинства ученых-юристов и практиков является соотношение правовой и юридической деятельности. Трактовки данных понятий сводятся либо к рассмотрению их как синонимичных, либо как общего и частного, либо как противоположных друг другу, либо как дополняющих друг друга проявлений социальной деятельности.

В последние годы опубликовано немало работ российских учёных-юристов, в которых освещаются содержание, функции, виды юридической деятельности, соотношение ее с правовой деятельностью. Среди них можно назвать работы А. М. Витченко, В. Н. Карташова, В. Н. Кудрявцева, Р. О. Халфиной, Э. В. Черновой, А. Д. Черкасова, Б. В. Шагиева, Р. В. Шагиевой и других. Общетеоретические вопросы юридической деятельности стали разрабатываться в отечественном научном правоведении вслед за «деятельностным» бумом в общефилософской литературе, когда на страницах журнала «Вопросы философии» в 1985 году прошла одна из самых плодотворных дискуссий по данной проблематике [2]. В первую очередь было разработано понятие «правовая деятельность». Понимание в качестве правовой деятельности, урегулированной правом, согласуется с определением правоотношения как общественного отношения, урегулированного правом, столь распространенного в нашей юридической науке.

По мнению Б. В. Шагиева, как категория общей теории права именно юридическая деятельность охватывает такие юридически значимые действия компетентных органов и должностных лиц, которые направлены на обеспечение внутреннего функционирования правовой системы путем принятия юридических решений, как общего, так и индивидуального характера, официально подтверждающих границы правового в общественной жизни, благодаря чему в ее рамках субъекты права (физические и юридические лица) реализуют социальные цели и задачи, удовлетворяя тем самым общезначимые интересы. Таким образом, компетентные органы и должностные лица выступают субъектами юридической деятельности [3, с. 56].

Юридическая деятельность отождествляется с правовым поведением, юридической практикой, активностью, правовыми формами деятельности государства, юридическим процессом, правоотношениями и другими смежными явлениями. Причём почти все авторы, дающие

общее определение юридической деятельности, единодушны в том, что в качестве ее субъектов могут выступать любые субъекты права – отдельные граждане, социальные группы, государственные и общественные организации. Такой подход, связанный с расширением субъектного состава юридической деятельности, не позволяет отразить ее относительно самостоятельную природу как категории общей теории права, понять природу самой юридической деятельности и ее место и роль в правовой системе общества.

Юридическая деятельность является относительно самостоятельным элементом правовой системы общества. Это объективированная в официальных актах, опосредуемая правом, интеллектуально-волевая, управленческая, производственно-трудовая деятельность компетентных учреждений и организаций, которая осуществляется в определенных процедурно-процессуальных формах с помощью специальных юридических действий и операций, способов и средств, направленная на решение общественных задач и функций и удовлетворение тем самым публичных и частных потребностей и интересов [2, с. 4].

Целью юридической деятельности является законное и обоснованное рассмотрение и разрешение того или иного юридического дела для достижения общественно-полезного, социально-значимого результата. Не случайно, поэтому ученые подчеркивают правовую цель юридической деятельности.

Признаками юридической деятельности являются следующие:

1. Субъекты юридической деятельности – государственные органы, а также в некоторых случаях – граждане, их объединения, уполномоченные законодательством на совершение юридических действий и операций (например, участие в референдуме).

2. Юридическая деятельность носит властный характер. В качестве ее субъектов, с одной стороны, выступают государственные органы (суд, прокуратура, исполком и др.), с другой – общественные организации (адвокатура, профессиональные союзы и др.). Соответствующие властные полномочия здесь либо устанавливаются государством, либо возникают на основе Конституции, устава или иного акта, определяющего правовое положение данного субъекта. В юридической деятельности находят проявление основные черты государственной или общественной (корпоративной) власти: руководство, контроль, управление, организация [2, с. 10].

3. Это социально-значимая, нормативно одобренная деятельность. Соответственно, компетенция субъектов и юридический статус ее участников, их действия и операции устанавливаются правовыми нормами, в том числе (и в обязательном порядке) процессуальными.

4. Процессуальность юридической деятельности означает, что она всегда осуществляется в соответствующей процессуальной форме.

5. Юридическая деятельность опосредована правоотношениями, она носит официальный и конструктивный характер.

6. Юридическая деятельность всегда осуществляется в рамках и на основе юридических технологий (включая юридическую технику и тактику).

На основе анализа многообразных трактовок, резюмируем: юридическая деятельность, с нашей позиции, это разновидность социальной деятельности, система определенных действий и операций управомоченных субъектов, которая выполняется с применением правовых средств, в соответствующей процессуальной форме, позволяет получать социально-значимые результаты в целях удовлетворения потребностей и интересов личности, общества и государства.

В качестве относительно самостоятельной системы (подсистемы) юридическая деятельность в обществе входит в системы более высокого порядка: рассматривается в связи с функционированием юридической системы общества, ее компонентов и, в частности, в связи с такими понятиями, как правовое поведение, правовые формы деятельности, правомерное поведение, показываются особенности юридической деятельности в процессе функционирования юридической системы общества. В качестве конституирующих элементов юридической деятельности выделяют субъекты и участники, юридические действия и операции, средства и способы их осуществления, принятые решения и результаты действий.

Юридическая деятельность выступает в качестве силы, преобразующей объективную и субъективную реальность: общественные отношения и институты. Юридическая деятельность осуществляется в рамках механизма правового регулирования, а именно: ее результаты (нормы права, правоприменительные акты, практика) являются элементами последнего. От результата юридической деятельности зависит эффективность правового регулирования.

Библиографические ссылки

1. Калинин С. А. Холизм и дополнительность в контексте постнеклассической методологии современной юридической науки // *Право в современном белорусском обществе* : Сб. науч. трудов, посвящ. доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь С. Г. Дробязко ; Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь / Ред. колл. : Н. А. Карпович (глав. ред.) [и др.]. Выпуск 13. Минск : Колорград, 2018. С. 55–60.

2. *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 ; НИИ советского государственного строительства и законодательства. М., 1990. 42 с.

3. *Шагиев Б. В.* Юридическая деятельность и ее система : монография / Б. В. Шагиев. – М. : Юрлитинформ, 2014. 192 с.

УДК 347.627

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ БРАКОРАЗВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX ВВ.

Н. В. Денисенко

*Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, ул.
Советская, 104,
246028, г. Гомель, Республика Беларусь, e-mail: nadyusha.denisenko2016@tut.by*

В статье исследуются проекты законодательного реформирования оснований и порядка расторжения брака в Российской империи в конце XVIII – XIX вв. Делается вывод о том, что данные проекты были направлены на увеличение числа поводов к разводу, а также на изменение порядка проведения следствий по бракоразводным делам. Однако данные проекты не были реализованы, в первую очередь, вследствие противодействия Синода.

Ключевые слова: развод, расторжение брака, духовный суд, реформирование законодательства, Российская империя.

ON THE QUESTION OF REFORMING DIVORCE LEGISLATION IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE END OF THE 18TH – 19TH CENTURIES

N. V. Denisenko

*Francisk Skorina Gomel State University, 104 Sovetskaya Street,
246028, Gomel, Belarus, e-mail: nadyusha.denisenko2016@tut.by*

The article examines projects for legislative reform of the grounds and procedure for divorce in the Russian Empire at the end of the 18th – 19th centuries. It is concluded that these projects were aimed at increasing the number of reasons for divorce, as well as changing the procedure for conducting investigations in divorce cases. However, these projects were not implemented, primarily due to the opposition of the Synod.

Keywords: divorce, dissolution of marriage, religious court, legislative reform, Russian Empire.

В современном мире важную роль для укрепления семьи играет сохранение традиционных ценностей, выработанных в результате становления и эволюции законодательства. В связи с этим особую актуальность приобретает обращение к историческому опыту правового регулирования брачно-семейных отношений.

В Российской империи брак заключался в церкви и считался таинством. Как следствие, основания расторжения брака устанавливались религиозными нормами, а сам развод происходил в духовных судах. Важно отметить, что до издания Устава духовных консисторий 1841 г. законодательство Российской империи не содержало норм о формах бракоразводного процесса и перечня поводов к разводу [5, с. 125]. Период конца XVIII – начала XIX вв. ознаменован появлением проектов, в которых предпринималась попытка урегулировать основания и порядок расторжения брака.

В 1767 году Синод в наказе своему депутату в Комиссию о составлении проекта нового Уложения предлагал установить следующие поводы к разводу: прелюбодеяние; умысел одного супруга на жизнь другого; «своевольная отлучка жены»; отнятие мужем у жены имения; жестокое обращение мужа с женой [2, с. 383]. Производство по указанным делам, в соответствии с наказом, должно было проводиться в светских судах. Из светских судов дела передавались в духовные, где епископы предварительно проводили «увещание» супругов [2, с. 383–384]. Уложение издано не было, однако наказ Синода являлся одним из источников законодательства по вопросу о разводе при разработке Государственным Советом проекта Гражданского уложения [6, с. 71].

В 1809 году М.М. Сперанский представил проект Гражданского уложения, который, в частности, содержал нормы о разводе [5, с. 146]. В проекте были перечислены следующие основания расторжения брака: «естественная» смерть; гражданская смерть; долгосрочная безвестная отлучка; развод. Последствия гражданской смерти приравнивались к смерти естественной, то есть супруг получал право вступить в новый брак. Безвестное отсутствие должно было длиться не менее 5 лет. Развод совершался вследствие преступлений одного супруга против другого, а также вследствие прелюбодеяния. К преступлениям, которые давали основания для расторжения брака, относились следующие: покушение одного супруга на жизнь другого; «тяжкие обиды, влекущие за собой уголовный иск»; ложный донос в уголовном преступлении; ложное обвинение жены в прелюбодеянии; похищение имущества жены; заточение и лишение ее личной гражданской свободы; побег и укрывательство жены от мужа [2, с. 384-385]. Все эти преступления должны были рассматриваться в гражданском суде, после чего духовный суд, получив приговор светского суда, выносил решение о расторжении брака [2, с. 385]. Факт прелюбодеяния также подлежал первоначальному рассмотрению уголовного суда. Затем духовный суд на основании вынесенного приговора решал дело о разводе [2, с. 386].

О проекте Сперанского было затребовано мнение Синода [2, с. 386]. Синод в своем мнении, представленном 1810 г., указал, что причиной развода следовало считать только супружескую измену [6, с. 71]. Государственный Совет пришел к следующему компромиссу: главной причиной к расторжению брака признавалась супружеская измена, а остальные основания можно было подвести под преступления одного супруга против другого. К ним относились: покушение на жизнь, ложный донос в уголовном преступлении, ложное обвинение от мужа в измене, «побег» жены от супруга [6, с. 71-72; 2, с. 388]. Кроме того, Департаментом законов Государственного Совета были указаны общие правила производства дел о супружеской измене: 1) жалобы первоначально должны были подаваться в духовный суд; 2) духовное начальство, по получении жалобы такого рода, сначала принимало меры к примирению сторон; 3) при безуспешности этих мер дело передавалось в светский суд; 4) последний исследовал дело об измене по существу и, не вынося никакого определения относительно развода, представлял дело для решения в Синод; 5) Синод выносил определение о разводе. При производстве бракоразводных дел по другим причинам жалобы должны были приноситься в гражданский суд. По окончании суда и следствия «невинная» сторона предъявляла иск о разводе в духовном суде. Духовный суд, основываясь на решении гражданского суда о фактической стороне дела, решал вопрос о разводе [6, с. 72].

Обер-прокурор Святейшего Синода А.Н. Голицын раскритиковал попытку вмешательства светских органов в вопросы брака, который, как уже отмечалось, представлял собой таинство. Со ссылками на Евангелие А.Н. Голицын на заседании Государственного Совета потребовал исключить из проекта Гражданского Уложения главу о разводах и оставить этот вопрос в духовном ведомстве [5, с. 147]. Светская власть согласилась с позицией обер-прокурора Синода, в связи с чем в «Своде законов гражданских» редакции 1835 и 1842 гг. разделы об основаниях расторжения брака отсутствовали. Они были включены только в редакции 1857 г. [1]. Так, в статье 45 «Свода законов гражданских» издания 1857 г. были установлены следующие основания расторжения брака: 1) «прелюбодеяние»; 2) «неспособность к брачному сожитию»; 3) «лишение всех прав состояния»; 4) «безвестное отсутствие».

Однако проект Гражданского уложения не был принят. Дореволюционный исследователь права А.И. Загоровский отмечал следующие особенности проекта: как Синод, так и Государственный Совет допускали значительное число оснований для развода. Большинство из них было основано на Кормчей книге, меньшая часть – на других древнерусских памятниках и в целом на древнерусской жизни.

Кроме того, проект передавал значительную часть компетенции по рассмотрению бракоразводных дел светским судам. В целом учёный положительно оценивал проект, считая его «шагом вперед» в развитии законодательства [2, с. 392-393].

Ещё одна попытка бракоразводной реформы была предпринята при составлении Устава уголовного судопроизводства: предполагалось передать дела о супружеской измене в ведение светских судов, приговор которых должен был являться основанием для расторжения брака. Однако Святейший Синод возражал против такой передачи, аргументируя это невозможностью проведения процедуры «увещания» супругов. Кроме того, в данном случае, по мнению Синода, духовный суд превратился бы лишь «в исполнительное учреждение» [6, с. 81-82].

Таким образом, судебная реформа не затронула духовные суды, однако при этом Синод пообещал подготовить проект преобразования духовного суда. 12 января 1870 года был учрежден комитет для преобразования духовно-судебной части при Святейшем Синоде, а 30 апреля комитет начал работу [3, с. 216]. Важно отметить отсутствие гласности, сопровождавшее подготовку проекта преобразования духовных судов, которое отличало подготовку духовно-судебной реформы от соответствующей реформы общих судов [3, с. 217]. По мнению комитета, основные недостатки церковного суда заключались в отсутствии сокращенной формы для производства «неважных дел», в письменности и медленности производства, «келейности», преобладании следственного процесса и дисциплинарном характере судопроизводства [3, с. 216].

Духовный суд предполагалось преобразовать на принципах несменяемости судей, публичности и гласности [3, с. 218]. Предполагалось установить три инстанции духовного суда: первую составляли духовные суды, вторую – епархиальный суд, третью – судебное отделение Святейшего Синода [3, с. 217]. При этом важным недостатком проекта комитета являлось то, что судебная власть не была отделена от административной [3, с. 223-224].

Тем не менее, в проекте, который был составлен комитетом для духовно-судебной реформы, предполагалось установление компетенции светских судов по некоторым бракоразводным делам. Так, дела о расторжении браков по безвестному отсутствию предполагалось передать гражданским судам. По окончании в гражданском суде производства о безвестном отсутствии, эти дела должны были передаваться в духовные консистории для расторжения брака [4, с. 109].

Проектом изменялся порядок производства дел о расторжении браков по неспособности одного из супругов к брачному сожитию:

сначала заявление о разводе подавалось епископу, который принимал меры по примирению супругов. В случае безуспешности этих попыток дело переходило в гражданский суд, который решал вопрос о неспособности и сообщал архиерею для расторжения брака [4, с. 109].

Дела о прелюбодеянии предполагалось передать светскому суду, если епископу не удавалось предварительно помирить супругов. При этом по окончании уголовного суда дело должно было передаваться епископу для расторжения брака, если ему снова не удавалось примирить супругов [4, с. 109]. Однако вследствие того, что полученные из епархий отзывы на этот проект были, в основном, отрицательные, реформирования бракоразводного процесса не произошло [5, с. 148].

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX века в Российской империи предпринимались попытки реформирования бракоразводного законодательства. Они были направлены на увеличение числа поводов к разводу, а также на изменение порядка проведения следствий по бракоразводным делам: установление наличия основания расторжения брака предполагалось передать светским судам. Однако данные проекты не были реализованы, в первую очередь, вследствие противодействия Синода. Несмотря на попытку реформирования бракоразводного законодательства, основания расторжения брака оставались неизменными на протяжении всего рассматриваемого периода. Невзирая на судебные реформы 1864 года, бракоразводный процесс вплоть до 1917 года сохранил дореформенные черты [5, с. 136].

Библиографические ссылки

1. *Дорская А. А.* Влияние церковного права на развитие семейного права Российской империи [Электронный ресурс] // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tserkovnogo-prava-na-razvitie-semeynogo-prava-rossiyskoy-imperii/viewer> (дата обращения: 21.09.2023).
2. *Загоровский А.* О разводе по русскому праву. Харьков, 1884. 490 с.
3. *Оршанский И. Г.* Исследования по русскому праву обычному и брачному. Санкт-Петербург: тип. А. Е. Ландау, 1879. 456 с.
4. *Победоносцев К.* Курс гражданского права: в трёх частях М.: «Статут», 2003. Часть 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. 639 с.
5. *Полянский П. Л.* Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: диссертация ... д-ра юридических наук: 12.00.01. М., 2016. 442 с.
6. *Способин А.* О разводе в России. М., 1881. 204 с.

УДК 342.41

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. Г. Абраменко

кандидат политических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: eabramenko1979@gmail.com*

В статье проводится сравнительный анализ конституционных реформ в Российской Федерации и Республике Беларусь. Автор приходит к выводу о том, что изменения и дополнения, внесенные в Конституции, являются ответом на современные вызовы и угрозы и направлены на защиту суверенитета, развитие государства и общества.

Ключевые слова: конституция, реформа, референдум, государство.

CONSTITUTIONAL REFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

E. G. Abramenko

PhD in political sciences, Associate professor

*Belarusian State University, 4, Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: eabramenko1979@gmail.com*

The article provides a comparative analysis of constitutional reforms in the Russian Federation and the Republic of Belarus. The author comes to the conclusion that amendments and additions made to the Constitution are a response to modern challenges and threats and are aimed at the protection of sovereignty, development of the state and society.

Keywords: constitution, reform, referendum, state.

В современном мире сложно найти государство, Основной закон которого не подвергался бы изменениям и дополнениям. Это обусловлено развитием общества, трансформацией социально-экономических и политических условий.

В принятую 12 декабря 1993 г. Конституцию Российской Федерации поправки вносились 15 раз и в основном касались территориальных изменений. Наиболее существенные из них связаны с увеличением срока полномочий Президента с 4 до 6 лет, а депутатов Государственной Думы – с 4 до 5 лет, а также поправки, обязывающие Правительство ежегодно

отчитываться перед Государственной Думой, были сделаны в 2008 г, а упразднившие Высший арбитражный суд, расширившие полномочия Главы государства в сфере кадровых решений в Прокуратуре, также закрепившие право Президента назначать до 10% членов Совета Федерации – в 2014 г. В 2020 г. в Конституцию было внесено 206 изменений, общероссийское голосование по которым проходило с 25 июня по 1 июля 2020 г.

Конституция закрепляет дополнительные обязательства государства в социальной сфере. Например, согласно ст. 75 минимальный размер оплаты труда не должен быть ниже прожиточного минимума, пенсии, пособия и иные выплаты индексируются. Большое внимание в измененной Конституции уделяется защите исторической памяти и исторической правды, воспитанию детей и молодежи (ст. 67¹). Также закрепляется защита семьи, материнства, отцовства и институт брака (ст. 72 п. «ж¹»). Ст. 71 закрепляются обязательства государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных.

Изменения и дополнения закрепляют повышение требований к лицам, осуществляющим публичную власть: к Президенту, к Председателю Правительства (и его заместителям), федеральным министрам, другим руководителям федеральных органов исполнительной власти, высшим должностным лицам субъектов Российской Федерации, руководителям федеральных органов, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы и судьям: не иметь иностранного гражданства или вида на жительство, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации (ст. 71, 77, 78, 81, 95, 97, 103, 119, 129).

Ст. 81. закрепила новые требования к кандидатам на пост Президента: постоянное проживание на территории России не менее 25 лет. Введена неприкосновенность для Президента, прекратившего исполнение своих полномочий (ст. 92), а также возможность стать пожизненно сенатором (ст. 95). Ст. 82 закрепляет полномочия Главы государства в области руководства и формирования исполнительной власти. Ст. 82 п. е.4. закрепляется роль Государственного совета как органа, обеспечивающего согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетных направлений социально-экономического развития государства (формируется Президентом).

Конституция усилила полномочия Государственной Думы и Совета Федерации. Так, согласно ст. 103 Государственная Дума утверждает кандидатуры заместителей Председателя Правительства и федеральных министров (исключая министров «силовых» ведомств, назначаемых Президентом); согласно ст. 102 Совет Федерации имеет право (по представлению Президента) наделять полномочиями судей Конституционного Суда (их количество сократилось с 19 до 11), Верховного Суда, апелляционных и кассационных судов, Председателя Счетной Палаты и половину от общего числа аудиторов. Усиливаются контрольные полномочия Федерального собрания: согласно ст. 103 Государственная Дума вправе заслушивать ежегодные отчеты Центрального банка РФ, ст. 102 закрепляет полномочия Совета Федерации ежегодно заслушивать доклады Генерального прокурора о состоянии законности и правопорядка. Согласно ст. 103¹ Совет Федерации, Государственная Дума вправе осуществлять парламентский контроль, в том числе направлять парламентские запросы руководителям государственных органов и органов местного самоуправления по вопросам, входящим в компетенцию этих органов и должностных лиц.

Определенные изменения претерпела законотворческая процедура: за Президентом закрепляется право обратиться в Конституционный Суд с запросом о проверке законности одобренного Парламентом закона до его подписания (ст. 107) [1].

Действующая Конституция Республики Беларусь была утверждена 15 марта 1994 г. Изменения и дополнения в текст Основного закона вносились 3 раза. На основании республиканского референдума, проведенного 24 ноября 1996 г., были перераспределены полномочия между Президентом, Парламентом и Правительством, расширены некоторые права и свободы. Итогом референдума 17 октября 2004 г. стало изъятие нормы о занятии одним и тем же лицом должности Президента Республики Беларусь не более двух сроков. Третий референдум был проведен 27 февраля 2022 г. На общественное обсуждение был вынесен обновленный вариант Основного закона страны, где было предложено изменить 83 статьи, дополнить текст одной главой о Всебелорусском народном собрании и 11 новыми статьями.

Среди основных изменений можно отметить закрепление положений, направленных на сохранение исторической правды, памяти о Великой отечественной войне, традиций и самобытности белорусского народа, воспитании патриотизма (Преамбула, ст. 15, 54).

Актуализированы положения, касающиеся основ конституционного строя, прав и свобод граждан. При сохранении социальной направленности государства ст. 21 и 45 закрепляют ответственность

каждого гражданина за себя лично, свое здоровье и за свою семью, а также внесение посильного вклада в развитие общества и государства. Согласно ст. 32 брак признается союзом мужчины и женщины, государство берет на себя обязательства по защите материнства, отцовства и детства. Особое внимание уделяется духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому воспитанию и развитию молодежи (ст. 32¹). В соответствии со ст. 28 государство должно создавать условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании, а со ст. 51 – содействовать развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций. Ст. 46 закрепляет ответственность государства за развитие мирной атомной энергетики.

Определенные изменения коснулись Раздела III «Избирательная система. Референдум». Так, ст. 67 закрепила введение единого дня голосования, ст. 71 уточняется наименование «Центральная избирательная комиссия» и закрепляется процедура избрания ее председателя и членов Всебелорусским народным собранием (ВНС). В соответствии со ст. 64 право участвовать в выборах получили лица, в отношении которых избрана мера пресечения – содержание под стражей.

Ключевым изменением и дополнением Раздела IV является закрепление статуса Всебелорусского народного собрания как высшего представительного органа народовластия, выполняющего стабилизирующую и консолидирующую функции в обществе, гарантирующего преемственность и устойчивость системы органов государственной власти. Данный раздел дополнен отдельной Главой 3¹.

Ст. 80 усилила требования кандидату на пост Президента: возрастной ценз повышен до 40 лет, период постоянного проживания в стране перед выборами с 10 до 20 лет, устанавливается запрет на иностранное гражданство или иностранный вид на жительство. Ст. 81 вводится ограничение по срокам (не более двух), ст. 89, 89², 91 закрепляют статус Президента, сложившего свои полномочия (неприкосновенность, возможность стать пожизненно членом Совета Республики и ВНС). Также закреплено перераспределение полномочий между Президентом, Всебелорусским народным собранием и Национальным собранием Республики Беларусь. Изменились и сроки полномочий депутатов всех уровней (5 лет), а согласно ст. 95 устанавливается одна сессия работы парламента. Новая редакция Конституции усилила разделение властей через решение о несовместимости мандатов (ст. 92). Произошло расширение контрольных полномочий Национального собрания Республики Беларусь через право ежегодно заслушивания информации Генерального

прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности (ст.97). Основной закон закрепил и изменения в судебной системе (статьи 112¹, 116, 116¹).

Таким образом, стоит отметить, что изменения и дополнения, внесенные в Конституции Российской Федерации и Республики Беларусь являются ответом на современные вызовы и угрозы. Отдельно стоит отметить акцент, сделанный на традициях и самобытности народа и вместе с тем укрепление мер по защите суверенитета, например, через исключения из электорального процесса граждан, имеющих или имевших иностранное гражданство, а также угроз, связанных с возможным вмешательством в данный процесс иностранных государств. Положения о защите исторической правды, подвиге народа, браке как союзе женщины и мужчины усиливают ценностный потенциал Конституции. На сегодняшний день востребованными являются и положения о солидарности, сбалансированности прав и обязанностей, социальной ответственности личности, ее вкладе в развитие общества и государства. Значительное внимание уделено будущему нации: наличие положений о детях и молодежи, необходимости их всестороннего развития. Конституционные изменения затронули статус различных органов власти, усилились требования к кандидатам на государственные должности, произошло перераспределение полномочий между президентом и другими органами власти, у Конституционных судов появились новые полномочия. Также обновленная Конституция Республики Беларусь закрепила статус и полномочия ВНС.

Библиографические ссылки

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2023.

УДК 321

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВ В XXI ВЕКЕ

Н. А. Антанович

доктор политических наук, профессор

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: antanovich@bsu.by*

Сдвиги в системе международных отношений выдвинули на первый план фактическую реализацию культурно-цивилизационного многообразия в противовес монополярности. В статье выделены основные причины трансформации системы мировой политики. Специальное внимание уделено проблемам безопасности и развития Евразии как геополитического образования. Трансформация системы международных отношений связывается с изменением роли государств в XXI веке.

Ключевые слова: система международных отношений, субъект международных отношений, государство, функции государства, Евразия, евразийская безопасность.

TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM AND CHANGING THE ROLE OF STATES IN THE 21ST CENTURY

N. A. Antanovich

Doctor of Political Sciences, Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: antanovich@bsu.by*

Shifts in the system of international relations have brought to the fore the actual implementation of cultural and civilizational diversity as opposed to monopolarity. The article highlights the main reasons for the transformation of the world political system. Special attention is paid to the problems of security and development of Eurasia as a geopolitical entity. The transformation of the system of international relations is associated with a change in the role of states in the 21st century.

Keywords: system of international relations, subject of international relations, state, functions of the state, Eurasia, Eurasian security

Глубинные мировые трансформации в XXI веке проявляются в конфликтах и противостоянии, которые вызревали несколько десятилетий, породив недоверие между ведущими игроками на международной арене. Противостояние порождено нарушением принципа неделимости безопасности, санкционной политикой, ущемлением интересов одних

государств в угоду другим. Среди ряда причин нарастающей трансформации системы мировой политики можно обратить внимание на следующие: становление архитектуры многополярного мира и расшатывание роли США как «единственной сверхдержавы»; изменение роли суверенных государств как субъектов международных отношений; систематичное возрастание в мировой политике роли государств Глобального Востока и Глобального Юга; возрастание роли новых международных организаций государств-единомышленников, формирующих новое глобальное большинство; расширение военных альянсов (расширение НАТО, создание Австралией, Великобританией и США блока AUKUS в 2021 г.); противоречие между экономической взаимозависимостью государств и нарастающей идейно-этической неоднородностью.

Изменения в системе международных отношений выдвинули на первый план фактическую реализацию культурно-цивилизационного многообразия в противовес монополярности и гегемонии США как внешнего по отношению к Евразии игрока. Само определение Евразии подвергается геополитическому трактованию. Понимание Евразии разнится: и как пространство, простирающейся от Лиссабона до Владивостока и до Шанхая, и как территория стран от Бреста до Владивостока. Однако реальностью стало новое евразийское большинство, формируемое благодаря международным организациям – СНГ, ЕАЭС, Союзному государству, ШОС, ОДКБ, Совещанию по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), а также БРИКС и другим организациям, инициативе Китая «Один пояс, один путь». Эти международные организации в 20-е годы XXI века территориально и демографически формируют мировое большинство, выступающее за справедливый учет своих интересов в системе глобального управления. Важнейшие вопросы международной повестки нового евразийского большинства сопрягаются.

Для реального достижения общеконтинентальной неделимой евразийской безопасности необходимо исключение силового диктата со стороны внешних по отношению к Евразии субъектов международных отношений. Важнейшее значение имеет многоуровневость понимания безопасности – от военно-политической, информационной и экономической – до демографической и социальной, продовольственной и экологической, биологической, научно-технологической. Архитектура евразийской безопасности должна учитывать интересы всех стран региона на основе принципа единой и неделимой безопасности. На этой основе можно говорить и о всеобъемлющей мировой безопасности.

На фоне глобальной геополитической конфронтации необходимы каналы коммуникации для оперативного доведения объективной информации различными субъектами международных отношений, для

цивилизованного рационального диалога. На Международной конференции высокого уровня «Евразийская безопасность: реальность и перспективы в трансформирующемся мире», состоявшейся в Минске 26-27 октября 2023 г., прозвучали идеи заключения Хартии многообразия для XXI века, сопряжения экономического сотрудничества интеграционных объединений Евразии – ЕАЭС, ШОС, ЕС, АСЕАН и др., расширения экономического сотрудничества от региональных контактов – к новой глобальности.

Трансформация системы международных отношений связана с изменением роли государств в XXI веке. Внешнеполитический и внешнеэкономический контекст уже не косвенно, а напрямую влияют на страны, формируя множественные вызовы государственному суверенитету, актуализируя ряд внешних функций государства. Л. С. Ревенко и Н. С. Ревенко указывают на востребованность следующих функций государства: «политическое лоббирование национальных экономических интересов; участие в международных форумах и организациях; формирование и реализацию мер торговой политики в соответствии с международными правилами, но с учетом структуры, потребностей и уровня национальной экономики и предпринимательства; поддержание социальной стабильности посредством обеспечения защиты от разрушительных последствий бесконтрольной экспансии зарубежных производителей; создание привлекательного инвестиционного климата внутри страны для привлечения иностранных инвесторов; формирование положительного имиджа страны за рубежом» [3, с. 113]. Усиление государства необходимо и для ответа на санкционное давление в виде полных запретов на поставки определенных товаров, предоставления технологий, заморозки зарубежных активов физических и юридических лиц, персональных ограничений для лиц, принимающих политические и экономические решения. Реакция на внешнеполитическое давление – ответные политические и экономические меры и ограничения, углубление сотрудничества в рамках региональных международных организаций, включающих дружественные государства, повышение внимания к инвестиционным проектам, работа по внешнеэкономическому лоббированию интересов отечественных производителей, установление двусторонних связей.

Д. В. Балуев, рассматривая меняющуюся роль государства на фоне глобальных изменений, указывал на 1) угрозу ситуации «геополитического мирового беспорядка», 2) особое внимание к идеологическим и этническим факторам, 3) конфликты на основе культурной самобытности [1, с. 170]. Трансформация роли государств связана с демографическими дисбалансами и миграционными процессами, и как следствие – увеличением количества диаспор как своего рода «анклавов» в социальной структуре конкретных государств. Диаспоры выступают амбивалентным элементом социума,

способным как укрепить, так и дестабилизировать его в зависимости от ситуационных факторов. Особую озабоченность государствоведов и политологов вызывают проблемы соотношения международного и национального права.

Эволюция общественных отношений в XXI веке наряду с использованием разнообразных все более совершенных технологий изменяют реализацию властных отношений в государстве в силу постоянного увеличения скорости и интенсивности передвижения людей и товаров. С одной стороны, указанные процессы фиксируются как «размывание границ государства». Но с другой стороны, эти же процессы приводят и к усилению государства, поскольку способствуют многократному увеличению вызовов безопасности в силу «распространение насилия, которое возможно будет доминировать внутри государства или общества, приобретать транснациональный характер» [2, с. 122]. Поэтому можно утверждать: суверенные государства останутся субъектами международных отношений в среднесрочной и, с высокой вероятностью, долгосрочной перспективе.

Библиографические ссылки

1. *Балуев Д. Г.* Меняющаяся роль государства в контексте современных глобальных изменений // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2003. № 1. С.160–175.
2. *Дамаскин О. В.* Государство и право в условиях кризиса современной цивилизации // Гражданин. Выборы. Власть. № 2(16). 2020. С.106–124.
3. *Ревенко Л. С.* Трансформация роли государства в международных экономических отношениях на современном этапе // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 5. С. 112–123.

УДК 316.422

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ГЕОРГИЯ
КОНИССКОГО КАК ОСНОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕФОРМЫ В
БЕЛАРУСИ В 1839 ГОДУ**

С. Б. Антоненко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: antonenko.svyatoslav@bk.ru*

Статья посвящена политическим и правовым взглядам белорусского архиепископа и общественного деятеля XVIII века Г. Конисского. Его политические и правовые идеи стали прологом религиозной реформы 1839 года. Важно отметить, что теоретические труды мыслителя были направлены на защиту православных верующих, борьбу с Брестской унией и обоснование идеи существования белорусов, украинцев и русских в одном государстве.

Ключевые слова: религия, православие, Беларусь, униаты, самоидентификация.

**POLITICAL AND LEGAL IDEAS OF GEORGE KONISKY AS
THE BASIS OF RELIGIOUS REFORM IN BELARUS IN 1839**

S.B. Antonenko

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: antonenko.svyatoslav@bk.ru*

The article is devoted to the political and legal views of the Belarusian archbishop and public figure of the 18th century G. Konissky. His political and legal ideas became the prologue to the religious reform of 1839. It is important to note that the theoretical works of the thinker were aimed at protecting Orthodox believers, fighting the Union of Brest and substantiating the idea of the existence of Belarusians, Ukrainians and Russians in one state.

Keywords: religion, Orthodoxy, Belarus, Uniates, self-identification.

Для территории современной Беларуси конец XVIII века стал судьбоносным. Разделы Речи Посполитой и как результат переход территории Беларуси из-под польского влияния к русскому стали прологом тех социальных, политических и правовых преобразований, последствия которых мы ощущаем до сих пор.

Одним из наиболее выдающихся и значимых исторических деятелей второй половины XVIII века для Беларуси был Георгий Конисский (1717-1795).

После смерти в 1754 году единственного православного епископа в Речи Посполитой, за право управления последней православной епархией развернулась активная борьба: католики требовали присоединить ее к униатам, православные же, в свою очередь, прилагали все усилия, чтобы сохранить ее за собой.

Для России было важно сохранить единственную православную епархию, для сохранения собственного влияния в Речи Посполитой. В свою очередь Святой Престол и высшая знать Королевства Польши и Литвы всеми путями, даже в обход Вечного мира 1686 года, пытались противостоять этому. В результате продолжительной борьбы епархия была сохранена за православными, а ее епископом стал ректор Киево-Могилянской академии Георгий Конисский.

Несмотря на то, что непосредственное взаимодействие с Беларусью у Г. Конисского началось только в 1755 году, заинтересованность судьбой данного региона он проявлял еще в период преподавания в Киево-Могилянской духовной академии. Так, в 1746 году он пишет драму «Воскресенье мертвых». В этом труде Г. Конисский поднимал важные социально-политические и правовые аспекты жизни общества того времени, которые обязан был затронуть с точки зрения морали, религии и своих внутренних убеждений. Кроме того, важным направлением в драме являлся национальный вопрос, тесно связанный с религиозной деятельностью.

К моменту создания произведения в Речи Посполитой начались процессы распада государственности, Гетманщина с преимущественно украинским населением была присоединена к России еще в XVII веке, поэтому основная борьба российских властей была направлена на присоединение белорусских земель. Именно тогда возник проект существования трех славянских народов – русских, белорусов и украинцев в рамках одного (по сути, имперского) православного государства. Религиозный вопрос стал основным предлогом для обоснования необходимости присоединения к Российской империи территорий современной Беларуси и Украины. Данная идеология продвигалась на всех уровнях, и Конисский как представитель просвещенного духовенства всецело ее разделял. Активную поддержку в решении «диссидентского вопроса» оказывала Россия, которая в лице Екатерины II сформулировала следующую позицию в отношении католической Польши: «Литва, Украина, Беларусь, земли русские и населены русскими. Ни одной пяди земли «древней» Польши не взяла и не хотела приобрести, России, населенная поляками земля не нужна» [1, с. 32].

Основными персонажами интерлюдий драмы становятся мужик (украинец), литвин (белорус), москаль, еврей, цыган и главный злодей драмы – лях (польский шляхтич). Мужик и еврей терпят издевательства ляха, который убивает невинного дьячка. За все страдания мужика мстит москаль, а убийцу-ляха топят в болоте мужик с литвином [4, с. 29]. Подобная развязка намекает на необходимость консолидации сил украинского и белорусского народа в борьбе против полонизации и засилья католичества. Стоит также подчеркнуть, что ранее украинские авторы до Г. Конисского писали о субъекте, защищавшем простых людей, как о казаке-запорожце (например, интерлюдии Довгалевского). Конисский же основной акцент в своих литературных произведениях делает на москаля (русского): «Слава ж Богу! Щіось гуде, ні би то наши!», восклицает мужик, услышав песню москаля [7, с. 376]. Конисский полагает, что для украинцев и белорусов взаимодействие с русским народом является условием их экзистенциального выживания в данную историческую эпоху.

Сразу же по вступлению в должность Г. Конисский развернул активную деятельность по возвращению утраченного церковного имущества (в период с 1686 по 1754 у православного населения были отобраны 5 монастырей и 164 церкви). Для этого Г. Конисский выделял своему доверенному лицу Я. Ильницкому и профессиональному юристу до 50 рублей золотом. Результатом его усилий стал выпуск в 1767 г. сборника «Права и вольности жителей Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, которые исповедают греко-восточную религию», в которой он собрал все правовые акты, касавшиеся прав православных в Речи Посполитой [5, с. 25–26]. Будучи епископом единственной православной епархии в стране, он также начал активную деятельность по защите православного населения Речи Посполитой, выступая на церковных и общественных собраниях с речами, критикующими сложившиеся в этой стране порядки. Важно отметить, что Г. Конисский активно участвовал и в политической жизни Речи Посполитой, участвуя в сеймах и произнося речи в поддержку диссидентов, так как основой его правозащитной деятельности до I раздела Речи Посполитой была защита «диссидентов», а ими в Речи Посполитой были все не католики.

Может сложиться впечатление, что Г. Конисский преследовал политические цели, однако это не так. Подтверждением тому служит тот факт, что положение Конисского в глазах российских властей было весьма неоднозначным. Это подтверждается, например, словами посла Н.В. Репнина о том, что «у белорусского епископа отсутствуют достаточные персональные качества», а также отказом Репнина

поддержать введение Г. Конисского в состав Сената Сейма Речи Посполитой [5, с. 28].

Важно также обратить внимание на еще одну работу Г. Конисского, посвященную вопросу борьбы за православие на территории Беларуси. В своих «Записках о том, что в России до конца XVI века не было никакой унии с Римской церковью» он, ссылаясь на Польские и Литовские хроники, а также на тексты привелеев и законов, обосновывает мысль о том, что на Руси, а Русью Г. Конисский называл территорию современной Беларуси и Украины, католическая и униатская церкви чуждые. Делая такие выводы, он обосновывает необходимость перехода из униатства в православие, а также необходимость защиты диссидентов в Речи Посполитой.

Уже после раздела 1772 года, Г. Конисский делал все возможное, чтобы присоединить униатов к православной церкви. Сначала российская власть была против таких идей, но потом, в 1780 году, разрешила переход униатов в православие. В результате только в 1781-1783 гг. число православных в его епархии возросло на 112.578 человек [6].

Г. Конисский, умерший через 2 года после второго раздела Польши, мало что успел сделать на территориях, присоединенных после 1793 года. Темпы перехода из унии в православие, несмотря на впечатляющую работу Г. Конисского, были не такими быстрыми. Важно, что уния существовала на белорусских землях с 1596 года и к моменту первого раздела Речи Посполитой, за 176 лет униаты смогли достаточно прочно укрепиться и вписаться в общественно-политическую систему наших земель. Так, униатами оставалось все сельское население, бывшее прежде православным, и еще меньшая часть небогатых дворян. Название «греко-униаты» было книжное и официальное, незнакомое народу, без согласия которого возникла уния, а как богослужение оставлено было греко-русское, то народ не переставал называть свою веру русской, в противоположность вере римо-католической, которую называл польской или католической [3, с. 37].

Важно отметить, что российские власти не торопились с присоединением униатов к православию, однако восстание 1830-1831 годов побудило власти урегулировать данный вопрос. Подготовительные действия шли до 1839 года, когда на Полоцком соборе было объявлено о присоединении униатской церкви к православной. Столь долгий процесс можно было объяснить тем, что конфессиональная принадлежность определяла этническую дифференциацию населения. Влияние религии было столь сильным, что определяло этническое самосознание, социальное положение,

мировоззрение и даже геополитические предпочтения, и если элита, проживавшая на белорусских землях, была ориентирована на католицизм и Польшу, то крестьянство, составлявшее большинство населения – на православие и Россию [2, с. 55]. В результате реформы униатская церковь перестала существовать и вошла в состав православной.

Итог реформы виден и сегодня. Современная территория Беларуси заселена преимущественно православным населением. Можно сказать, что это во многом результат реформы 1839 года, однако предпосылки и начальные действия появились намного раньше.

Политико-правовые идеи защиты православных Беларуси высказывал Г. Конисский в своих работах первой половины XVIII века. Осуществляя практическую деятельность по защите православия на Беларуси, он подготовил почву для перехода из унии в православие, чем во многом предопределил самосознание белорусов.

Библиографические ссылки

1. *Аржакова Л. М.* Диссидентский вопрос и падение Речи Посполитой (дореволюционная отечественная историография проблемы) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 1. С. 31–39.

2. *Добкина А. А.* Ликвидация Брест-Литовский унии в 1839 г. и значение этого события для становления этнокультурной идентичности белорусского народа // *Studia culturae*. 2013. № 16. С. 48–55.

3. *Зубко А. О.* Греко-Унитской церкви в западном крае России. Воспоминания. Минск.: МедиаЛ, 2019. 240 с.

4. *Кашуба М. В.* Георгий Конисский. М.: Мысль, 1979. 173 с.

5. *Ляскоў А. Я.* Дзейнасць Георгія Каніскага па абароне правоў праваслаўнага насельніцтва Рэчы Паспалітай // *Беларус. гіст. часоп.* 2018. № 8. С. 24–29.

6. *Миронович А. В.* Гергий Конисский – епископ белорусский [Электронный ресурс] // Кафедраальный собор Воскресения Христова. URL: <https://borisov-spas.by/svyaty-2/gergij-konisskij-episkop-belorusskij.html>. (дата обращения: 07.06.2023).

7. *Петров Н. И.* Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киев.: акц. о-ва «П. Барский в Киеве», 1911. 532 с.

УДК 340.13 (075.8)

**ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Т. С. Бобкова

*Сызранский филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», ул. Людиновская, 23,
446022, г. Сызрань, Самарская область, Российская Федерация,
e-mail: tsbobkova@mail.ru*

В статье рассматриваются вопросы формирования основ правового регулирования использования воздушного пространства. Проводится историко-правовой анализ правовых теорий и принципов международного воздушного права и основных прав государств в международном воздушном пространстве.

Ключевые слова: воздушное право, воздушное пространство, правовое регулирование, безопасность полетов.

**HISTORICAL ASPECTS OF FORMATION FUNDAMENTALS
OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF AIRSPACE**

T. S. Bobkova

*Syzran Branch of Samara State University of Economics, Lyudinovskaya str., 23,
446022, Syzran, Samara region, Russian Federation, e-mail: tsbobkova@mail.ru*

The article is devoted to the formation of the foundations of legal regulation of the use of airspace. The historical and legal analysis of legal theories and principles of international air law and the fundamental rights of States in international airspace is carried out.

Keywords: air law, airspace, legal regulation, flight safety.

Правовой режим воздушного пространства и правовое регулирование отношений, возникающих в связи с использованием авиации при международных полетах, основываются как на принципах и нормах международного публичного права, так и на нормах внутригосударственного права, что создает значительные трудности при исследовании понятия и предмета международного воздушного права. Это связано с юридической природой международных сообщений,

начинающихся в воздушном пространстве, выделенном для международных полетов одного государства, проходящих через международное воздушное пространство и заканчивающихся в национальном пространстве другого государства.

Особая ситуация создается, когда надо урегулировать гражданско-правовое отношение, где стороной в таком отношении является не иностранное государство, а иностранец (иностраный гражданин, иностранная организация, фирма), либо когда юридический факт, породивший такое отношение, имел место за границей, либо же когда имущество, по поводу которого возникли такого рода отношения, находится за границей. В такой ситуации всегда возникает вопрос, закон какого государства должен быть применен: закон страны суда, где рассматривается дело, или же закон иностранный, другого государства, к которому в данном случае относится иностранный элемент. Ответ на этот вопрос должна давать коллизионная норма, которая указывает, какой закон подлежит применению. Установление коллизионных норм и определение их содержания относится к прерогативе законодательной власти каждого государства, «поэтому коллизионное право составляет часть внутреннего законодательства, правовой системы, действующей в данном государстве» [1, с. 16].

Поскольку международное воздушное право – составная часть международного права, то на область международно-правового регулирования воздушных сообщений между государствами распространяют свое действие все общепризнанные принципы современного международного права.

Все эти принципы занимают исходное место в системе международно-правовых норм, определяющих режим воздушного пространства и регулирующих взаимоотношения государств по осуществлению международных воздушных сообщений и обеспечению их безопасности. Ряд из них приобретает при этом конкретное содержание с учетом специфики отношений между государствами по вопросам международного воздушного права, например, принципы государственного суверенитета, неприкосновенности территории, невмешательства во внутренние дела, сотрудничества и др.

Международно-правовая практика в области воздушных сообщений между государствами привела также к возникновению и основных принципов международного воздушного права. Это «принцип уважения суверенитета государства над его воздушным пространством, принцип обеспечения безопасности международных воздушных сообщений, принцип свободы полетов в международном воздушном пространстве» [2].

Принцип полного и исключительного суверенитета государства над воздушным пространством над его территорией занимает центральное место в международном воздушном праве, исходя из его глубокого содержания и широкого значения [1, с. 36].

Этот принцип определяет содержание многих других принципов и норм международного воздушного права.

На начальном этапе международное воздушное право развивалось под влиянием двух теорий: «свободы воздуха» и распространения государственного суверенитета на воздушное пространство.

По аналогии с международным морским правом отдельные авторы (А. Мериньяк, К. Фербер) пришли к убеждению, что подобно морскому пространству, делящемуся на внутренние воды, территориальное и открытое море, воздушное пространство можно аналогично поделить на три зоны [3, р. 228]. Первая определялась высотой Эйфелевой башни – 330 метров, вторая лежала за пределами этой высоты до 5000 метров, третья – выше 5000 метров. Суверенитет государств распространялся на первые две зоны воздушного пространства. Что касается третьей, то поскольку, по мнению авторов, в ней «дышать невозможно», сам по себе этот факт исключал распространение на нее суверенитета [1, с. 57].

Французский ученый П. Фошиль так определял «свободу воздуха». «Свобода» определяется условиями двоякого рода: естественными и юридическими. Физическая природа воздуха не дает человеку возможности реально оказать на него воздействие настолько, чтобы существенно изменить его естественные свойства. С юридической точки зрения внутреннее право позволяет распространять право собственности лишь на воздушный столб, измеряемый высотой строения, построенного на земельном участке» [4].

Переводя свои рассуждения в плоскость международного права, П. Фошиль утверждал, что воздух не может быть подчинен суверенитету государства, поскольку физические свойства воздуха исключают какую-либо возможность для государства реально осуществлять свою власть над воздушным пространством. Не менее важным П. Фошиль считал также и то, что само по себе воздушное пространство является важным средством коммуникаций между народами. Подчинение его суверенитету привело бы к существенному ограничению этих возможностей.

Теория П. Фошиля и его сторонников на первых этапах развития международного воздушного права получила наибольшее распространение. Она была положена в основу сформулированного П. Фошилем проекта международной конвенции о воздушном

передвижении в мирное и военное время, внесенного в 1910 г. на рассмотрение Института международного права.

Франция, лидировавшая в области авиастроения, возлагала немалые надежды на эту теорию, стремясь с ее помощью установить для себя удобный правовой режим воздушного пространства, для создания благоприятных условий для широкой экономической экспансии.

Другие страны, обладавшие меньшим уровнем развития авиации и стремящиеся защитить себя от экономической экспансии более развитых авиационных государств и обеспечить в первую очередь свои национальные интересы, стали родоначальниками теорий суверенитета над воздушным пространством.

Родоначальники теории суверенитета воздушного пространства, например, Р. Грюнвальд, обосновывали свою теорию, опираясь на принципы, заимствованные в гражданском праве, в частности на принципы «*cujus est solum, ejus est summitas usque ad coelum*» (кому принадлежит земля, тому принадлежит и столб воздуха вплоть до небес) [5, с.35-38]. На этой основе ими делается вывод о том, что каждое государство обладает суверенитетом в воздушном пространстве над его сухопутной и водной территорией до высоты, которую оно само определяет.

В 1910 году выходит первая в мировой литературе работа Лайкламы Найхольт, посвященная обоснованию суверенитета государств над воздушным пространством [6].

В 1909 году был создан Международный юридический комитет авиации (МЮКА). МЮКА провел три международных юридических конгресса (в 1911 году в Париже, в 1912 году в Женеве и в 1913 году во Франкфурте-на-Майне), в результате работы которых был выработан Международный воздушный кодекс [7, с. 259-265].

По окончании первой мировой войны была созвана Парижская конференция 1919 года, на которой были рассмотрены вопросы, касающиеся правового режима национального воздушного пространства и правил полетов воздушных судов над иностранной территорией. Работа конференции завершилась принятием Международной конвенции о воздушных передвижениях. Это был первый международно-правовой документ, установивший основы международного воздушного права. Его исходным началом был признан принцип суверенитета государства над своим воздушным пространством (ст.1 Парижской конвенции). Наряду с этим в ст.2 признавалось право «мирного пролета» иностранных воздушных судов над территорией других стран.

После Второй мировой войны обострились споры о государственном суверенитете над воздушным пространством.

Я. Шенкман считает, что государственный суверенитет над воздушным пространством стал тормозом для технического прогресса. Так, «если с точки зрения техники мы в состоянии летать повсюду, то политически мы этого не можем, что приводит к абсурдному положению, когда быстрые полеты не ускоряют путешествия» [8, p.8].

Одна из наиболее распространенных в западной правовой доктрине – теория, согласно которой воздушное пространство не входит в состав государственной территории, представителем которой является С. М. Бересфорд, основывается на ст.2 Чикагской конвенции 1944 года [9], согласно которой территорией государства считается сухопутная территория и примыкающие к ней территориальные воды, находящиеся под суверенитетом, сюзеренитетом, протекторатом или мандатом данного государства, из которой следует, что воздушное пространство, расположенное над государством, «не является частью его территории и, следовательно, не подпадает под его суверенитет, за исключением случаев, предусмотренных особыми соглашениями» [10].

Современное понятие государственного суверенитета над своим воздушным пространством представляет собой совокупность прав, которые можно условно разделить на три группы:

1) Права, относящиеся к регулированию воздушных передвижений в пределах территории государства;

2) Права, относящиеся к регулированию коммерческой деятельности;

3) Права, относящиеся к осуществлению административной, гражданской, уголовной и иной юрисдикции государства по отношению к воздушным судам, их экипажам и находящимся на этих судах пассажирам, грузам и почте [11].

Таким образом, указанные права реализуются государством в процессе правового регулирования аэронавигации, правового регулирования воздушных перевозок и правового регулирования ответственности за нарушение правил безопасности полетов.

Библиографические ссылки

- 1.Международное воздушное право. М.: Наука, кн.1, 1980. 365 с.
- 2.*Малеев Ю. Н.* Международное воздушное право: вопросы теории и практики. М.: Международные отношения, 1986. 240 с.
3. *Merignhac A.* Ledomaine acrien prive et les droits de l' aviation en temps de pais et de guerre. Revue generale de droit international prive, 1914.
4. *Fauchile P.* Le domaine aerien et le regime juridique des aerostars. Revue generale de droit international public, 1901, №8, p.414–485.
5. *Перетерский И. С.* Воздушное право. М.: Вестник воздушного флота, 1923. 76 с.

6. *Lycklama a Nyholt*. Air Sovereignty. Leiden, 1910.
7. Вопросы воздушного права: сб. тр. Секции воздуш. права Союза Авиachim СССР и Авиачима РСФСР: [в 2 вып.] / Союз Авиachim СССР и Авиachim РСФСР; под ред. П. И. Баранова [и др.]. М.: Авиachim, 1927. Вып. 1. 298 с.
8. *Shenkman J.* International Civil Aviation Organization. Geneva, 1955.
9. Конвенция о международной гражданской авиации. Doc. 7300// Подписана в Чикаго 7 декабря 1944 г. ИКАО, Монреаль, 1999 49 с.
10. *Beresford S. M.* Surveillance Aircraft and Sattelites // Problem of International Law. Journal of Air Law and Commerce. 1960. V.27. №2.
11. *Гринев И. В.* Особенности международно-правового режима использования воздушного пространства // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции : материалы Республик. науч.-практ. конф., Минск, 11-12 марта 2008 г. / Белорус. Гос. ун-т; редколлегия: Г.А. Василевич (ответственный редактор) [и др.]. Минск: БГУ, 2008. С.150-151.

УДК 346.1

НАУЧНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

М. С. Бондаренко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: miroslav090998@gmail.com*

В статье обосновано, что научная инфраструктура является неотъемлемым элементом инновационной инфраструктуры. Сформулировано определение понятия «научная инфраструктура» и обоснована необходимость его законодательного закрепления. Аргументирована целесообразность корректировки законодательно закрепленного понятия инновационной инфраструктуры.

Ключевые слова: наука, инновации, инновационная инфраструктура, научная инфраструктура, научно-исследовательская деятельность.

SCIENTIFIC INFRASTRUCTURE AS AN INTEGRAL ELEMENT OF INNOVATION INFRASTRUCTURE

M. S. Bondarenko

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: miroslav090998@gmail.com*

The paper substantiates that scientific infrastructure is an integral element of innovation infrastructure. The definition of the concept of «scientific infrastructure» is formulated and the necessity of its legislative fixation is substantiated. The article argues the expediency of adjusting the legislatively enshrined concept of «innovation infrastructure».

Keywords: science, innovation, innovation infrastructure, scientific infrastructure, research activity.

Исследование юридических и организационно-правовых аспектов обеспечения инновационного развития государства представляется невозможным без определения роли науки в этом процессе, поскольку, с одной стороны, «науку и инновации сближает то обстоятельство, что они по своей сущности представляют разновидности творческой деятельности» [1, с. 7], а, с другой стороны, прямая и непосредственная связь между наукой и инновациями состоит в том, что «результаты исследований, проводимых фундаментальной наукой, становятся «входами» в прикладные исследования и разработки, результаты

которых, в свою очередь, выступают базой для инноваций, выходящих на различные рынки и приводящих к повышению продуктивности производства, а в конечном счете – к экономическому росту» [5, с. 18]. Институт инноваций в значительной мере обусловлен научными разработками, следовательно, право должно четко определить соотношение научного в инновационном и инновационного в научном.

Наука и инновации рассматриваются как неразрывные понятия и в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. Однако законодатель почему-то не закрепил этот «союз» науки и инноваций в положениях Закона Республики Беларусь «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности» от 10 июля 2012 г., № 425-3 (далее – Закон об инновационной деятельности), который содержит понятие инновационной инфраструктуры государства (хотя и не вполне удачное) [2], но не содержит понятие «научная инфраструктура».

Под инновационной инфраструктурой понимается *совокупность субъектов инновационной инфраструктуры*, осуществляющих материально-техническое, финансовое, организационно-методическое, информационное, консультационное и иное обеспечение инновационной деятельности (ст. 1 Закона об инновационной деятельности). Таким образом, инновационная инфраструктура сводится только к субъектам, осуществляющим обеспечение инновационной деятельности, а объекты гражданских прав и иные институты, на основе которых функционируют названные субъекты, а также то, что инновационная инфраструктура является как свойством государства, так и отдельной организации или экономической группы лиц, упускается из виду.

Представителями научной школы хозяйственного права Белорусского государственного университета Н. Л. Бондаренко и Ю. Г. Конаневичем было предложено авторское определение понятия «инновационной инфраструктуры» как «институциональной среды, обеспечивающей формирование условий для создания и разработки новшеств и инноваций в определенной области научного знания, в определенном сегменте социальной сферы или структурном элементе национальной экономики, состоящей из: научной инфраструктуры государства; субъектов инновационной инфраструктуры – физических лиц или организаций со специальной правосубъектностью, обеспечивающих в рамках осуществляемой хозяйственной деятельности формирование условий для создания и разработки новшеств и инноваций; специализированных обособленных и структурных подразделений научных организаций и учреждений высшего

образования, обеспечивающих формирование условий для создания и разработки новшеств и инноваций; объектов гражданских прав, обеспечивающих функционирование субъектов инновационной инфраструктуры и реализацию основной цели их хозяйственной деятельности; юридических фактов в виде совокупности мероприятий, проводимых системно или разово с целью формирования условий для создания и разработки новшеств и инноваций» [4, с. 23]. Указание на наличие в организационно-правовой конструкции инновационной инфраструктуры такого жизненно важного для государства и общества элемента как научная инфраструктура государства имеет важное значение в данном определении, поэтому мы полностью разделяем идею о необходимости корректировки законодательно закрепленного понятия.

В свою очередь мы предлагаем *следующее авторское определение научной инфраструктуры*: научная инфраструктура – институциональная среда, обеспечивающая формирование условий для проведения фундаментальных и прикладных научных исследований, подготовки и аттестации научных работников высшей квалификации, апробации результатов научных исследований, организации и проведения государственной научной и государственной научно-технической экспертиз в рамках хозяйственной деятельности отдельной организации или в рамках реализации государственной инновационной и научно-технической политики, состоящая из субъектов научной инфраструктуры, объектов гражданских прав, необходимых для осуществления научной, научно-технической и научно-информационной деятельности, а также юридических фактов в виде совокупности мероприятий, проводимых системно или разово с целью формирования условий для осуществления научной, научно-технической и научно-информационной деятельности. *Под субъектами научной инфраструктуры* следует понимать наделенных специальной правосубъектностью научных организаций, учреждений высшего образования, организаций, выполняющих вспомогательные функции, обеспечивающих формирование условий для осуществления научной, научно-технической и научно-информационной деятельности, специализированных обособленных и структурных подразделений в организационной конструкции таких организаций.

Таким образом, необходимо выделять инновационную и научную инфраструктуру как свойство государства и как свойство отдельной организации (и прежде всего, научных организаций и учреждений высшего образования (далее – УВО)). Каждое УВО Республики Беларусь должно разработать и принять локальный правовой акт (Положение о научной, научно-технической, научно-информационной и

инновационной деятельности), определяющий систему элементов внутриорганизационной научной и инновационной инфраструктуры УВО и устанавливающий правовой режим их функционирования. В названном Положении целесообразно закрепить понятие инновационной инфраструктуры УВО как совокупности его структурных и обособленных подразделений, органов самоуправления, а также организаций без статуса юридического лица с участием УВО, на которые возложена функция осуществления деятельности по преобразованию новшеств в инновации. Инновационная инфраструктура может дополнительно использоваться для целей осуществления научной, научно-технической и научно-информационной деятельности. Под научной инфраструктурой УВО следует понимать совокупность структурных и обособленных подразделений, органов самоуправления учреждения образования, на которые возложена функция осуществления научной, научно-технической и научно-информационной деятельности, научно-методического обеспечения образовательного процесса.

Большое значение имеет также выделение в системе научной инфраструктуры отдельной организации двух групп научных коллективов (что позволит четко определить их правовое положение и усовершенствовать механизм осуществления научных исследований и инновационных разработок):

- 1) временные научные коллективы;
- 2) постоянно действующие научные коллективы (кафедры, научно-исследовательские институты как структурные или обособленные подразделения организации, научные школы [3] и др.).

Такая классификация научных коллективов и определение правового режима их функционирования в перспективе может быть имплементирована в нормы Закона Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-ХІІІ «О научной деятельности».

Научные школы являются непосредственной институциональной средой проведения фундаментальных научных исследований, которые, как отмечает В. Л. Тамбовцев «были и остаются базовыми источниками создания новых технологий». При этом, ученый предостерегает от попыток требовать быстрой коммерциализации результатов научной деятельности, справедливо отмечая, что «в силу непредсказуемости результатов таких исследований, нет возможности сколько-нибудь надежно предвидеть, какие именно направления фундаментальных исследований, проводимых и намечаемых сегодня, окажутся источниками решительных изменений технологий послезавтра» [5, с. 20].

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов о том, что:

1) в понятии «инновационная инфраструктура» должна быть отражена органическая связь, существующая между наукой и инновациями, поскольку институт инноваций если и не целиком, то в большей части обусловлен научными разработками, а научная инфраструктура государства является неотъемлемым элементом организационно-правовой конструкции инновационной инфраструктуры;

2) в определении понятия «научная инфраструктура», предлагаемом нами, научная инфраструктура государства рассматривается не как совокупность субъектов и даже не совокупность элементов, а как совокупность связей между объектами материального мира и информационная среда, в которой существует и хранится научно-техническая информация. Данное определение необходимо закрепить в инновационном законодательстве и законодательстве о научной и образовательной деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Авдулов Н. С.* Наука и инновации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2008. № 3. С. 6–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-i-innovatsii>. (дата обращения: 15.10.2023).

2. *Бондаренко М. С.* Инновационная и научная инфраструктура как правовые категории: понятие и содержание // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / гл. ред. Н. Л. Бондаренко. Минск : Междунар. ун-т «МИТСО». 2023. № 1 (21). С. 165–179.

3. *Бондаренко Н. Л.* Научная школа хозяйственного права Белорусского государственного университета: достигнутые результаты и перспективы развития // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы междунар. круглого стола, Минск, Беларусь, 21 октября 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. хозяйственного права ; [под ред.: Н. Л. Бондаренко (гл. ред.), А. В. Гавриленко, Т. М. Халецкой]. Минск : БГУ, 2022. С. 3–11.

4. *Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г.* Правовая природа инноваций в контексте необходимости совершенствования терминологического аппарата закона «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» // Интеллектуальная собственность в Беларуси. 2022. № 1(93). С. 21–28.

5. *Тамбовцев В. Л.* Наука и инновации: разнообразие связей // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 4. С. 17–28.

УДК 342.74

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И
ГРАЖДАНИНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРИ
ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ**

А. И. Бородич

кандидат юридических наук, доцент

*Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», пр. Машерова, 6а, 220005, г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: alexejborodich@gmail.com*

Тенденции современного миропорядка дают основание полагать, что актуальное значение приобретает позиционирование конституционных обязанностей человека и гражданина как значимого юридического инструментария, предназначенного для обеспечения национальной безопасности государства в правоприменении при организации и проведении государственных реформ. Качественное обеспечение безопасности достигается как консолидированной работой государственных органов, так и эффективной реализацией конституционных обязанностей человека и гражданина, особенно при проведении государственных реформ.

Ключевые слова: Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности, конституционные обязанности, государственная реформа, правоприменение.

**CONSTITUTIONAL RESPONSIBILITIES OF PERSONS AND
CITIZENS IN ENSURING NATIONAL SECURITY OF THE
REPUBLIC OF BELARUS WHEN CARRYING OUT GOVERNMENT
REFORM**

A. I. Borodich

PhD in Law, Associate Professor

*Educational institution «Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic
of Belarus», Masherova Ave., 6a,
220005, Minsk, Belarus, e-mail: alexejborodich@gmail.com*

The trends of the modern world order give reason to believe that the positioning of the constitutional responsibilities of a person and a citizen as a significant legal instrument designed to ensure the national security of the state in law enforcement when organizing and carrying out government reforms is becoming relevant. High-quality security is achieved both by the consolidated work of government bodies and by the effective

implementation of the constitutional responsibilities of a person and a citizen, especially when carrying out government reforms.

Keywords: Constitution of the Republic of Belarus, National Security Concept, constitutional responsibilities, government reform, law enforcement.

Конституционные обязанности, права и свободы являются основными структурными элементами правового статуса человека и гражданина, закладывающими юридические основы для гармоничного развития личности, общества и государства, в том числе и в правоприменении при организации и проведении реформ государственной власти и государственных органов. Отмечая актуальность и значимость национальной безопасности при проведении государственных реформ, необходимо подчеркнуть, что конституционные обязанности человека и гражданина составляют одну из основ конституционного строя государства, определяемого демократической конституцией как государственного и общественного строя. При этом понятие «основы конституционного строя», включающее систему принципов, определяющих содержание правового воздействия на отношения в основных подсистемах общества, совокупность объективных ценностей, правил организации общества, начал и институтов государственного и общественного строя, охватывает собой понятие «национальная безопасность государства», поскольку составляет базис государства. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция), национальная безопасность, представляет собой состояние защищенности национальных интересов (совокупность потребностей государства по реализации сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права, свободы, высокое качество жизни граждан, независимость, территориальную целостность, суверенитет и устойчивое развитие Беларуси) от внутренних и внешних угроз (потенциальной или реально существующей возможности нанесения ущерба национальным интересам Беларуси) [1].

Современные тенденции изменяющегося миропорядка дают основание полагать, что актуальное значение приобретают вопросы, касающиеся определения роли и позиционирования института конституционных обязанностей человека и гражданина как значимого инструментария, предназначенного для обеспечения национальной безопасности государства, особенно при правоприменении в условиях государственных реформ. Сложность и объемность рассматриваемой темы требуют определиться с конкретным содержанием

конституционных обязанностей человека и гражданина и их соотношением с обеспечением национальной безопасности. Обратим внимание, конституционная обязанность – это вид юридической обязанности, представляющей собой закрепленную в нормах Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) меру должного поведения, установленную и гарантируемую государством в интересах личности, общества и государства, являющуюся необходимым элементом конституционного правового статуса, направленную на эффективное функционирование конституционных правоотношений. Конституция прямо закрепляет ряд обязанностей граждан и лиц, находящихся на территории Беларуси.

Важнейшей обязанностью человека и гражданина является соблюдение Конституции, законов, уважение государственных символов и национальных традиций Беларуси, каждым находящимся на ее территории (ст. 52) [2]. Данная обязанность является универсальной, поскольку распространяется на правоотношения всех, кто находится на территории Республики Беларусь. Сам факт ее закрепления в разделе II (Личность, общество, государство) Конституции свидетельствует о том, что исполнение этой обязанности есть гарантия конституционного строя, ее соблюдение является необходимым условием построения унитарного демократического социального правового государства, обеспечения защиты своей независимости и территориальной целостности, конституционного строя, законности и правопорядка и, следовательно, обеспечения национальной безопасности.

Важной в обеспечении национальной безопасности является норма, закрепленная в ст. 53 Конституции «Каждый обязан уважать достоинство, права, свободы, законные интересы других лиц» [2]. Она заключается в том, что каждое лицо обязано уважать достоинство, права, свободы и законные интересы других лиц. В общем, речь идет о том, что права индивидуума заканчиваются там, где начинаются права другого человека. Данная обязанность согласуется с правом на свободу, неприкосновенность и достоинство личности (ст. 25). К основным национальным интересам, согласно п. 9 Концепции национальной безопасности, в политической сфере относится «соблюдение конституционных прав и свобод человека», а рост преступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционные проявления и др., составляют потенциальные либо реально существующие угрозы национальной безопасности.

С историко-культурной, духовной составляющими, национальными ценностями, являющимися неотъемлемой частью безопасности государства, связана ст. 54 Конституции «Каждый обязан беречь

историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности» [2]. Без сомнения, сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, его прошлом, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь. Не случайно именно развитие интеллектуального и духовно-нравственного потенциала общества, сохранение и преумножение его культурного наследия, укрепление духа патриотизма – один из основных национальных интересов в социальной сфере, закреплённый в Концепции национальной безопасности (п. 12).

Согласно Концепции национальной безопасности экологическая безопасность представляет собой состояние защищённости окружающей среды, жизни и здоровья граждан от угроз, возникающих в результате антропогенных воздействий, а также факторов, процессов и явлений природного и техногенного характера. Следует добавить, что охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам (ст. 55 Конституции) – это фундаментальное конституционное право, обеспечивающее достойное качество жизни населения. Составным элементом реализации данного права является обеспечение экологической безопасности как элемента укрепления системы национальной безопасности и национальных интересов личности, общества и государства. Выполнение государством и его органами своих природоохранных обязанностей существенным образом влияет на формирование экологического правопорядка и реализацию конституционных прав граждан. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо создание такого положения, когда любое управленческое, хозяйственное и иное экономически значимое решение в стране, особенно при проведении государственных реформ, будет подготавливаться и приниматься строго в соответствии с правовыми экологическими требованиями и только на основе конституционных норм.

Экономическая составляющая является важным элементом национальной безопасности, поскольку без развитой экономики нет безопасного общества и государства. Конституционное закрепление обязанности об участии в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей (ст. 56) [2] обусловлено чрезвычайной важностью функции налогообложения и взимания налогов для обеспечения стабильного функционирования государства и жизнедеятельности общества. Осуществление данной конституционной обязанности призвано вместе с правами и свободами обеспечить баланс, устойчивость и динамизм правового регулирования. В данном случае единство прав и обязанностей в обществе есть

важнейший конституционный принцип, выражающий гармоничное сочетание личных и общественных интересов, взаимную ответственность и взаимные социальные требования, что в итоге призвано обеспечить экономическую и финансовую безопасность государства.

Следует подчеркнуть, что безопасность как конституционная категория и ценность становится фактором, имеющим глобальный характер и обеспечивающим сдерживание и нейтрализацию рисков, прежде всего, в военной сфере при проведении государственных реформ. Поэтому все более актуализируется защита государства как обязанность и священный долг гражданина Беларуси (ст. 57 Конституции) [2]. Конституционная обязанность по защите страны – постоянная ценность, которая упоминается в Преамбуле Конституции «...желая обеспечить мир и гражданское согласие, благополучие граждан, незыблемость народовластия, независимость и процветание Республики Беларусь...» и воспроизводится в ст. 57 как обязанность и священный долг гражданина. Под защитой следует, прежде всего, понимать защиту своей независимости и территориальной целостности, конституционного строя. Кроме того, в этих целях немаловажно и обеспечение законности, представляющей собой режим общественной жизни, характеризующийся верховенством закона и безусловным исполнением его требований гражданами и должностными лицами, наличием специальных механизмов, гарантирующих безопасность и защиту личности от произвола, беспрепятственное осуществление гражданских прав и свобод, правопорядка (состояния общественных отношений, к которому стремится общество при режиме господства права).

В современных условиях защита Республики Беларусь – важнейшее направление в деятельности государства. В то же время уяснение природы, нормативного содержания и путей реализации конституционной обязанности по защите Беларуси имеет все увеличивающееся как теоретическое, так и практическое значение. При проведении государственных реформ от успешного разрешения существующих в данной сфере проблем зависит будущее Беларуси как суверенного государства, полноправного субъекта мирового сообщества, приверженного общечеловеческим ценностям.

По этому поводу в Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 10 марта 2022 г. № 1303/2022 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» отражено, что в решениях Конституционного Суда сформулированы правовые позиции, констатирующие принятие государством мер по гарантированию правовой обеспеченности и правовой безопасности во всех сферах

общественной жизни для достижения конституционно значимых целей, по защите конституционных ценностей и интересов, по установлению механизмов реализации прав, свобод и законных интересов граждан.

Оценивая возможности использования конституционных обязанностей, важно отметить, что их содержание обусловлено рассматриваемыми в единстве и взаимосвязи целями, характером и спецификой объектов правоприменительного воздействия в рамках обеспечения национальной безопасности, в том числе и при государственных реформах. Вопросы, касающиеся определения направлений и способов совершенствования правовых средств конституционных обязанностей как особого юридического инструментария, предназначенного для обеспечения безопасности государства, приобретают важное значение при проведении государственных реформ.

Являясь правовым фундаментом устойчивого развития общества и государства, Конституция выражает культурно-исторические традиции и духовно-нравственные идеалы белорусского народа, выступает гарантией сохранения конституционной идентичности, суверенитета и независимости Республики Беларусь, поэтому несоблюдение норм о конституционных обязанностях целесообразно рассматривать как посягательство на национальную безопасность. Невыполнение обязанностей влечет юридическую ответственность. Вместе с тем, нельзя не согласиться с К. Д. Сазоном в том, что привлечение к ответственности лица, прекратившего исполнение обязанностей, за его правомерные действия во время исполнения обязанностей на выборной должности не соответствует конституционной природе и логике народного представительства [3, с. 25].

Таким образом, конституционные обязанности человека, гражданина и национальная безопасность находятся и должны находиться в тесной диалектической взаимосвязи и взаимозависимости при проведении государственных реформ. Качественное обеспечение национальной безопасности достигается не только консолидированной системой ее обеспечения, но и посредством правоприменения, эффективной реализации норм конституционных обязанностей человека и гражданина в современном мире.

Библиографические ссылки

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г.) Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. 80 с.

3. *Сазон К. Д.* Конституционная модернизация в Контексте обеспечения национальных интересов Республики Беларусь // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2022. № 1. С. 23–29.

УДК 349.2

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
 ГИБКИХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ
 ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

Т. К. Бритова

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
 220030, Минск, Республика Беларусь, e-mail: britovatyana62@yandex.ru*

Активное внедрение цифровых технологий ведет к изменениям во всех сферах жизни общества. В этом контексте в статье рассматриваются некоторые виды гибких отношений. Проведенный анализ трудового законодательства в исследуемой сфере позволил выявить некоторые проблемы в правовом регулировании указанных отношений и изложить предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: цифровая экономика, гибкая занятость, дистанционная работа, сезонная работа, защита прав работников

**SELECTED PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF
 FLEXIBLE LABOR RELATIONS IN THE CONDITIONS OF
 DIGITALIZATION OF THE ECONOMY**

T K. Britova

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4,
 220030, Minsk, Belarus e-mail: britovatyana62@yandex.ru*

The active implementation of digital technologies leads to changes in all spheres of society. In this context, the article examines some types of flexible relationships. The analysis of labor legislation in the area under study allowed us to identify some problems in the legal regulation of these relations and outline proposals for its improvement.

Keywords: digital economy, flexible employment, remote work, seasonal work, protection of workers rights

Активное внедрение цифровых технологий в современных условиях неизбежно ведет к изменениям во всех сферах жизни общества. И этот процесс обусловлен в первую очередь тем, что труд людей применяется на предприятиях, в организациях, основанных на различных формах собственности и при осуществлении рынка труда. Существующая структура занятости населения также изменяется: происходит расширение сферы услуг, осуществляется внедрение информационно-

коммуникационных технологий в процессе организации труда, увеличивается доля женщин среди занятого населения, активно возникают новые направления занятости. Происходящие изменения рынка труда приводят к его постепенной трансформации – он становится более гибким. Возникают и получают свое развитие новые формы занятости: дистанционная работа, работа на онлайн-платформах, неполная занятость, заемный труд, аутсорсинг и др. В связи с этим трудовое законодательство должно развиваться таким образом, чтобы обеспечить равную защиту всех работников от незаконных действий со стороны нанимателя, используя при этом социально оправданную дифференциацию при регулировании труда различных участников трудовых отношений.

В связи с этим проблема единства и дифференциации правового регулирования труда приобретает особую актуальность. «Одна из особенностей трудового права – расширение масштабов дифференциации правового регулирования труда» [7, с.5]. Именно в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) были включены важные нормы для ее легализации.

В большинстве норм ТК реализуется принцип единства правового регулирования труда. Исходя из этого принципа, ТК устанавливает государственный уровень юридических гарантий для всех работников.

Вместе с тем, значительное внимание уделено законодателем проблеме дифференциации правового регулирования гибкого труда отдельных категорий работников. В ТК раздел III неоднократно за последнее время изменяли, он посвящен особенностям регулирования труда отдельных категорий работников, то есть речь идет о правовом регулировании труда специальных субъектов трудового права.

Так, к числу субъектов, нуждающихся в специальном правовом регулировании, относятся работники, выполняющие дистанционную работу; лица, работающие в условиях сокращенного рабочего времени; сезонные работники и некоторые другие. Наличие специальных норм, регламентирующих трудовые отношения этих работников, отражает не только объективно существующая потребность их специфического труда, но и необходимость обеспечить функциональную гибкость рынка труда и надлежащий уровень правовой защиты таких лиц, особенно сейчас в условиях дефицита постоянных рабочих мест.

Далее анализируя правовую природу гибких форм занятости, стоит на наш взгляд обратиться именно к исторической составляющей, отметив при этом, что важным этапом советского периода истории и развития гибких форм трудовых правоотношений следует считать принятие в 1972 г. КЗоТ БССР. Так, отправной точкой в регулировании

гибких форм занятости стала ст. 253 данного кодекса, содержащая отсылочную норму об особых условиях труда рабочих и служащих, занятых на сезонных работах, временных рабочих и служащих и некоторых других. Во исполнении данной нормы на подзаконном уровне были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР от 24.09.1974г. «Об условиях труда временных рабочих и служащих» и «Об условиях труда временных рабочих и служащих». Эти акты довольно подробно определяли особенности труда соответствующих работников и применялись в основном до принятия действующего ТК.

Несмотря на то, что на современном этапе гибкие формы занятости развиваются достаточно быстро, как уже было отмечено выше, но в то же время трудовое законодательство Республики Беларусь не содержит их определения. Тем не менее в Рекомендациях по применению гибких форм занятости отмечается, что под гибкими (нестандартными, нетипичными) формами занятости обычно понимают трудовые отношения между нанимателем и работником, отличные от отношений, основанных на трудовом договоре на неопределенный срок, предусматривающем работу в условиях нормальной продолжительности рабочего времени [4].

Далее рассматривая в этом контексте научные подходы белорусских ученых, отметим, что здесь также нет единства мнений. Так, по мнению К. Л. Томашевского: «гибкие (нестандартные, атипичные) формы занятости – это такая организация правоотношений, при которой трудящийся выполняет работу не по трудовому договору с неопределенным сроком, а иной продолжительностью рабочего времени, чем полное рабочее время, и с особым режимом рабочего времени, или на рабочем месте, удаленном от его места работы» [8, с. 13]. В дополнение к сказанному следует обратить внимание на высказывание Е. В. Мотиной, которая отмечает, что при гибких (нетипичных, нестандартных) формах занятости трансформируются классические признаки трудового правоотношения, а именно его организационная, дисциплинарная и личностная составляющие и с этим нельзя не согласиться [6, с. 13].

Анализируя далее другие научные подходы, обратимся к определению А. А. Бажиной, которая, давая определение гибкой занятости, рассматривает ее как элемент гибкого рынка труда и вид занятости, отличающийся особой спецификой организации трудовых отношений, направленных на удовлетворение потребностей четырех субъектов рынка труда (работника, нанимателя, государства и агентств по трудоустройству), и достигающих нужных целей (определенный уровень дохода, наличие свободного времени, занятость особо уязвимых

и других категорий населения) [1, с. 8]. На наш взгляд, это определение наиболее полно характеризует специфику гибких форм занятости.

Более того, как отмечает представитель российской науки трудового права Н. В. Заклюжная: «цифровая экономика неизбежно затронет сферу трудовых отношений. Поэтому уже сейчас важно определиться с самим понятием гибких форм занятости, с основными принципами и особенностями оформления трудовых отношений в условиях цифровой экономики, в том числе в части перехода на безбумажное взаимодействие работников и работодателей (введение электронного формата заключения трудового договора, перевод на цифру различных «бумажных» обязанностей работодателя и работника и т.д.)» [2, с. 204].

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что в Республике Беларусь, по мнению представителей науки трудового права, сложилась система гибких трудовых отношений, а развитие информационно-коммуникационных систем предопределило дальнейшее правовое регулирование этих отношений. Так, одной из основных форм гибких трудовых отношений является, например, дистанционная работа. Появление три года назад в ТК Республики Беларусь главы «О дистанционной работе» в разделе III стало несомненно положительным моментом, так как с одной стороны, продолжило дифференциацию в правовом регулировании трудовых отношений, легализовав этот вид гибкого труда, а с другой, и работнику и нанимателю выгодна представленная возможность не взаимодействовать лично при заключении или изменении трудового договора, а использовать, например, электронный документооборот. Но в то же время А. А. Бажина отмечает, что «указанная глава не носит ярко выраженной направленности на защиту интересов какой-либо стороны трудовых отношений» [1, с. 13], и с этим подходом нельзя не согласиться.

Анализируя далее законодательство Республики Беларусь в сфере гибких правоотношений, коснемся еще некоторых проблемных моментов, требующих его дальнейшего реформирования – труда сезонных работников, который регулируется главой 24 ТК. Учитывая нестабильную ситуацию на рынке труда, связанную с тем, что сезон может продолжаться 2-3 месяца вместо шести, полагаем, что его усовершенствование также возможно в части выплаты выходного пособия, увеличения его размера; закрепления для занятых на сезонных работах права на оплачиваемый отпуск, так как отсутствие этой нормы противоречит международно-правовым нормам, приоритет которых закреплен в Конституции и ТК. Также в рамках главы 24 следует закрепить нормы, обеспечивающие квотирование на занятие рабочих мест этой категории работников после завершения сезонных работ с

целью обеспечения их дальнейшей трудовой занятости. Это позволит обеспечить правовую защищенность сезонных работников, предусмотрев временную занятость с одной стороны, а с другой – с учетом состояния национального рынка труда защитит их от иностранных работников-конкурентов, претендующих также в силу объективных причин на временное трудоустройство в Республике Беларусь.

Говоря далее о ближайших перспективах развития и реформирования национального законодательства, регулирующего гибкие формы трудовых отношений, необходимо вспомнить и заемный труд. Отметим, что он в законодательстве Республики Беларусь не регламентирован, соответственно, его определение отсутствует. Поэтому далее рассмотрим научные подходы, чтобы определиться насколько эта форма трудовой деятельности актуальна и может быть применима к нашим реалиям.

Обратимся к определению заемного труда, которое предложил Я. В. Кривой: «... это труд работников, состоящих в трудовых отношениях с агентством занятости, которые периодически направляются в организации-пользователи для выполнения временной работы под руководством и с подчинением внутреннему трудовому распорядку последних» [3, с. 16]. Спецификой заемного труда является трехсторонний характер таких правоотношений (работник, организация-пользователь и агентство-наниматель). По нашему мнению, существует ослабленная трудовая связь между работником и нанимателем (работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя), происходящее «раздвоение» функций нанимателя является несомненно отрицательным моментом существования заемных отношений, так как не контролируется должным образом, например порядок выполнения работником его трудовых обязанностей. Существует еще одна сложность, на которую указывает Я. В. Кривой: «...договор, заключаемый между агентством заемного труда и организацией-пользователем, наиболее похож на договор оказания возмездных услуг» [3, с. 18]. Но вместе с тем такой договор все же содержит по нашему мнению, нормы трудового права, в частности, об организации труда работника, обязанности нанимателя обеспечивать безопасные условия труда. Следующим негативным моментом является то, что заемные работники опять же временно привлекаются для исполнения определенных задач организаций-пользователей, т.е. не существует постоянной связи в трудовых отношениях, они носят, недолговременный характер. А при увольнении вряд ли найдут оперативно себе подходящую работу на рынке труда в условиях жесткой конкуренции. В

этом контексте стоит согласиться с позицией М. В. Меркушевой. «Как показывает европейский опыт, рост различных типов нестандартных контрактов в сфере занятости приводит к более глубокому разделению на рынках труда между хорошо защищенными работниками и работниками с ограниченным доступом к социальной защите и правом на трудоустройство. Это особенно относится к растущему числу лиц, работающих по принципу «сложная нестандартная занятость» с сочетанием нестандартных рабочих статусов: например, временный и неполный рабочий день, самозанятость, заемный труд» [5, с. 421].

Обобщая и говоря о перспективах применения заемного труда для Республики Беларусь, следует согласиться с С.В. Шевченко, которая утверждает: «это самая сложная в применении форма занятости работников в нашей стране» [9, с. 67]. Как уже было отмечено, модель этого наемного труда предполагает наличие трех субъектов трудовых отношений. Отношения между ними в данном случае носят трехсторонний характер, но законодательством Республики Беларусь это не предусматривается. Поэтому применение этой разновидности гибкого труда является достаточно отдаленной перспективой.

Таким образом, проведенное нами исследование отнюдь не исчерпывает всех возможных ответов на те вопросы, которые будут возникать в дальнейшем в процессе правового регулирования гибкого труда. Несомненно, важно и далее развивать нормы о правовом статусе участников гибких отношений и устранять существующие проблемы в правовом регулировании, приспособив национальное законодательство к новым формам труда (например, заемный труд) и экономическим отношениям.

Библиографические ссылки

1. *Бажина А. А.* Развитие гибких форм занятости: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 08.00.01; Академия управления при Президенте Республики Беларусь Минск, 2017.25 с.
2. *Заклюжная Н. В.* Секондмент как нетипичная форма трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. №2. С. 16–18.
3. *Кривой Я. В.* Преимущества и недостатки использования гибких форм занятости // Промышленно-торговое право. 2011. № 2. С.19–22.
4. *Масловская В. В.* Рекомендации по применению гибких форм занятости / В. В. Масловская // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
5. *Меркушева М. В.* Гибкие формы занятости: особенности применения в современных условиях // Экономика труда. Т. 7. 2020. №5. С. 420–438.
6. *Мотина Е. В.* Дистанционная работа и основные признаки трудового правоотношения // Парадигма трудового и социального права в эпоху построения постиндустриального общества: междунар. науч.-практ. конф., Минск-Гродно, 23-24

окт. 2015 г. / Междунар. ун-т МИТСО, Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы; ред. кол. К. Л. Томашевский (гл.ред.) и [др.]. Минск, 2015. С. 104–107.

7. Особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников : учеб. пособие ; под ред. проф. Ю. П. Орловского. М. : Изд-во «Контракт», 2014. 304 с.

8. *Томашевский К. Л.* Гибкие формы занятости: понятие, формы и анализ Рекомендаций // Промышленно-торговое право. 2011. № 9. С. 13–15.

9. *Шевченко С. В.* Применение в Республике Беларусь гибких форм занятости // Труды БГТУ. 2013. №7. Экономика и управление. С. 66–68.

РЭФОРМА СОЙМА РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ 1764 ГОДА

А. В. Валеўка

*Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай, вул. Мірная, 4а
211440 г. Наваполацк, Рэспубліка Беларусь, e-mail: a.valevko@psu.by*

У другой палове XVIII ст. Рэч Паспалітая сутыкнулася з вострай неабходнасцю карэнных рэформ сістэмы дзяржаўнага кіравання. Рэальныя спробы рэфармавання звязаны з абраннем караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Сярод рэформ таго часу галоўнае значэнне мае рэформа сойма, якая павінна была падрыхтаваць неабходную глебу для іншых рэформ.

Ключавыя словы: Рэч Паспалітая, Сойм, соймавая рэформа, парламентарызм

THE REFORM OF THE SOYM OF 1764

A. Valevko

*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, str. Myrnaya, 4a
211440 г. Navopolatsk, Belarus, e-mail: a.valevko@psu.by*

In the second half of the 18th century the Commonwealth faced an urgent need for fundamental reforms of the state administration system. Real attempts at reformation are connected with the election of King Stanislaus August Paniatowski. Among the reforms of that time, the reform of the Sejm, which was supposed to prepare the necessary ground for other reforms, is of primary importance.

Keywords: Commonwealth, Sejm, Sejm reform, parliamentarism

Сойм Рэчы Паспалітай з яго традыцыямі і прававой асновай з'яўляўся ўвасабленнем такой формы кіравання, якая ў навуковай літаратуры часам мела назву «шляхецкая дэмакратыя». Асаблівасці тагачаснай дзейнасці сойма, а таксама звязаныя з гэтым праблемы даюць уяўленне аб многіх дзяржаўных недахопах і супярэчнасцях.

Першая палова XVIII ст. у дзейнасці сойма адзначана моцным паглыбленнем унутрыпалітычнага крызісу. Ужо да сярэдзіны стагоддзя склаліся перадумовы дзяржаўнага рэфармавання, адпаведна чаму з'явіліся і навуковыя творы праграмага характару, што прадугледжвалі магчымыя напрамкі правядзення рэформаў. Асабліва гэта тычылася рэфармавання прадстаўнічых інстытутаў.

Так, шмат ідэй адносна рэфармавання дзейнасці сойма Рэчы Паспалітай было выказана С. Канарскім. Навуковец прапаноўваў, па-першае, упарадкаваць лік паслоў ад ваяводстваў і павеатаў, бо раней адны абіралі на сойм шматлікія пасольскія дэлегацыі, а іншыя – толькі па два

дэлегаты. Паводле думкі С. Канарскага, неабходна было павялічыць лік соймакаў, або на асаблівым з'ездзе кожны павет мог выбіраць сваіх прадстаўнікоў. У выніку – колькасць паслоў на сойм значна б узрасла. Адпаведна, каб не знізіць правы шляхты, С. Канарскі прапаноўваў падзяліць буйныя паветы ў ВКЛ. Новыя павятовыя соймакі павінны былі абіраць на два гады чатырох паслоў і іх двух намеснікаў. Такім чынам званне пасла ўсталёўвалася на ўвесь двухгадовы перыяд да наступных выбараў, а не толькі на час працы сойма. Прапаноўвалася таксама складанне рээстра выбаршчыкаў, у які ўключаліся б шляхцічы, што пражывалі ў гэтым ваяводстве і мелі там маёнткі.

Увогуле прапанаваныя праекты павінны былі, па-першае, перашкодзіць «разрыву» соймакаў ці «падвойнаму выбару» паслоў і, па-другое, перашкодзіць магнатам з дапамогай сваіх кандыдатур маніпуляваць рашэннямі соймакаў. Адзначым, што задуманыя змены былі ў першую чаргу на руку пануючай «партыі», бо замацоўвалі яе перавагу. Пры гэтым нельга не прызнаць, што яны выцякалі з вопыту правядзення соймакаў і прапаноўваліся ў інтарэсах усёй шляхты, бо, з аднаго боку, узмацнялі значэнне кожнага голасу і волі большасці, а з другога – адхіляючы ад галасавання беззямельную шляхту, абаранялі соймак ад найбольш няўстойлівай і беспрынцыповай часткі выбаршчыкаў.

Патрабаванні змянення парадку дзейнасці сойма ўтрымліваліся таксама ў многіх пасольскіх інструкцыях, прынятых соймакамі. На канвакацыйным сойме былі прадстаўлены некалькі адпаведных праектаў. Сярод іх праект, які прапаноўваў увесці на сойме прыняцце рашэння большасцю галасоў, але з умовай, што, калі хто-небудзь з паслоў будзе настойваць на адзінагалосным вырашэнні, то патрэбна будзе растлумачыць матывы такога патрабавання, пасля чаго сойм меў права прыняць або адхіліць патрабаванне. Калі ж пасол ўсё ж настойваў на сваім, то варта было запытаць Сенат, які мог бы ўвесці аднагалоснасць, аднак пры ўмове падтрымкі не менш 4/5 прысутных сенатараў.

У адным з праектаў прапаноўвалася вызначыць кола пытанняў, рашэнне па якіх прымалася большасцю галасоў ці аднагалосна. У ліку апошніх былі: павелічэнне колькасці войскаў, пытанні адносна караля і яго дома, аб'ява вайны, пытанні каталіцкай веры.

Другі праект прапаноўваў усталяваць чарговасць разгляду пытанняў на сойме. Пасля абрання маршала сойма і камісій паслам належала спачатку абмеркаваць прапановы караля, затым – ваяводстваў, якія тычацца ўсёй дзяржавы, пасля чаго разглядаць пытанні адносна дзейнасці асобных ваяводстваў, паведаў і прыватных асоб. У выпадку,

калі якое-небудзь з пытанняў было адхілена соймам большасцю галасоў, ці па волі меншасці або нават асобнага пасла, г.з. у адпаведнасці з прынцыпам «вольнага голасу», то сойм не лічыўся б «разарваным», а мог бы перайсці да абмеркавання наступнага па парадку дня пытання.

Прынцыповым адрозненнем праграмы С. Канарскага ад праектаў Чартарыскіх было пытанне аб канфедэрацыі. Права канфедэрацыі, як і права «вольнага голасу», былі двума супрацьлегласцямі шляхецкай вольнасці, так як і тое і іншае узаконьвалі выступленне супраць агульнага рашэння, выяўленага воляй большасці. Таму Канарскі выступаў не толькі за поўную адмену *liberum veto*, але і за забарону канфедэрацый.

Увасабленне ідэй тагачасных праграм рэформаў адбылося на кавакацыйным сойме 1764 г. Перш за ўсё на сойме былі прыняты рашэнні аб ўпарадкаванні дзейнасці сойма, што ў сваю чаргу становілася спрыяльнай глебай для зменаў у палітычнай сістэме Рэчы Паспалітай. Сойм павялічыў лік дэпутацкіх соймаў, што было звязана з павелічэннем колькасці дэпутатаў трыбуналаў. Узрасла і колькасць гаспадарскіх (гаспадарчых) соймаў. Тым самым пашыраўся ўдзел шляхты ў земскім самакіраванні. Гаварылася на сойме і аб рэформе пасольскіх соймаў. Для іх таксама, як і для дэпутацкіх соймаў, прадугледжваўся парадак абрання паслоў на сойм і зацвярджэнне ім інструкцый большасцю галасоў, а таксама адхіленне неаседлай і беззямельнай шляхты ад удзелу ў выбарах.

Увага была звернута і на сістэму соймаў Рэчы Паспалітай. У першай палове XVIII ст. ва ўмовах распаўсюджанасці права «*Libertum veto*» сойм быў не ў стане прымаць рашэнні. Таму на мясцовыя соймікі ўскладаўся разгляд не толькі мясцовых, але і агульнадзяржаўных пытанняў. У сувязі з гэтым фармавалася практыка, звязаная з моцнай дэцэнтралізацыяй дзяржавы.

Пастанова сойма аб галасаванні большасцю на дэпутацкіх соймах і пры абранні службовых асоб змяшчалася ў канстытуцыі аб рэарганізацыі кароннага трыбунала, а аналагічнае правіла для пасольскіх соймаў, нароўні з дапушчэннем да выбараў толькі аселяй шляхты, было складзена ў канстытуцыі. Меркавалася распаўсюдзіць яе на ўсе соймікі Рэчы Паспалітай.

Падводзячы вынік, адзначым, што канстытуцыі сойма Рэчы Паспалітай 1764 г. распачыналі працэс кардынальных змен у дзейнасці прадстаўнічых інстытутаў Рэчы Паспалітай і закладвалі падмурак для далейшага рэфармавання дзяржавы.

УДК 342; 343

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – ВАЖНЫЙ ФАКТОР НА ПУТИ К ЕГО ГАРМОНИЗАЦИИ

С. Г. Василевич

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: gregory5581@yandex.by*

В статье обращается внимание на проведенную реформу административно-деликтного и процессуально-исполнительного законодательства. Подчеркивается общая позитивная тенденция к укреплению законности. Обращено внимание на необходимость использования единой терминологии в кодексах, когда иное не вызвано какими-то объективными факторами.

Ключевые слова: административно-деликтная реформа, судья, прокурор.

IMPROVEMENT OF LEGISLATION IS AN IMPORTANT FACTOR ON THE WAY TO ITS HARMONIZATION

S. G. Vasilevich

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: gregory5581@yandex.by*

The article draws attention to the conducted reform of administrative-tort and procedural-executive legislation. The general positive tendency to strengthening of legality is emphasized. Attention is drawn to the necessity of using a common terminology in the codes, when otherwise is not caused by any objective factors.

Keywords: administrative-tort reform, judge, prosecutor.

Административно-деликтное и процессуально-исполнительное законодательство динамично развиваются. Основная их реформа состоялась в 2003 году, когда на смену КоАП 1984 пришел новый Кодекс об административных правонарушениях, правда, введенный в действие лишь в 2007 году. Для КоАП 2003 года было характерно постоянное его дополнение новыми составами правонарушений, причем еще до введения его в действие. Это, а также отсутствие масштабной профилактической работы, предупреждения административных правонарушений привело к тому, что ежегодно фиксировалось около 4 – 4,5 миллионов таких деликтов. Потребовалось реформирование

административно-деликтного законодательства, что выразилось в принятии 6 января 2021 года нового КоАП, который устранил ряд прежних недостатков.

В КоАП и ПИКоАП с целью соответствия закрепленных в них положений духу времени своевременно вносятся необходимые изменения и дополнения, направленные на поддержание в актуальном состоянии норм указанных кодексов, принятие профилактических мер по недопущению совершения правонарушений, справедливое наказание лиц, чья вина установлена вступившим в законную силу постановлением суда или иного уполномоченного органа. На практике могут выявляться отдельные дефекты или пробелы в правовом регулировании отношений, связанных с укреплением законности.

Очень важно, чтобы используемая в различных правовых источниках терминология находилась в гармонии, не было необоснованных расхождений. Так, некоторые положения кодексов, требуют дальнейшей корректировки. Например, в части первой ст. 1.4 ПИКоАП раскрывается определение термина судья – это профессиональный судья суда общей юрисдикции. В ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей закреплено иное определение термина судья – лицо, назначенное (избранное) на должность судьи в установленном данным Кодексом порядке для осуществления обязанностей судьи на профессиональной основе. В ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь судья – лицо, назначенное (избранное) на должность судьи в установленном Конституцией Республики Беларусь и законами порядке для осуществления обязанностей судьи на профессиональной основе. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь содержит иную редакцию определения термина судья – профессиональный судья любого суда, народный заседатель.

В статье 1 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь под определением термина судья понимается судья суда, рассматривающего экономические дела, – лицо, назначенное (избранное) на должность судьи суда, рассматривающего экономические дела, в установленном Конституцией Республики Беларусь и законами порядке для осуществления обязанностей судьи на профессиональной основе.

Таким образом, каждый из перечисленных кодексов содержит свое определение термина судья, и они различаются. Считаем, что во всех кодексах, включая ПИКоАП, требуется использовать одно общее определение указанного термина. Ведь в данном случае статус судей един, нет необходимости указывать, какие дела судья рассматривает. Из проанализированных понятий, которые даются в упомянутых актах

законодательства, в большинстве из них указывается, что судья должен быть профессионально работающим. Народный заседатель в силу характера его полномочий свои судебские функции не осуществляет на профессиональной основе. В связи с этим относить его к судьям, как это сделано в УПК, полагаем, неправильно. Тем более, что в УПК при определении понятий не указано, как это сделано в ГПК, что они используются «для целей настоящего Кодекса», а предусмотрено, что «содержащиеся в настоящем Кодексе понятия и наименования имеют, если нет особых указаний, следующие значения», то есть дано определение судьи, включая и народного заседателя, и можно сделать вывод, что оно применимо для всех случаев, когда выясняется, кто же такой судья. Целесообразно было бы в УПК дать отдельно определение народного заседателя, который не осуществляет свои обязанности на профессиональной основе.

Оптимальным является определение судьи, которое дано в Кодексе о судоустройстве и статусе судей, но лишь надо сделать ссылку не только на закон, но и на Конституцию. Поэтому наиболее точным представляется следующее определение судьи – это лицо, назначенное (избранное) на должность судьи в установленном Конституцией Республики Беларусь и законами порядке для осуществления обязанностей судьи на профессиональной основе.

Также обратим внимание на то, что статьей 2.16 ПИКоАП определены полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов при ведении административного процесса, одним из которых является право отмены своим постановлением постановления о прекращении дела об административном правонарушении, вынесенным органом, ведущим административный процесс, по окончании подготовки дела об административном правонарушении к рассмотрению и противоречащие законодательным актам постановления, вынесенные в соответствии со статьями 10.3 (наложение административного взыскания при признании физическим лицом своей вины) и 10.5 (освобождение от административной ответственности за совершение административного проступка с вынесением предупреждения) этого Кодекса.

Иные постановления, выносимые по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении, могут быть только опротестованы в порядке, предусмотренном ПИКоАП. Представляется, что для полноты осуществления надзора необходимо наделить прокурора полномочиями по отмене своим мотивированным постановлением любого постановления органа, ведущего административный процесс, включая постановление, принятое по

результатам рассмотрения дела об административном правонарушении. Исключения могут составлять только постановления суда, на которые, при наличии правовых оснований, может быть принесен протест в порядке, предусмотренном законодательством.

Наделение прокурора подобными полномочиями позволило бы оперативнее разрешать соответствующие жалобы, был бы соблюден принцип процессуальной экономии. В случае признания доводов жалобы обоснованными прокурор приносит протест в суд, а суд, в свою очередь, его рассматривает и принимает решение. У прокурора и суда есть процессуальный срок, в течение которого они обязаны принять соответствующее решение (прокурор – принести протест, суд – рассмотреть протест). В связи с наделением прокурора упомянутыми полномочиями процессуальный срок сократился бы вдвое.

Отметим, что в ранее действовавшем ПИКоАП предлагаемых автором полномочий у прокурора не было, при подготовке действующего ПИКоАП высказывалось соответствующее предложение, однако, к сожалению, оно не было учено.

Безусловно, что нарабатываемая практика применения действующих КоАП и ПИКоАП выявляет и иные вопросы, требующие своего анализа и принятия оптимального решения, чему могут способствовать и научные исследования белорусских и зарубежных авторов.

УДК 340.1363

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ ПРАВА

В. Ю. Вечорко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: v.viachorka@gmail.com*

Исследуются проблемные аспекты системности права. Рассмотрено понятие «правовая система» с точки зрения общетеоретического подхода. Указывается на значимость обеспечения правовой системности в государстве. Затронуты вопросы закономерности правовых систем. Сделан вывод, что исследование правовой системности системно в наиболее общей постановке в плане ее классификации.

Ключевые слова: системность права, система права, правовая система, классификация права.

ON THE ISSUE OF THE SYSTEM OF LAW

V. Y. Viachorka

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: v.viachorka@gmail.com*

The problematic aspects of the systemic nature of law are explored. The concept of «legal system» is considered from the point of view of a general theoretical approach. The importance of ensuring legal consistency in the state is pointed out. Issues of the regularity of legal systems are touched upon. It is concluded that the study of legal systematicity is systematic in the most general formulation in terms of its classification.

Keywords: systematicity of law, system of law, legal system, classification of law.

Системность – это реализация качеств системы вообще во всех сферах ее структурной взаимосвязи и взаимодействия, ее целостности, гармонии, логичности, основанных на системной закономерности, то есть устойчивом повторении объективно необходимых связей между сущностями, выражающимися как тенденция. Системность является универсальной объективной данностью природы, техники, общества, всех его явлений и процессов, человека, его поведения, его деятельности. Это и явление, и процесс, и объект, и состояние, и метод, и закономерность – системная закономерность, как ее именует В. Г. Афанасьев [2, с. 64].

Правовая системность – это реализация всех качеств системы вообще применительно к особенностям права как надсистемы,

суперсистемы, интегрирующей все регулируемые или социальные системы, самой сложной и самой важной из всех систем социума. Глубоко заблуждаются те, кто право именуется подсистемой. Оно всегда было, есть и будет метасистемой, юридически «схватывающей» весь социум в целом, все его системы, о чем убедительно свидетельствуют современные конституции мира, закрепляющие принципы политической, экономической, идеологической и всех иных опосредуемых правом систем.

Об особой значимости системности на уровне национальной правовой системы ярко свидетельствует проведение в советские времена за сравнительно непродолжительное время трех дискуссий: первой – в 1938-1940 гг.; второй – в 1956 г.; третьей – в 1982 г., в которых приняли участие представители всех отраслей и основных направлений юридической науки [8, с. 69]. Участвовало в дискуссии свыше 40 видных ученых, где подчеркивалось усиление системности права, его комплексности, согласованного действия всех его отраслей и институтов [9, с. 81].

Значимость обеспечения правовой системности в Республике Беларусь подчеркивается многими учеными-правоведами, которые обращают внимание на то, что наше законодательство в ряде сфер является громоздким, несбалансированным, противоречивым [1; 5; 6; 10].

Исследование правовой системности системно в наиболее общей постановке в плане ее классификации и предполагает выявление системности, прежде всего внутриправовой (собственно правовой) и внешнеправовой (регулятивной). Внутриправовая – это сущностно-правовая, содержательно-правовая, формально-правовая, закономерно-правовая. Внешнеправовая системность сопряжена с регулированием правом соответствующих социальных систем – политической, экономической, экологической, финансовой и др. Это – соотношение внутренней системности с системностью регулируемых сфер.

Сущностно-правовую системность некоторые правоведа сводят к структуре таких свойств системности, как содержательное единство, внутренне упорядоченное дробление, логичность, стабильность структурных элементов (в соотношении с динамизмом системных частей) [8, с. 6] вне связи с сущностью права. По мнению автора, такой подход является недостаточно системным. Сущностно-правовой аспект системности требует ее выявления в русле системы сущностных признаков не только системы как таковой, но и природы права. Это проблемы сущностных признаков дефиниции правовой системы,

системы системообразующих факторов, как писал С. Г. Дробязко [4, с. 23].

В сущностно-правовой системности есть проблемы количества сущности признаков, а также системности правовых принципов.

В научной правовой литературе преобладают две позиции по понятию правовой системы. Первая сводится к тому, что право, как систему олицетворяют два понятия: «правовая система» и «система права»; вторая исходит из того, что существует одно понятие – «правовая система», которое употребляется в широком и в узком смыслах. В широком смысле правовая система – это закономерно связанная целостность устойчивого правосознания, всех правовых норм, форм их выражения (источников) и их реализации, а также правотворческих, правоустановительных и правореализующих процедур, обеспечивающих регулирование социальных отношений по пути прогрессивного развития. Правовая система в узком смысле «представляет собой закономерно связанную целостность всех правовых норм, форм их выражения (источников), институтов и отраслей, предназначенных для упорядочения общественных отношений с целью обеспечения социального прогресса» [9, с. 269].

Одним понятием «правовая система» оперируют известные зарубежные правоведы. Так французский ученый Р. Давид определяет правовую систему как взаимосвязанные и взаимодействующие юридические средства, обеспечивающие правовое регулирование и выражающие качественное состояние того или иного общества.

В понимании системы факторов, порождающих право, как систему и ее развитие, достигнуты весомые результаты. Однако следует подчеркнуть, что правовые системы у народов, имеющих свою государственность, возникают в разные эпохи под воздействием многих факторов, но доминантным везде является первое осуществление кодификации. Впервые правовая система возникла в Месопотамии в 1914 г. до н. э с появлением Кодекса Хаммурапи, содержащего 282 статьи по уголовному, гражданскому и семейному праву; в Древней Греции – с установлением Законов Солона в 559 г. до н. э.; в Древнем Риме – с принятием Законов XII Таблиц в V в. до н. э.; в Великом Княжестве Литовском – с появлением Судебника Казимира в 1468 г. В некоторых африканских странах правовые системы еще не сформировались [4].

В рамках темы необходимо также затронуть вопросы закономерности правовых систем.

Закономерности правовой системы – это закономерности права в целом и их конкретизация. Общность закономерностей правовой

системы и права вообще обусловлены тем, что право, как таковое реально существует только как система. Значит, все закономерно-правовое интегрируется в праве как система.

Общие закономерности права С. С. Алексеевым рассматриваются в плане цивилизации и культуры: это переход регулирования от запретительно-предшествующего к преимущественно дозволительному, все более твердое обретение автономной личностью устойчивого правового статуса, все большее связывание государства правом, становление и совершенствование правовых средств, основанных на идеалах свободы и гуманизма [2, с. 70].

В. Д. Попков различает общие закономерности у правовых систем и специфические у правовой системы каждого государства. Общие закономерности это – усложнение, активизация процесса взаимодействия цивилизационных факторов, преемственность в развитии правовых систем в отдельных обществах, стремление к сближению в современном законодательстве и правоприменительной деятельности в сфере регулирования рыночных отношений, охраны окружающей среды, в регулировании других сфер [7, с. 300-301].

В литературе закономерности права классифицируются: по системному местоположению в социальном пространстве, по историческим пределам действия, по типу связи – закономерности возникновения, развития, функционирования. Закономерно-правовая системность представляет собой систему объективных законов бытия права как системы, ее развития и функционирования. Закономерности бытия права – это его верховенство, справедливость, интегративность, нормативность, формальная определенность, единство юридических прав и обязанностей, их гарантии, системность. Закономерности развития правовых систем это – возрастание количества правовых норм и принципов по мере усложнения общественных отношений в процессе их поступательного движения; непрерывность совершенствования правовых систем; дифференциация правовых систем на отрасли права; формирование комплексных отраслей законодательства, сближение основных правовых систем мира; гармонизация и унификация национальных правовых систем; юридическое взаимообогащение, взаимопроникновение национальных правовых систем и системы международного права; демократизация и гуманизация правовых систем [4].

К закономерностям функционирования относятся: соответствие правового регулирования механизму действия объективных законов регулируемых сфер общественных отношений и закономерностям правовой системы; осуществление правового упорядочения путем

точного определения круга субъектов права и субъектов правовых отношений, их юридических прав, обязанностей и гарантий; охрана правового регулирования государством; усиление роли кодификации; усиление отрасли конституционного права и его прямое действие; усиление роли международного права; усиление гарантий прав и свобод личности; своевременное правовое упорядочение непрерывно развивающихся отношений, нуждающихся в правовой защите; обеспечение стабильности в правовой регламентации; стимулирование социально полезной активности субъектов правовых отношений как основной закономерности правовой системы.

Проблемных аспектов по закономерностям права как системы много, но, пожалуй, самой значимой является разное понимание основного объективного закона функционирования правовой системы. По мнению автора, в конечном счете, необходимо говорить о существовании основного объективного закона любой правовой системы, который «заключается в стимулировании правовыми средствами социально-полезной активности субъектов права путем обеспечения гармоничного сочетания интересов личности и общества» [4, с. 24].

Таким образом, проблема правовой системности, как писал С. Г. Дробязко, многогранна и рассматривается в плане категории, предмета, сферы, объекта, состояния, качества, процесса, структуры, взаимосвязи ее элементов, их взаимодействия, целостности, механизма, способа, тенденций, закономерностей и в других ипостасях.

Библиографические ссылки

1. *Абрамович А. М.* Избранные труды. Минск. : ЮрСпектр, 2019. 576 с.
2. *Алексеев С. С.* Теория права. М. : Норма, 1995. 320 с.
3. *Афанасьев В. Г.* Динамика социальных систем // Коммунист. 1980. № 5. С. 56–70.
4. *Дробязко С. Г.* Проблемы системности в праве // Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и региональной интеграции : постсоветский опыт и перспективы устойчивого развития : материалы науч.-практ. конф., 7-8 окт., г. Минск. Минск : БГУ, 2011. С. 21–26.
5. *Дробязко С. Г.* Факторы, воздействующие на процесс становления белорусского права как системы // Теоретико - методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь : сб. ст. / Белорусский государственный университет. Минск : Право и экономика. 2011. С. 8–14.
6. *Калинин С. А.* Проблемы реформы системы права в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. ; Белорусский государственный университет. Минск, 2001. 120 с.
7. *Марченко М. Н.* Теория государства и права. 3-е изд., доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. 304 с.

8. Правовая система социализма: Понятие, структура, социальные связи. Кн. 1 / Васильев А. М., Гаврилов О. А., Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. и др.; редкол.: Васильев А. М. (отв. ред.), Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. М.: Юрид. лит., 1986. 368 с.

9. Правовая система социализма: Функционирование и развитие. Кн. 2 / Боботов С. В., Васильев А. М., Гаврилов О. А., Завадская Л. Н. и др.; редкол.: Васильев А. М. (отв. ред.), Казимирчук В. П., Кудрявцев В. Н. М.: Юрид. лит., 1987. 327 с.

10. *Сильченко Н. В.* О критериях отраслей права // Право и демократия: сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Бибило. Минск : БГУ, 2002. Вып. 13. С. 54–66.

УДК 340.13

**ПЕРВЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА,
РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВОЗДУШНЫЕ ПОЛЕТЫ И ИХ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

И. В. Гринев

Сызранский филиал ФГБОУ ВО «Самарский государственный экономический университет», ул. Людиновская, 23, 446022, г. Сызрань, Самарская область, Российская Федерация

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: givru922@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы эволюции и развития воздушного права и обеспечения безопасности воздушных полетов в первые годы становления авиации, приемственности международному процессу развития правового регулирования указанной сферы.

Ключевые слова: воздушное право, безопасность полетов, история правового регулирования, эволюция права.

**THE FIRST REGULATIONS OF THE SOVIET PERIOD
REGULATING AIR FLIGHTS AND THEIR SAFETY**

I. V. Grinev

Syzran Branch of Samara State University of Economics, Lyudinovskaya str., 23, 446022, Syzran, Samara region, Russian Federation,

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: givru922@mail.ru

The article deals with the issues of the evolution and development of air law and ensuring the safety of air flights in the early years of the formation of aviation, the continuity of the international process of development of legal regulation of this sphere.

Keywords: air law, flight safety, history of legal regulation, evolution of law.

Появление авиации в мире вызвало и необходимость становления нормативной регламентации движения воздушных судов. При этом отдельные правовые нормы, регулирующие полеты летательных аппаратов и носящие главным образом запретительный характер,

появились значительно раньше, на заре воздухоплавания. Так, еще в 1784 г. в России Екатерина II издала указ о запрещении пускать воздушные шары с 1 марта по 1 декабря из-за опасности возникновения пожаров. Аналогичные акты принимались в ряде других государств (Франция, Голландия и др.).

В начале XX века в связи с развитием авиации возникла идея создания системы воздушного права. В связи с этим Международный юридический комитет авиации в 1913 г. опубликовал проект международного воздушного кодекса, который включал три книги и содержал более 70 статей. Первая книга (часть) регулировала вопросы международного публичного права: право на воздушное пространство; национальности и регистрации воздушных судов; посадки на сушу и на воду; применения законов при воздушных передвижениях; режима воздушных судов за границей. Вторая книга посвящалась вопросам международного частного воздушного права: возмещения убытков, причиненных воздушными судами; воздушной ипотеки (залога); страхования. Наконец, третья книга была посвящена вопросам регулирования таможенных правил при международных воздушных перевозках. Проект международного воздушного кодекса предусматривал положения о свободе воздушных передвижений и по существу содержал призыв к отказу от суверенитета государств на воздушное пространство. Однако это положение проекта было отвергнуто.

В 1910 г. по предложению правительства Франции в Париже была созвана конференция для изучения международно-правовых вопросов, связанных с воздушными передвижениями. В работе конференции приняло участие 18 государств (в том числе Россия). В связи с тем, что участники конференции не пришли к соглашению по основным вопросам, положительного решения принято не было. Неудача конференции была обусловлена такими причинами, как отсутствие национального законодательства о воздушных передвижениях, соображения военного характера и др.

Перед Первой мировой войной в странах Европы начинает развиваться национальное законодательство по вопросам правового регулирования полетов и воздушных перевозок. В том числе в России в 1912 г. принимается закон, дающий военному и морскому министру право определять районы, в которых запрещались полеты воздушных судов. В этом же году принимается другой закон, запрещающий перелетать русскую границу под угрозой открытия огня. Разразившаяся Первая мировая война приостановила развитие воздушного законодательства.

По окончании Первой мировой войны воздушное законодательство начало развиваться более интенсивно. Так, 13 октября 1919 г. в Париже была подписана Международная конвенция о воздушных передвижениях, которую первоначально подписали 32 государства. Конвенция вступила в силу 10 июля 1922 г. Парижская конвенция 1919 г. состояла из 9 глав и 43 статей. Конвенция устанавливала общие принципы правового регулирования международных воздушных передвижений, постановления о национальности воздушных судов, об удостоверениях о годности к полетам воздушных судов, о пилотских свидетельствах, о полетах над иностранной территорией, о правилах взлетов, полетов и посадок о запрещенных грузах, о государственных воздушных судах, а также ряд организационных правил. В 1925 г. в Париже была созвана конференция для выработки проекта конвенции об ответственности предприятий воздушного транспорта перед пассажирами и грузовладельцами. Конвенция должна была унифицировать некоторые правила международных воздушных перевозок пассажиров и грузов, а также установить ограниченную ответственность перевозчика за вред, причиненный пассажиру и грузу. Однако Парижская конвенция 1925 г. так и не была подписана. При этом необходимо подчеркнуть, что она была первой международной конференцией по вопросам гражданской авиации, в которой принимал участие Советский Союз [2, с. 16-19].

В целом с начала возникновения молодое Советское государство стремилось к развитию воздушного флота и воздушного сообщения. Так, в 1918 г. первый начальник Главной инспекции Военного Воздушного флота, известный советский юрист, профессор И. С. Перетерский писал: «В главном Управлении Военного Воздушного флота в настоящее время приступлено к работам по выработке законопроектов, касающихся воздушного права, и если работы не встретят каких-либо внешних препятствий то, будущее дело воздушных передвижений в России с юридической стороны, будет поставлено на прочную базу» [1, с. 28].

После окончания гражданской войны и перехода к мирному строительству, советское государство уделяло особое внимание развитию воздушного сообщения, а также использованию авиации в народном хозяйстве. Начали совершаться первые перелеты с пассажирами по маршрутам: Москва-Петроград; Москва-Харьков; Смоленск-Гжатск – Москва и др. В 1922 г. была открыта первая международная воздушная линия Москва – Ковно – Кенигсберг. Уже к 1923 г. протяженность внутренних воздушных линий составляла 420 км. [2, с. 20]. В это же время начинает развиваться воздушное законодательство РСФСР.

В 1920 г. научно-технический отдел Главвоенвоздух флота разработал и опубликовал проект Декрета о воздушных передвижениях. Этот проект был рассмотрен Советом Народных Комиссаров РСФСР. 17 января 1921 г. за подписью В. И. Ленина СНК утвердил Правила о воздушных передвижениях в воздушном пространстве над территорией РСФСР и ее территориальными водами [3].

Декрет о воздушных передвижениях 1921 г. состоял из 4 разделов и 26 статей. Несмотря на небольшой объем, Декрет в систематизированном виде давал правовое регулирование основным сторонам гражданского применения авиации. Так, в первом разделе устанавливалось, что пилоты, совершающие полеты, подлежат обязательной регистрации и приписке к аэродрому: регистрации и приписке к аэродрому подлежат также воздушные суда; эксплуатация аэродромов допускается при наличии свидетельств об их регистрации. Порядок и условия регистрации пилотов, воздушных судов и аэродромов определялся Начальником Рабоче-Крестьянского Красного Воздушного Флота.

Второй раздел регламентировал правила полетов в воздушном пространстве РСФСР, уделяя особое внимание профессионализму пилотов. Так, ст. 6 Декрета определяла требования к лицам, пилотирующим воздушные суда. Все пилоты в установленном порядке должны были пройти испытания. Если же в течение года пилот не совершал полетов, он лишался права пилотирования до нового испытания.

Устанавливалось, что воздушные суда должны были иметь опознавательные знаки и соответствующие судовые документы. Запрещалось иметь на воздушных судах фотоаппаратуру, радиоаппаратуру, взрывчатые вещества и почтовых голубей. Специальные правила были установлены в запретных зонах. Пилот, оказавшийся в запретной зоне, совершал посадку по первому сигналу компетентных органов.

Третий раздел декрета определял правила полетов иностранных воздушных судов в воздушном пространстве РСФСР. Так, ст. 15 устанавливала разрешительную систему международных полетов. Для совершения полета иностранного воздушного судна требовалось разрешение НКВД (НКВТ) и согласование с Главвоенвоздухфлотом. Получив разрешение, иностранное воздушное судно могло совершить полет не ранее 3 суток и не позднее 14 суток. Полеты иностранных воздушных судов могли осуществляться только с таможенных аэродромов по заранее определенному маршруту. В случае нарушения действующих правил пилоты иностранных воздушных судов несли ответственность по законам РСФСР в установленном порядке.

Четвертый раздел рассматривал вопрос об ответственности владельцев воздушных судов и пилотов за причиненные убытки. Согласно ст. 22 Декрета все убытки, причиненные воздушным судном при взлете, полете или посадке, подлежали возмещению за исключением случаев, когда причинение убытков являлось следствием грубой вины самого потерпевшего.

Таким образом, декрет о воздушных передвижениях 1921 г. заложил основы советского воздушного законодательства. На его основе развернулось правотворчество в области применения гражданской авиации для нужд народного хозяйства.

В последующие годы была выдвинута задача ускоренного развития гражданской авиации, совершенствования ее организационных форм и правового регулирования, чему способствовали активная индустриализация и страны и коллективизации сельского хозяйства. При составлении второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1933 – 1937 гг. советское государство установило: «воздушное сообщение развить по всем основным направлениям, как одно из важнейших средств связи с отдаленными районами и с крупными промышленными центрами» [2, с. 22].

27 апреля 1932 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Воздушный кодекс СССР [4]. Воздушный кодекс включал 9 глав (68 статей): общие положения (ст. 1 – 6); гражданские воздушные суда (ст. 6 – 16); экипаж гражданских воздушных судов (ст. 17 – 24); земное оборудование для полетов (ст. 25 – 32); условия труда работников ГВФ (ст. 33 – 34), полеты (ст. 35 – 38), международные полеты (ст. 39 – 52), имущественная ответственность перевозчика и порядок, рассмотрения споров (ст. 53 – 63), правила и обязательные постановления, издаваемые ГУГВФ (ст. 64 – 68).

Воздушный кодекс СССР 1932 г. действовал всего три года. 7 августа 1935 г. постановлением ЦИК и СНК СССР утверждается новый Воздушный кодекс СССР [5]. Принятие нового ВК СССР через сравнительно короткий срок было обусловлено тем, что продолжавшийся бурный рост гражданской авиации требовал более детального, более четкого регулирования деятельности Гражданского Воздушного Флота, особенно 12 вопросов, связанных с обеспечением безопасности полетов и воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов и почты. ВК СССР 1935 г. включал 10 глав, 96 статей и Приложения. Воздушный кодекс СССР 1935 г. действовал 25 лет.

Однако в послевоенный период в связи активным развитием в СССР авиации, появлением самолетов с реактивными и газотурбинными двигателями, гигантски возросших воздушных перевозках как на

внутренних, так и на международных воздушных линиях, произошедших изменениях в организации полетов, а также принятый в 1935 г. ВК СССР, который не мог уже в полной мере регламентировать многообразную деятельность гражданской авиации в принципиально новых условиях, назрела настоятельная необходимость принятия нового кодекса. В середине 1959 г. Главное управление Гражданского воздушного флота и Юридическая комиссия при Совете Министров СССР разработали и опубликовали для обсуждения проект нового Воздушного кодекса СССР [6].

Библиографические ссылки

1. Вестник Воздушного Флота, № 2. М.: Вестник Воздушного Флота, 1918 1961, 1995.
2. *Волков М. М.* Советское воздушное право [Часть 1 общая]: Учеб. пособие Ч. 1: Общая / Высш. авиац. училище гражд. авиации. Л., 1969. 50 с.
3. Декрет СНК РСФСР от 17 января 1921 г «О воздушных передвижениях».
4. Постановление ЦИК СССР № 36, СНК СССР N 460 от 27.04.1932 г. «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР».
5. Постановление ЦИК СССР № 14, СНК СССР N 1713 от 07.08.1935 «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР».
6. Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1961 «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР».

УДК 349

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. А. Гурьева

кандидат юридических наук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: alenahuryeva@gmail.com*

Электронное правосудие в Беларуси проходит этап активного внедрения и развития. Применение и использование в судебном процессе информационно-коммуникационных технологий обеспечивает необходимые условия для эффективной реализации целей и задач судопроизводства за счет предоставления суду и иным участникам судебного процесса новых инструментов и механизмов.

Ключевые слова: суд, электронное правосудие, Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (НЦПИ), автоматизированная система (АИС).

MAIN STAGES OF INTRODUCTION OF INFORMATION TECHNOLOGY INTO THE JUDICIAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. A. Huryeva

PhD in Law

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: alenahuryeva@gmail.com*

Electronic justice in Belarus is going through a stage of active implementation and development. The application and use of information and communication technologies in the judicial process provides the necessary conditions for the effective implementation of the goals and objectives of legal proceedings by providing the court and other participants in the judicial process with new tools and mechanisms.

Keywords: court, electronic justice, National Center for Legal Information of the Republic of Belarus (NCLI), automated system (AIS).

Путь Республики Беларусь по внедрению информационных технологий в судебную систему по-своему уникален и начинается с материально-технического обеспечения судов, то есть с появлением первых компьютеров.

В целях внедрения новейших компьютерных технологий в судебную деятельность с начала 90-х годов XX века проводились системные и комплексные работы по созданию программных средств для

автоматизации деятельности органов и учреждений юстиций и судов [2, с. 11].

Идея использования современных информационных технологий для обеспечения деятельности судов Республики Беларусь была обозначена уже в 1992 г. в Концепции судебной реформы, одобренной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. №1611-ХП. Для этих целей в сентябре 1992 г. был создан Координационный научно-технический совет по информатизации правоохранительных органов Республики Беларусь.

Работы по созданию программных средств для автоматизации деятельности судов были начаты в 1993 г. еще Республиканским центром правовой информации, входившим в состав принадлежащего системе Министерства юстиции Республики Беларусь НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы (НИИ ПККиСЭ). Эти разработки были нацелены на компьютеризацию деятельности специалистов разного профиля и предназначались, в первую очередь, для работников центрального аппарата Минюста, областных управлений юстиции, районных судов [2, с. 11].

РЦПИ были созданы пакеты прикладных программ для районного суда, областного управления юстиции и Министерства юстиции, которые образовали взаимосвязанный комплекс, минимизирующий ручной ввод статистических данных, позволяющий автоматически формировать отчеты и распечатывать их. Этот пакет программ успешно эксплуатировался во всех областных и Минском городском управлении юстиции, а также в управлении организационного обеспечения деятельности судов Минюста [2, с. 12].

Ускорение применению информационных и компьютерных технологий в судебной системе, как одной из основных составляющих процесса правовой информатизации, было придано созданием Национального центра правовой информации Республики Беларусь (НЦПИ) в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30.06.1997 № 338 «О создании Национального центра правовой информации Республики Беларусь».

После фактической реорганизации Республиканского центра в НЦПИ в НИИ ПККиСЭ были переданы практически все вышеуказанные программные продукты для дальнейшего сопровождения и развития.

Работы по проектированию и внедрению программных комплексов для автоматизации деятельности органов, учреждений юстиции и судов позволили накопить необходимый опыт для создания крупных комплексных систем, работающих на всех иерархических уровнях системы Минюста. В декабре 1997 г. НЦПИ были разработаны и

утверждены совместно с Минюстом Концепция автоматизации судебной системы Республики Беларусь, проектные документы на интегрированную автоматизированную систему управления органов, учреждений юстиции и судов Республики Беларусь на уровне судов Республики Беларусь (ИАСУ «ЮСТИЦИЯ», 2-я очередь), а также иные проектные документы.

Кроме того, с 1995 г. в РЦПИ разрабатывалась и в 1998 году сдана государственной комиссии интегрированная автоматизированная система управления органов, учреждений юстиции и судов Республики Беларусь на уровне центрального аппарата Министерства юстиции (ИАСУ «ЮСТИЦИЯ», 1-я очередь). Эта система реализовала комплексную автоматизацию деятельности центрального аппарата Министерства, объединение всех автоматизированных рабочих мест единым информационным пространством и предусматривала возможности дальнейшего развертывания ведомственной распределенной информационной системы Минюста [2, с. 12].

В 1998 г. завершены разработка и внедрение во всех областных и Минском городском управлении юстиции автоматизированной системы «Учет судимостей», включающей программные средства областного и республиканского уровня и предназначенной для обработки статистической информации по учету судимостей; программа передана в Минюст для дальнейшей эксплуатации.

В 1997-1999 гг. во исполнение Указа Президента Республики Беларусь от 4 декабря 1997 г. № 625 «Об упорядочении оплаты труда судей, материально-техническом и кадровом обеспечении судов Республики Беларусь» НЦПИ был разработан новый проект – информационно-коммуникативная система обеспечения правовой информацией судов Республики Беларусь (принята межведомственной комиссией в промышленную эксплуатацию 22 декабря 2000 г.).

Эта система позволила максимально оперативно (ежедневно) с помощью телефонных линий связи выполнять обновления комплексов эталонного банка данных правовой информации, установленных в судах, и при этом не требовала установки в судах дорогостоящего оборудования, привлечения высококвалифицированных программистов.

В 1998 г. НЦПИ был подготовлен документ «Концепция автоматизации судебной системы Республики Беларусь», в котором были предложены основные направления автоматизации судов общей юрисдикции. В 2000 г. в рамках Государственной научно-технической программы (ГНТП) «Информатика» Научно-инженерным республиканским унитарным предприятием «Институт прикладных программных систем» (НИРУП «ИППС») был разработан эскизный

проект на создание информационной автоматизированной системы судов общей юрисдикции (ИАС-СУДЫ), в котором были отображены цели, задачи, информационная и техническая структуры, основные принципы построения и общие требования к различным видам обеспечения ИАС-СУДЫ.

ИАС-СУДЫ включали типовую автоматизированную систему судов общей юрисдикции областного уровня (АИС МГС) и систему автоматизированного учета возбужденных исполнительных производств в судах Республики Беларусь (АИС ВИП).

В 2006 г. планировалось закончить автоматизацию суда, ввести АИС МГС в постоянную эксплуатацию и тиражировать ее в судах областного уровня.

Важным шагом в дальнейшем развитии процесса автоматизации судебной системы стало принятие Указа Президента Республики Беларусь от 10.10.2011 № 454 «О мерах по совершенствованию деятельности судов общей юрисдикции Республики Беларусь» (вместе с «Посланием о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь»), в котором было указано на необходимость обеспечения материально-технической базой и нормативным регулированием фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях, поэтапное внедрение в 2012-2013 гг. средств аудио-, видеозаписи в деятельность судов по осуществлению правосудия; внедрение видеоконференцсвязь между судами общей юрисдикции всех уровней; обеспечение доступом судей к необходимым для работы базам данных Министерства внутренних дел (в том числе Государственной автомобильной инспекции), организаций по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, других государственных организаций.

В 2012 г., на основании утвержденного Министерством юстиции Республики Беларусь технического задания, был разработан проект «Система аудио, видеозаписи в деятельности судов по осуществлению правосудия и видеоконференцсвязи между общими судами всех уровней». В 2014 году в соответствии с проектом была создана 1-я очередь Системы, которая включала 34 объекта (Областные (Минский городской) суды, районные суды г. Минска и Минской области).

С 2015 г. ключевым направлением информатизации стала модернизация автоматизированной системы судов общей юрисдикции (АИС СОЮ) с целью создания единого средства обеспечения повседневной деятельности судов всех уровней. Кроме того, предприняты серьезные шаги по совершенствованию материально-

технической базы и информационной инфраструктуры судов, обеспечению надлежащего уровня информационной безопасности.

К 2018 г. в эксплуатацию внедрены отдельные модули АИС СОЮ (по документообороту, управлению кадрами, почтовому взаимодействию, сопровождению справочников и классификаторов, прикладному администрированию), проведен первый этап разработки подсистемы аудиовидеофиксации, протоколирования и видео-конференц-связи [1].

В 2018 г. Верховный Суд приступил к разработке основной и самой масштабной подсистемы АИС СОЮ – подсистемы судебного делопроизводства.

К середине 2019 г. уже были разработаны и внедрены в судах всех уровней базовые для системы судов подсистемы АИС СОЮ: «Общее делопроизводство», «Управление кадрами», «Почтовое взаимодействие», «Прикладное администрирование» и иные. Разработаны базовые функции подсистемы аудио и видеофиксации судебных процессов, протоколирования и видео-конференц-связи. Все суды подключены к системе межведомственного электронного документооборота госорганов Беларуси. Обеспечена передача судами сведений в базы данных МВД Республики Беларусь (Государственную информационную систему «Регистр населения», банк данных о гражданах Республики Беларусь, право на выезд которых из страны временно ограничено) [1].

С 01 января 2021 г. в судах общей юрисдикции комплексно перешли на работу в АИС СОЮ (автоматизированная информационная система судов общей юрисдикции Республики Беларусь).

Библиографические ссылки

1. История [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/history/. (дата обращения: 24.01.2023).
2. Судебная власть в Республике Беларусь и других государствах СНГ : междунар. рекомендации в обл. осуществления правосудия / Ю. И. Кашинский [и др.] ; под ред. В. Г. Голованова. Минск : Нац. центр правовой информ. Беларуси, 2002. 199 с.

УДК 347.97 /.99(476)(091)

СУДОВЫЯ РЭФОРМЫ XVI, XIX СТАГОДДЗЯЎ У БЕЛАРУСІ: ПАРАЎНАЛЬНЫ АСПЕКТ

Т. І. Доўнар

доктар юрыдычных навук, прафесар

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, e-mail: dovnar-taisa@rambler.ru*

У артыкуле ў параўнальным аспекце разглядаюцца сутнасць і асноўныя вынікі судовых рэформаў на тэрыторыі Беларусі ў XVI, XIX стст. Звернута ўвага на ўсталяванне новых прагрэсіўных прававых прынцыпаў судовага ладу і судаводства, важнейшыя дасягненні і недахопы рэфармавання судовай сістэмы.

Ключавыя словы: судовыя рэформы, Беларусь, Статуты XVI ст., Судовыя уставы Расіі, прынцыпы судовага ладу і судаводства.

JUDICIAL REFORM OF THE 16TH AND 19TH CENTURIES IN BELARUS: COMPARATIVE ASPECT

T. I. Dovnar

Doctor of Law, Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: dovnar-taisa@rambler.ru*

Using comparative perspective the article deals with the essence and main results of judicial reforms on the territory of Belarus in the 16th and 19th centuries. The author draws attention to the introduction of new progressive legal principles of the judicial system and legal proceedings, the most important achievements and shortcomings of reforming the judicial system.

Key words: judicial reforms, Belarus, Statutes of the 16th century, Judicial statutes of Russia, principles of judicial system and legal proceedings.

Разам з іншымі рэформамі другой паловы XVI ст., (зямельнай, адміністрацыйна-тэрытарыяльнай, адукацыйнай, ваеннай і інш.) судовая рэформа з'явілася важным этапам у жыцці Вялікага Княства Літоўскага – дзяржавы, палітыка-эканамічным цэнтрам якой з'яўляліся беларускія землі. Увогуле патрэбна адзначыць, што большасць тагачасных дзяржаўных рэформаў перш за ўсё пачыналіся і праводзіліся на землях Беларусі і служылі ўзорам для іншых зямель.

Рэформа ўяўляла сабой, як адзначае Ю.П. Доўнар, «комплекс мераў па заканадаўчаму забеспячэнню і арганізацыйнаму пераўтварэнню існуючых судовых устаноў і стварэнню новых судаў, адлюстраваны ў важнейшых помніках права XVI ст. – Статутах» [1, с. 14]. У працэсе яе паэтапнага правядзення была фактычна створана новая судовая сістэма дзяржавы, у тым ліку ўдасканалілася дзейнасць папярэдніх судовых устаноў і, што самае важнае – былі створаны новыя суды, якія грунтаваліся на больш прагрэсіўных прынцыпах судовага ладу і судаводства. Так, новыя суды дзяржавы (земскія, падкаморскія, Галоўны суд) дзейнічалі ўжо на падставе замацавання прынцыпа падзела ўладаў і аддзялення судовай улады ад выканаўчай, што і было замацавана нормамаі Статутаў 1566 і 1588гг.

Перш за ўсё Статут 1566 г., які стаў важнейшай вехай на шляху рэфармавання дзяржавы і адлюстраваў істотны этап у правядзенні судовай рэформы, надаў асаблівую увагу прагрэсіўным прынцыпам фарміравання і дзейнасці самага даступнага для шляхты земскага суда: выбарнасці суддзяў, іх незалежнасці ад мясцовай адміністрацыі і падпарадкаванасці закону. Увядзенне ў дзейнасць земскіх судаў стала важнай вехай у фарміраванні саслоўных правоў шляхты [1, с. 7]. У склад земскіх судаў уваходзілі асобы, якія адпавядалі пэўным патрабаванням закона (шляхціцы хрысціянскага веравызнання і паважаючыя бога, абавязкова жыхары дзяржавы, якія мелі нерухомасць у дадзеным павеце і былі свядомымі ў праве) [2, с. 265]. Суддзяў выбіралася свайго асяроддзя шляхта на павятовых соймаках: па чатыры кандыдатуры на пасады суддзі, падсудка і пісара, з якіх вялікі князь зацвярджаў пажыццёва склад суда [3, р. IV, арт. 1-2]. Такім чынам, упершыню на Беларусі ўзнік інстытут суддзяў-прафесіяналаў. Таксама падкаморскія суды, якія займаліся самымі важнымі на той час зямельнымі спрэчкамі, ствараліся і дзейнічалі на тых жа важных прававых прынцыпах. Патрэбна адзначыць, што яны ўзніклі ў сувязі з атрыманнем шляхтай права на распараджэнне нерухомасцю, што і замацаваў Статут 1566 года.

Адносна раней дзеючых гродскіх (замкавых) судаў, судзімі ў якіх з'яўлялася мясцовая адміністрацыя, то ў працэсе рэформы больш дакладна акрэслівалася кампетэнцыя суда, у склад іх былі ўведзены прадстаўнікі шляхты, узрасла фармалізаванасць судаводства, павялічыўся прафесіяналізм суддзяў і інш. Увогуле ж самым значным дасягненнем было тое, што ў дзейнасці гродскага суда яўна пазначылася тэндэнцыя пераўтварэння яго з адміністрацыйнай установы ў судовую [4, с. 48].

Таксама ў працэсе рэформы была значна ўдасканалена дзейнасць цэнтральных судовых устаноў дзяржавы – Вялікакняжацкага суда, суда Паноў-рады і Соймавага. Асабліва важным дасягненнем і этапам судовай рэформы стала стварэнне выбарнага, адзеленага ад выканаўчай улады Галоўнага Суда (Трыбунала) – вышэйшай апеляцыйнай інстанцыі для мясцовых судаў (гродскага, земскага, падкаморскага, войтаўска-лаўніцкага і інш.), які абмежаваў судовую ўладу Вялікага князя і Паноў рады. Ён разглядаў часам справы па першай інстанцыі, займаўся натарыяльнымі дзеяннямі. Утварэнне Галоўнага Суда (адной з першых у Еўропе вышэйшых апеляцыйных інстанцый) сведчыла аб імкненні заканадаўцы паставіць дзейнасць усіх судовых устаноў дзяржавы на прававую аснову ў межах заяўленай ідэі вяршэнства закон [4, с. 126]. Склад суда штогод абнаўляўся, таму даволі шырокія колы шляхты праходзілі практыку судовай дзейнасці і сталі датычнымі судовай уладзе. Вынікам гэтага стала павышэнне правасвядомасці шляхецкага саслоўя і, адпаведна, – прававой культуры грамадства.

У перыяд рэформы зараджаюцца і знаходзяць пэўнае адлюстраванне ў нормах права новыя прававыя пачаткі судовага ладу і судаводства, што праявілася больш за ўсё ў дэклараванні такіх прагрэсіўных прынцыпаў як вяршэнства закону; роўнасць шляхціцаў перад судом і законам; адзіная падсуднасць шляхты; асабістая адказнасць за ўласную віну і толькі ў судовым парадку; прэзумпцыя невінаватасці. У законах дзяржавы знайшоў адлюстраванне працэс паступовага зараджэння свабоднай ацэнкі доказаў, публічнасці, галоснасці і спаборнасці судовага працэсу, інстанцыйнасці судовай сістэмы. Важным было і тое, што падчас судовай рэформы афармляецца інстытут прафесійных следчых і судовых выканаўцаў – возных, а таксама набыў заканадаўчую рэгламентацыю і значнае развіццё інстытут адвакатуры [гл. падраб.: 5, с.91].

Статут 1588 г. – сістэматызаваны звод законаў новага ўзроўню, які завяршыў судовую рэформу, быў прасякнуты ідэяй усталявання справядлівай дзяржавы [4, с.127-128]. Усе раней дэклараваныя прагрэсіўныя прававыя прынцыпы знайшлі ў ім не толькі заканадаўчае замацаванне, але і значнае тэарэтычнае развіццё. Так, прынцып прэзумпцыі невінаватасці пашыраўся на простых людзей; усё больш яскравае праяўленне у судовым працэсе набылі прынцыпы галоснасці і публічнасці судаводства (хоць і не ў поўным аб'еме і далёка не па ўсіх справах); былі замацаваны падставы падачы апеляцыі не толькі па сутнасці разгледжанай у судзе справы, але і адносна парушэння працэсуальных нормаў, няправільнага прымянення нормаў матэрыяльнага права; далейшае развіццё атрымалі прынцып спаборнасці,

інстытут адвакатуры, што стварала важныя гарантыі для належнага вядзення судовага працэсу, садзейнічала абароне правоў прыватнай асобы ў судзе. У артыкулах Статута знайшлі развіццё ідэі гуманізму і верацярпімасці (узрост крымінальнай адказнасці быў павышаны з 14 да 16 гадоў, цяжарных жанчын забаранялася караць смерцю і інш.) [4, с. 128]. Нягледзячы на тое, што судовая рэформа ва ўмовах існавання феадальнай дзяржавы абвясчалася ў асноўным для саслоўя шляхты і ў межах функцыянавання новых шляхецкіх судаў, аднак наглядалася тэндэнцыя паступовага пашырэння іх на простых людзей (перш за ўсё на гараджан). Так, прынцып прэзумпцыі невінаватасці, які быў абвешчаны Статутом 1566 г. адносна шляхты, пашыраўся Статутом 1588 г. на усіх свабодных людзей.

Аднак судовая рэформа мела і пэўныя недахопы. Перш за ўсё трэба адзначыць, што новыя прагрэсіўныя прававыя прынцыпы ў значнай ступені былі дэкларатыўнымі. Акрамя таго, у феадальнай дзяржаве яны абвясчалася ў асноўным для саслоўя шляхты і ў межах функцыянавання новых шляхецкіх судаў, хаця і наглядалася тэндэнцыя паступовага пашырэння іх на простых людзей (перш за ўсё на гараджан). Патрэбна сказаць, што ва ўмовах феадальнай дзяржавы прагрэсіўныя прававыя нормы часам не дзейнічалі, ім супярэчыла рэчаіснасць.

Тым не меней, нормамі Статутаў ствараліся перадумовы для далейшага паступальнага развіцця дзяржаўнасці. Аб важнасці і значнасці дасягненняў судовай рэформы XVI ст. сведчыць той факт, што пры падрыхтоўцы і правядзенні ў Расіі судовай рэформы 1864 г. неаднойчы адзначалася, што на тэрыторыі Беларусі рэфармаванне пройдзе значна хутчэй у сувязі з тым, што там раней мелі месца прагрэсіўныя набыткі [4, с. 129].

Расійская судовая рэформа 1864 г. праводзілася ў кантэксте рэфармавання ўсіх дзяржаўных інстытутаў і ўстаноў Расійскай імперыі другой паловы XIX ст, пачатак якіх быў пакладзены сялянскай рэформай аб адмене прыгоннага права. Пачаткам судовай рэформы стала падпісанне 20 лістапада 1864 г. царом Аляксандрам II чатырох законаў, «Заснаванне судовых устаноў»; «Устава крымінальнага судаводства»; «Устава грамадзянскага судаводства»; «Устава аб пакараннях, якія накладваюць міравыя суддзі», якія ўступілі ў сілу ў кастрычніку 1865 г.

Заслугай рэформы стала стварэнне дакладнай і даволі простага, у адрозненне ад папярэняй, сістэма пазасаслоўных судовых устаноў двух тыпаў (сістэмаў судаў) – мясцовыя (міравыя) і агульныя (каронныя) суды. Да мясцовых судаў адносіліся міравыя суды і з'езды міравых суддзяў, да агульных – акруговыя суды, якія засноўваліся для некалькіх

паветаў; судовыя палаты (па грамадзянскіх і крымінальных справах), якія пашыралі сваю дзейнасць на некалькі губерняў або абласцей; а таксама касацыйныя дэпартаменты Сената (па грамадзянскіх і крымінальных справах). Важным было тое, што Судовыя ўставы замацавалі галоснасць, вуснасць і спаборнасць судовага працэсу, удзел прысяжных засядацеляў у судовай дзейнасці. Акрамя таго, адмянялася ранейшая сістэма фармальных доказаў і нарматыўнае палажэнне аб «пакіданні асобы ў падазрэнні», у судаводства ўводзіўся прынцып ацэнкі доказаў па ўнутраным судзейскім перакананні [6, с. 236-237].

У законах перш за ўсё падкрэслівалася, што ў судовым працэсе ўлада абвінаваўчая поўнаасцю адлучаецца ад судовай. Тым самым гэтая рэформа адрознівалася ад рэформы XVI ст., якая прадугледжвала аддзяленне судовай улады толькі для шляхецкага саслоўя. Новы закон рэгламентаваў стварэнне ўсесаслоўных судовых органаў. Аддзяленне суда ад выканаўчай улады забяспечвалася нязменнасцю суддзяў і судовых следчых, стварэннем інстытута прысяжных засядацеляў. Акрамя таго, абвяшчаліся прынцыпы роўнасці ўсіх перад судом і законам, выбарнасці міравых суддзяў і прысяжных засядацеляў, пракурорскага нагляду за законнасцю судовага працэсу і іншыя дэмакратычныя прынцыпы [6, с. 236]. Важным было тое, што ўпершыню ў Расіі засноўваўся інстытут адвакатуры.

Судовая рэформа XIX ст. адзначыла сабою новы, значны этап развіцця расійскай судовай сістэмы, аднак на ўскраіны Расіі яна дайшла значна пазней. На тэрыторыі Беларусі яна адбывалася вельмі павольна, з істотнымі абмежаваннямі і выняткамі, што было абумоўлена палітыкай цэнтральнай расійскай улады, якая асцерагалася росту нацыянальнага руху [6, с. 241]. Пры гэтым, многія яе дэмакратычныя пачаткі былі парушаны. Так, міравыя суды на тэрыторыі Беларусі пачалі ўтварацца ў 1871 г. у адпаведнасці з «Часовымі правіламі аб ўладкаванні міравых судовых устанавленняў у губернях: Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай, Кіеўскай, Валынскай, Падольскай, Мінскай, Віцебскай і Магілёўскай» ад 23 чэрвеня 1871 г. Акруговыя суды, судовыя палаты і інстытут прысяжных павераных пачалі стварацца ў Беларусі толькі ў 1882 г. Акруговыя суды Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў знаходзіліся ў падпарадкаванні Віленскай судовай палаты, якая была створана ў 1883 г., Магілёўскі акруговы суд – Кіеўскай судовай палаты, а Віцебскі – Пецярбургскай судовай палаты [6, с. 241].

Акрамя таго, для міравых суддзяў былі ўсталяваны маёмасны, адукацыйны, службовы, узроставы і іншыя цэнзы. Аднак нават гэты ілюзорны прынцып выбарнасці міравых суддзяў, які меў для свайго часу пэўнае прагрэсіўнае значэнне, не быў рэалізаваны на практыцы ў

міравых судах Беларусі. Міравыя суддзі ў заходніх губернях, да якіх адносіліся і беларускія землі, не абіраліся (патрэбна адзначыць адсутнасць у заходніх губернях да 1911 г. земскіх органаў, якія абіралі міравых суддзяў у іншых губернях Расіі), а прызначаліся міністрам юстыцыі тэрмінам на тры гады. Гэтым забяспечваўся строгі кантроль за камплектаваннем мясцовай юстыцыі на тэрыторыі Беларусі і аказваўся непасрэдным уплыў цэнтральнай улады на дзейнасць судовай сістэмы.

Свае асаблівасці ў Беларусі меў і парадак фарміравання лавы прысяжных засядацеляў. Так, у агульныя спісы прысяжных засядацеляў маглі быць занесены толькі асобы, якія валодалі на праве ўласнасці зямлёй у памеры не меней дваццаці дзесяцін або нерухомай маёмасцю коштам у гарадах не меней як 1000 рублёў, а ў іншых мясцовасцях – не меней як 500 рублёў, або мелі прыбытак ад службы ці з якіх-небудзь іншых крыніц прыбыткаў у гарадах не меней як 600 рублёў, а ў іншых мясцовасцях – не меней як 400 рублёў у год, або належалі да купцоў першай ці другой гільдыі [6, с. 241].

Спісы прысяжных засядацеляў складаліся органамі адміністрацыйнай улады: павятовай або гарадской камісіяй пад старшынствам прадвадзіцеля дваранства. У камісію ўваходзілі прадстаўнікі земства або гарадской думы, пракуратуры і паліцыі. У Віцебскай, Гродзенскай, Мінскай, Магілёўскай і некаторых іншых губернях спісы прысяжных засядацеляў прад'яўляліся для прагляду губернатарам. Апошнія мелі права выключыць са спісаў без указання прычын асоб, якіх яны не прызнавалі магчымым дапусціць да здзяйснення абавязкаў прысяжнага засядацеля. У складанні спісаў прысяжных засядацеляў, дзейнасці міравых і акруговых судаў абмяжоўваўся ўдзел мясцовага дваранства польскай нацыянальнасці, а таксама асоб іудзейскага веравызнання [6, с. 241].

Таксама патрэбна пазначыць, што правядзенне судовай рэформы ў Беларусі пачалося адначасова з пачаткам у 80–90-я гг. XIX ст. контррэформаў у Расійскай імперыі. Так, «Палажэнне аб мерах да аховы дзяржаўнага парадку і грамадскага пакою» 1881 г., «Палажэнне аб земскіх начальніках» 1884 г. напрамую закраналі судовую рэформу і істотна абмяжоўвалі ўведзеныя ў судовы працэс прагрэсіўныя палажэнні і прынцыпы судовага ладу і судаводства.

Акрамя таго, нягледзячы на імкненне заканадаўцы стварыць у ходзе судовай рэформы сістэму бессаслоўных судаў, да канца яно так і не было рэалізавана. У Расіі былі захаваны некаторыя чыста саслоўныя суды – духоўныя (яны, апроч спраў духавенства, разглядалі і некаторыя справы свецкіх асоб), а таксама вайсковыя і сялянскія валасныя суды,

судаводства ў якіх здзяйснялася зусім па іншых прынцыпах, чым у міравых і агульных судах [6, с. 241-242].

Увогуле, судовая рэформа хутка стала перашкаджаць царскай уладзе і шэраг яе прагрэсіўных прынцыпаў і палажэнняў быў адменены. Так, у 1871 г. судовыя следчыя практычна страцілі права весці следства па палітычных злачынствах і гэтая іх функцыя была перададзена ў жандармерыю. У 1872 г. уводзіцца ў дзеянне закон аб змяненні падсуднасці спраў адносна дзяржаўных злачынстваў. Апошнія пачалі разглядацца не судовымі палатамі, а Сенатам, прычым, як правіла, з парушэннем прынцыпу галоснасці. Хоць у 1878 г. судовым палатам вярнулі права разглядаць справы аб дзяржаўных злачынствах, аднак толькі дробныя і сярэднія. Спецыяльны ўказ цара ад 1 ліпеня 1899 г. фактычна стаў афіцыйным актам завяршэння рэформы.

Аднак у цэлым судовая рэформа, як пазначалі многія даследчыкі, з'яўлялася найболей радыкальнай і паслядоўнай сярод іншых рэформаў XIX ст. Дзякуючы ёй, расійская юстыцыя выйшла на якасна новы ўзровень. Акрамя таго, рэформа аказала значыны ўплыў на развіццё іншых прававых інстытутаў. Перш за ўсё патрэбна адзначыць, што правядзенне судовай рэформы закранула і папярэдняе следства, якое ў дарэформенны перыяд знаходзілася ў руках паліцыі. Папярэдняе следства было адзелена ад судавага расследавання. Пры акруговых судах быў заснаваны прафесійны інстытут судовых следчых, якія карысталіся правам нязменнасці і здзяйснялі папярэдняе следства пад наглядам пракуратуры і пры садзейнічанні паліцыі.

Такім чынам, судовая рэформа XVI ст., якая грунтавалася на новых прагрэсіўных пачатках, замацаваных Статутамі 1529, 1566, 1588 гг., значна паўплывала на значэнне і ролю судовай ўлады наступных гістарычных перыядаў. Фактычна яна стала ў пэўнай ступені прыкладам рэфармавання судовай сістэмы і яе прагрэсіўныя прынцыпы былі пераемна ўспрыняты і развіта (разам з прыкладамі іншых дзяржаў), расійскім заканадаўствам XIX ст. Аднак рэформа XVI ст. праводзілася амаль на працягу цэлага стагоддзя і тычылася яна ў асноўным шляхецкага саслоўя, у адрозненне ад судовай рэформы XIX ст., якая амаль адразу была уведзена ў дзеянне ў кантэксце буржуазных пераўтварэнняў ў Расійскай імперыі і пашыралася на ўсё насельніцтва.

Пры гэтым неабходна падкрэсліць, што рэформа XVI ст. была першай прагрэсіўнай судовай рэформай на тэрыторыі Беларусі, аб важнасці якой можа сведчыць хаця б факт заснавання і заканадаўчай рэгламентацыі Статутамі інстытута адвакатуры. Параўнальна пазначым, што ў Расіі адвакатура ўпершыню была заснавана толькі ў ходзе судовай

рэформы XIX ст. Увогуле ж гэтыя дзве судовыя рэформы мелі як свае вельмі важныя прагрэсіўныя дасягненні, так і пэўныя недахопы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Доўнар Ю. П.* Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім. Аўтарэф. дыс. ... канд. юрыд. навук. Мінск, 2014. 20 с.
2. *Лаппо И. И.* Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века // Журнал Министерства народного просвещения. Седьмое десятилетие. 1897. № 6. Санкт-Петербург. С. 263–302.
3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкал. Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.
4. *Доўнар Ю. П.* Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім. Мінск: БДУ, 2007. 175 с.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Давед. Камент. / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: БелСЭ, 1989. 573 с.
5. *Доўнар Ю. П.* Зараджэнне інстытута прафесійнай адвакатуры ў Вялікім княстве Літоўскім // Веснік БДУ. 2003. №1. С.90-95.
6. *Доўнар Т. І.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. 3-е выд., стэр. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2023. 432 с.

УДК 32.019.5:34.03

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Д. А. Зубрик

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
пер. Доватора, 3/1, 230012, Гродно, Республика Беларусь,
e-mail: dianazubrik@mail.ru*

Анализируется с правовой точки зрения влияние интернет-мемов на общественные отношения. Приводятся аргументы в пользу правового статуса интернет-мема. Рассматривается законодательство, регулирующее ответственность за использование неправомерной информации в интернет-меме. Определяются виды интернет-мемов и их степень влияния на общественные отношения. В конце приводятся выводы относительно интернет-мемов в правовой жизни.

Ключевые слова: интернет-мем, общественные отношения, правовой аспект, социальная манипуляция.

INFLUENCE OF INTERNET MEMES ON PUBLIC RELATIONS: LEGAL ASPECT

D. A. Zubrik

*Yanka Kupala State University of Grodno
per. Dovatora 3/1
230012, Grodno, Belarus, e-mail: dianazubrik@mail.ru*

The article analyzes the influence of Internet memes on public relations from a legal point of view. The arguments in favor of the legal status of the Internet meme are given. The legislation regulating liability for the use of illegal information in an Internet meme is being considered. The types of Internet memes and their degree of influence on public relations are determined. At the end, conclusions are given regarding Internet memes in legal life.

Keywords: Internet meme, public relations, legal aspect, social manipulation.

Средства массовой информации применяют различные способы донесения сведений до граждан. Одним из таких средств является использование интернет-мемов. Однако создателями интернет-мемов зачастую являются обычные граждане, которые хотят выразить свое мнение в юмористической форме. Учитывая, что интернет-мемы имеют повсеместное использование, можем ли мы говорить о том, что интернет-мемы существенно повлияли на развитие общественных

отношений? Или это всего лишь юмористическая картинка, размещенная пользователем?

Если говорить про понятие интернет-мема, то в своей работе С. В. Канашина определяет, что интернет-мем – комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершенную единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке. Автор также выделяет признаки интернет-мема: 1) вирусность; 2) реплицируемость; 3) серийность; 4) эмоциональность; 5) минимализм формы; 6) мимикрия; 7) полимодальность; 8) актуальность; 9) юмористическая направленность; 10) медийность; 11) фантазийный характер [1, с. 85–89]. Необходимо отметить, что для того, чтобы юмористическая картинка могла носить статус «интернет-мема», она должна содержать в себе не только все выше перечисленные признаки, но и быть размещенной в сети Интернет, иначе данную картинку нельзя относить к категории «интернет-мем». Однако, может ли интернет-мем повлиять на общественные отношения?

В своей работе Д. С. Горбатов отмечает, что интернет-мемы являются атрибутом социальных манипуляций. Автор указывает, что в общественной жизни большое значение имеют новости разных направленностей. И интернет-мемы служат способом оценочного суждения с использованием острых социальных проблем. Ко всему этому, в интернет-мемах используется интернет-сленг с разговорной лексикой для доступности понимания в широких массах. Также Д. С. Горбатов выделяет два вида интернет-мемов: 1) автономные от новостей (замена официальных сообщений посредством краткого пересказа сути); 2) дополнение к уже существующему новостному контенту (без соответствующей новости смысл интернет-мема не будет понятен) [2, с. 18]. Если рассматривать с правовой точки зрения, то эти два вида мемов могут иметь как положительное, так и негативное значение.

Рассмотрим интернет-мемы, автономные от новостей. Необходимо указать, что при создании интернет-мемов пользователи отражают свое отношение/понимание конкретных общественных отношений. Можно сказать, что мемы могут предоставить значимую информацию в сжатом виде [3, с. 31]. То есть, интернет-мем может выступать в качестве краткого пересказа официальных источников. В таком случае, важное значение имеет непосредственно правомерность пересказа. Пересказ в себе должен содержать точное отражение смысловой нагрузки, которую содержало в себе официальное сообщение. Однако, учитывая, что мемы толкуются обычными гражданами, которые могут не обладать знаниями в области юриспруденции, то информация может быть искажена. Ко

всему этому, интернет-мем по своей природе не может быть объективен, поскольку толкуется человеком, то есть, может носить субъективный характер.

Учитывая, что интернет-мем носит публичный характер, то здесь могут вытекать риски относительно влияния на общественные отношения. В случае, если в интернет-меме будет использована искаженная информация относительно официального сообщения, то пользователи могут неверно ее истолковать, соответственно, возникнет предвзятое отношение к какому-то обстоятельству.

Если говорить про меру ответственности за искаженную информацию в интернет-меме, то следует указать, что в Республике Беларусь не предусмотрена ответственность за предоставление ложной информации в средствах массовой информации, однако в Российской Федерации такая норма предусмотрена в рамках ст.13.15 Кодекса об административных правонарушениях.

Второй вид интернет-мема – дополнение к уже существующему новостному сообщению. Такой вид является весьма популярным, поскольку служит уточнением или разъяснением указанных обстоятельств. Однако уточнение или дополнение должны также носить правомерный характер, иначе лицо-создатель интернет-мема подлежит ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Республики Беларусь.

Некоторые мемы используют в своем содержании изображение людей. Такие интернет-мемы можно подразделить на две категории: 1) содержание изображений людей со стоковых фотографий; 2) содержание изображений частных лиц. Если мы говорим про первую категорию, то повсеместное использование лиц осуществляется без ограничений. Однако если такой интернет-мем содержит не только изображение конкретного лица, но и информацию, морально-нравственно дискредитирующую такое лицо, то лицо-создатель интернет-мема будет нести ответственность в соответствии с уголовным или административно-деликтным законодательством.

Если мы говорим о второй категории интернет-мемов, то здесь важное значение имеет согласие частных лиц на изображение. Такая норма предусмотрена Законом Республики Беларусь «О защите персональных данных» от 7 мая 2021 г. № 99-З, где указывается, что обработка персональных данных субъекта возможна только после получения согласия. Если согласия получено не было, а изображение все равно было размещено, то лицо-создатель также подлежит ответственности.

В силу открытости социальных сетей, существует возможность создания интернет-мема порнографического характера. В таком случае, действующим уголовным законодательством предусмотрена ответственность за создание и распространение, хранение подобного контента.

В. М. Беренкова определяет, что интернет-мем является действенным психологическим приемом воздействия на молодежь. В своей работе автор высказывает необходимость создания системы критериев лингвистической оценки интернет-мема для определения его социальной угрозы [4, с. 137]. С нашей точки зрения, интернет-мем можно использовать не только в качестве юмористической разгрузки, но и в качестве правового просвещения. Учитывая, что сейчас современная молодежь использует активно социальные сети, то наибольшую информацию можно донести с использованием этих социальных сетей с учетом юмористического и правового характера. По нашему мнению, такое правовое просвещение будет не просто доступным, но и понятным для молодого поколения.

Таким образом, можно сделать вывод, что интернет-мемы не просто оказывают влияние на общественные отношения, то и значительно их трансформируют. Как уже было сказано ранее, интернет-мем является способом влияния на граждан, причем информация, заложенная в интернет-меме, может существенно противоречить официальным сообщениям. Поэтому, по нашему мнению, необходимо создать норму права в рамках административно-деликтного законодательства, включающую в себя ответственность за создание ложного информационного контента.

Библиографические ссылки

1. *Канашина С. В.* Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 36. №28 (277). С. 84–90.
2. *Горбатов Д. С.* Социальные манипуляции в интернет-мемах: проблемы идентификации // Ученые записки СПбГИПСР. 2020. Т. 34. №2. С. 14–22.
3. *Гладкая Н. В.* Влияние интернет-мемов на формирование общественного мнения: теоретический аспект // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. 2021. №4. С. 30–35.
4. *Беренкова В. М.* Интернет-мемы с национально-политическим подтекстом в восприятии молодежи // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1(28). С. 133–139.

УДК 32.019.5

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ
«МЕТАВСЕЛЕННОЙ»: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ
В. О. Калишук**

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: vladislav.kalishuk@gmail.com*

Статья посвящена исследованию политико-правовых условий и возможных позитивных и негативных последствий, возникающих в контексте развития концепции «метавселенной». Выделены политические (цифровая трансформация политического процесса, адаптивный характер современных политических систем) и правовые предпосылки (цифровизация права, формирование нормативной базы для отдельных структурных элементов метаверса, появление возможностей конвертации). В свою очередь при формировании метаверса ключевыми эффектами являются «догоняющий» характер правового регулирования и принятия политических решений, а также вероятность чрезмерной децентрализации или централизации.

Ключевые слова: метавселенная; политико-правовые предпосылки, цифровые технологии, проблемы правового регулирования метавселенной.

**POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF
«METAUNIVERSE»: PREREQUISITES AND CONSEQUENCES**

V. O. Kalishuk

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: vladislav.kalishuk@gmail.com*

The article is devoted to the study of political and legal conditions and possible positive and negative consequences that arise in the context of the development of the “metaverse” concept. Political (digital transformation of the political process, adaptive nature of modern political systems) and legal prerequisites (digitalization of law, formation of a regulatory framework for individual structural elements of the metaverse, emergence of conversion opportunities) are highlighted. In turn, the key effects in shaping the metaverse are the “catch-up” nature of legal regulation and the political decision-making process and the likelihood of excessive decentralization or centralization.

Keywords: metauniverse; political and legal prerequisites, digital technologies, problems of legal regulation of the metaverse.

Сегодня тема создания полноценно функционирующей метавселенной (метаверса) начинает все более активно рассматриваться с позиции возможностей научно-технологической, экономической и

политико-правовой реализации. Так, в развитие метаверса и формирование его инфраструктуры поступательно включаются субъекты крупного международного бизнеса – Meta, Apple, Nvidia, Roblox, Microsoft, Unity, Cloudflare и др. [1].

На этом фоне данная проблематика актуализируется и в научном дискурсе. В силу комплексности метавселенной отдельные ее аспекты исследуются в рамках ряда технических и общественных дисциплин: политической и юридической наук, социологии, экономики, когнитивистики, физики и др. С учетом масштаба воздействия на общество, государство и личность, которые может оказать дальнейшее развитие метаверса (в любой форме ее реализации), особый научный интерес представляет изучение потенциальных политико-правовых рамок данного концепта. В частности, на конференции «Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов» целесообразность подготовки национальной правовой системы к появлению метавселенной в долгосрочной перспективе отметил кандидат юридических наук Р. А. Серeda [7].

Вместе с тем, по нашему мнению, прежде чем перейти к попыткам выстраивания концептуальных правовых рамок важно учитывать существующие предпосылки, определяющие дальнейшее развитие метаверса, и возникающие в связи с их динамикой эффекты. При изучении политико-правовых аспектов описываемого концепта необходимо учитывать, что метавселенная как полноценное пространство на сегодняшний день не сформировано. Обозначенный перечень существующих технологий и эффектов представляет собой лишь разрозненные элементы ее потенциальной структуры, которая в долгосрочной перспективе при постепенном развитии сформирует метавселенную.

Исходя из имеющихся общемировых тенденций, существующая социальная и технологическая основа описываемого концепта ограничена и только в случае дальнейшего развития трансформируется в полноценную. В этом контексте допустимо выделить две ключевые политические предпосылки для формирования метаверса:

а) цифровая трансформация политического процесса. На сегодняшний день информационные технологии интегрировались в политическую сферу жизни общества. Социальные медиа стали не только площадкой для межличностного общения, но и крайне активно используются в политическом процессе в целях организации электоральных кампаний, реализации государственного управления, осуществления гражданско-политического активизма, обеспечения

деятельности общественных объединений и движений, а также различных групп интересов.

Помимо повсеместного использования интернета и социальных медиа политическими партиями в качестве вспомогательного коммуникативного инструмента появился феномен сетевого гражданского общества, субъекты которого используют интернет-коммуникацию как основной канал взаимодействия. При этом данные движения принимают участие в политических процессах. В частности, «Партия пиратов», ячейки которой организовывались по всему миру, а в отдельных регионах добились легального представительства, например, в Сенате Чехии [8].

Вышеуказанные факторы постепенной цифровизации политического процесса закладывают основу для дальнейшего перехода ряда политических практик на новые платформы за счет возникновения эффекта «привыкания» субъектов политики к взаимодействию в виртуальных площадках.

б) адаптивный характер большинства современных политических систем. Для политической сферы жизни общества концептуальной характеристикой является стремление субъектов политики к осуществлению политической власти. В этом контексте непосредственное наличие общественного и корпоративного запроса на развитие метаверса предопределяет дальнейшую позитивную или негативную политизацию данной сферы. Метавселенная даже на уровне технического становления ее отдельных элементов используется как в качестве объекта политического маркетинга, так и в рамках частных инициатив конкретных политических акторов. При этом государственное регулирование данной сферы будет зависеть от формы правления отдельных государств с акцентом на централизацию или децентрализацию.

В частности, уже сегодня ряд государств по всему миру предпринимает стратегические шаги в сторону построения концептуальной основы метавселенной. В частности, в Китае Центральная комиссия по проверке дисциплины (Central Commission for Discipline Inspection) опубликовала государственное определение метавселенной, согласно которому она представляет собой «совокупность цифровых двойников (детальные виртуальные представления объектов реального мира), смешанной реальности (пространства, объединяющие цифровой и физический опыт) и блокчейна» [2]. Одновременно власти Пекина приняли «План действий по инновациям и развитию метавселенной» на 2022–2024 годы, а в городе Нанкин запустили «платформу инновационных технологий и

приложений блокчейна» [4]. В свою очередь в Европейском союзе Департамент Европейской комиссии по международному сотрудничеству потратил 387 тысяч евро в целях разработки платформы на продвижение инвестиционного плана Global Gateway. Кроме того, глава антимонопольного ведомства ЕС М. Вестагер отметила: «Нам уже пора задуматься о том, как будет выглядеть здоровая конкуренция в метавселенной» [4]. На наш взгляд, в дальнейшем число инициатив будет только расти, а тенденция к установлению политико-правовых границ метаверса только усилится.

Правовые предпосылки метавселенной обусловлены в первую очередь имеющимся опытом регулирования элементов ее потенциальной структуры. Как в научной литературе, так и среди правовых инициатив редко встречаются четкие концептуальные предложения о формах регламентации метаверса. Отсутствие четкого понимания сущности и границ объекта правового регулирования не позволяет формулировать конкретные законодательные механизмы. С учетом вышеуказанного допустимо выделить следующие правовые предпосылки:

а) цифровизация права (институтов, процесса правоприменения и т.д.). Как и в случае с политической сферой жизни общества право активно видоизменяется под воздействием современных технологий. В электронную форму переходит ряд юридических процедур, ведется множество соответствующих реестров. В практических рамках всего спектра отраслей права (уголовное, административное, финансовое, налоговое и др.) использование информационных технологий стало обыденным явлением.

Отметим, что на сегодняшний день в данной сфере встречаются и экспериментальные инициативы, например, по сообщениям СМИ «административный суд Колумбии провел первое судебное разбирательство в метавселенной южноамериканской страны, чтобы поэкспериментировать с новыми способами оптимизации юридических процессов с использованием технологии виртуальной реальности» [5]. В научном сообществе появляются и еще более прогрессивные для отдельных отраслей права инициативы. В частности, российский юрист Р. С. Бевзенко предлагает усилить существующую в России систему регистрации имущества, усилив значение записи реестр (принцип бесповоротности записи, установить изъятия из принципа защиты лиц, установить принцип полного возмещения потерь), что создаст в дальнейшем основу для ее полного перевода на технологию блокчейн [5].

Вместе с тем, говорить о полноценной цифровизации права как в случае политической сферы на её текущем этапе развития не

представляется возможным. При дальнейшем развитии метаверса существующая нормативно-правовая база и практика осуществления юридической деятельности будут заметным образом переработаны для преодоления противоречий на уровне принципов. При этом юридическая техника построения и общепринятая структура правовых норм будет упрощаться в целях обеспечения возможностей для полноценной автоматизации.

б) формирование нормативной базы, затрагивающей потенциальные структурные элементы метаверса. С учетом общепринятого понимания метавселенной допустимо предположить, что предопределяющими для ее дальнейшей архитектуры видятся следующие сферы потенциального правового регулирования: персональные данные, статус всего спектра блокчейн технологий, права и свободы личности. При этом существенные наработки и региональные отличия присутствуют по каждому из обозначенных выше направлений.

В частности, по всему миру приняты нормативные акты о защите персональных данных – Беларуси («О защите персональных данных»), России («О персональных данных»), Казахстане («О персональных данных и их защите»), Европейском союзе («Общий регламент по защите данных» (GDPR), Китае («Закон о защите личной информации») и ряде других государств. Несмотря на разницу в подходах данные нормативные акты схожи в нацеленности на детальную регламентацию всех аспектов хранения и распространения персональных данных, что в среднесрочной перспективе может сказаться на темпах развития технологий метаверса.

Правовой статус блокчейн технологий существенно различается в зависимости от государства. В данном случае показательным является регулирование операций с крипто-валютами, которые в ряде стран запрещены или ограничены – Китай, Египет, Марокко, Непал, а в отдельных легальны или не регулируются – США, ЕС, Мексика и т.д.

Говоря о статусе личности, то на сегодняшний день вопросы его изменения в цифровую эпоху находятся на уровне обсуждения и будут зависеть в большей степени от специфики конкретного региона.

в) появление возможностей конвертации (гармонизации правового и цифрового пространства). Создание и внедрение технологий, обеспечивающих перевод юридических действий на блокчейн, является важнейшим условием функционирования метавселенной. На сегодняшний день наиболее развитой формой, обеспечивающей подобную возможность, являются смарт-контракты. Примерами их внедрения может служить практика реализации услуг Uber и Яндекс-такси, Barclays использовал смарт-контракты для проведения сделок с

аккредитивами в рамках международной поставки товаров и др. [6]. Однако, несмотря на имеющиеся наработки, на сегодняшний день смарт-контракты применяются в ограниченном виде и в подавляющем большинстве случаев автоматизированы лишь частично.

Исходя из вышеизложенного, допустимо сделать вывод о том, что прочная политико-правовая база для возникновения метавселенной как пространства сформулирована не была. Сегодня речь идет скорее о реальной возможности создания децентрализованных виртуально-физических сред. Однако, уже сейчас допустимо отметить два ключевых политико-правовых эффекта, которые следуют из отмеченных ранее предпосылок. Во-первых, «догоняющий» характер правового регулирования и процесса принятия политических решений в метаверсе, который вероятнее всего и станет основной формой реакции многих политических систем на инновации. Во-вторых, вероятность чрезмерной децентрализации или централизации политико-правовых аспектов метаверса.

Библиографические ссылки

1. Investing in Metaverse Stocks // [Electronic resource]. – wired.co.u. URL: <https://www.fool.com/investing/stock-market/market-sectors/information-technology/metaverse-stocks>. (access date: 09.10.2023).

2. *Jiang Y China's Metaverse Is All About Work* / Y. Jiang // [Electronic resource]. – wired.co.uk. URL: <https://www.wired.co.uk/article/china-metaverse-work-health-care>. (access date: 12.06.2023).

3. *Бевзенко Р. С.* Основные направления изменения законодательства о регистрации прав на недвижимое имущество в связи с внедрением технологии распределенных реестров: взгляд цивилиста // Журнал «Закон» 2018 (№2). С. 126–132.

4. В Китае запустили государственную платформу для развития метавселенной // [Электронный ресурс]. – cryptofans.ru. URL: https://cryptofans.ru/news/gosudarstvo_i_obshhestvo/v_kitae_zapustili_gosudarstvennuju_platformu_dlja_razvitija_metavselennoj.html. (дата обращения: 12.06.2023).

5. Колумбийский суд провёл заседание в метавселенной // [Электронный ресурс]. 3dnews.ru. URL: <https://3dnews.ru/1082538/kolumbiyskiy-sud-provyolzasedanie-v-metavselennoj>. (дата обращения: 12.06.2023).

6. *Сафаревич Д. З.* Профессионально об актуальном: Смарт-контракты в современных реалиях // Pravo.by. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/january/44569/>. (дата обращения: 12.06.2023).

7. *Серета Р. А.* Метавселенная как объект конституционно-правового регулирования // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 янв. 2022 г. : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред.: П. В. Гридюшко [и др.]. – Минск, 2022. С. 36–37.

8. Чешские «пираты» в Европарламенте войдут во фракцию «зеленых» // [Электронный ресурс]. radio.cz. URL: <https://ruski.radio.cz/cheshskie-piraty-v-evroparlamente-voydut-vo-frakciyu-zelenyh-8129592>. (дата обращения: 12.06.2023).

УДК 346.6

**ПРИНЦИПЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СФЕРЫ**

В. С. Каменков

доктор юридических наук, профессор

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: v.kamenkov@gmail.com*

О. М. Куницкая

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: volhakun@mail.ru*

Статья посвящена анализу принципов налогообложения в условиях цифровизации и применительно к совершенствованию правового регулирования осуществления инвестиций, а также научных исследований, новейших изменений в действующем законодательстве Республики Беларусь и других стран. Приводятся критические замечания и отдельные предложения.

Ключевые слова: налог, цифровизация, принципы, регулирование, инвестиции.

**PRINCIPLES OF TAXATION IN THE CONTEXT OF ENSURING
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY AND ITS
INVESTMENT SPHERE**

V. S. Kamenkov

Doctor of Law, Professor

*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: v.kamenkov@gmail.com*

O. M. Kunitskaya

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: volhakun@mail.ru*

The article is devoted to the analysis of the principles of taxation in the context of digitalization, and in relation to improving the legal regulation of investments, as well as scientific research, the latest changes in the current legislation of the Republic of Belarus and other countries. Critical comments and individual proposals are provided.

Keywords: tax, digitalization, principles, regulation, investment.

В налоговой сфере происходит переход всей налоговой системы государства на качественно новые модели налогообложения (установления, уплаты, учета, контроля, взимания, взыскания налогов и т.д.), основанные на информационных технологиях.

Статья 132 Конституции Республики Беларусь установила, что на территории Республики Беларусь проводится единая налоговая политика. Модельный Налоговый кодекс (Общая часть) от 29.11.2013 г. определяет налоговую систему государства как «...совокупность предусмотренных настоящим Кодексом общегосударственных и местных (региональных и муниципальных) налогов и сборов, принципов их установления, изменения и отмены». Предлагаем включать также плательщиков налогов, налоговые и иные государственные органы.

Принципы налогообложения закладывают фундамент построения налоговой системы [8, с. 399], и можно выделить: экономические (справедливости, эффективности, сбалансированности интересов налогоплательщиков, множественности налогов, минимизации административных расходов); юридические (равенства перед законом, установления налогов законами, отрицания обратной силы налогового закона, приоритетности налогового законодательства, наличия всех элементов налога в законе); организационные (единства налоговой системы, подвижности налогообложения, стабильности налоговой системы, гласности, однократности обложения) принципы [3, с. 26–38].

Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) от 19.12.2002 г. (далее – НК) определил перечень основных принципов налогообложения (ст. 2).

Принцип законности налогообложения раскрывается в самом НК через запрет возлагать обязанность уплачивать налоги, сборы (пошлины) (далее – налоги), а также обладающие признаками налогов, иные платежи, не предусмотренные, либо установленные в ином порядке, чем это определено Конституцией, НК, законами, актами Президента.

Отдельные исследователи обоснованно предлагают учитывать и принцип баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях [2; 9]. Данный принцип хорошо сочетается или даже поглощается принципом законности налогообложения.

Кроме того, п.п 1.1 ст. 2 НК к принципу законности налогообложения относит обязанность всех участников налоговых отношений соблюдать налоговое законодательство.

М. О. Клейменова отмечает два основных элемента законности налогообложения: сфера правотворчества – соблюдение законодателем

некоторых базовых идей, положений, принципов, требований подготовки, принятия, введения в действие нормативных правовых актов; сфера реализации права – неукоснительное выполнение правовых норм участниками правоотношений, в т.ч. государство» [1, с. 11-12].

Принцип обязательности налогообложения раскрывается в НК через сформулированное правило: каждое лицо обязано уплачивать законно установленные налоги, по которым это лицо признается плательщиком.

Настоящий принцип трансформирован из конституционной обязанности принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты налогов, пошлин и иных платежей (ст. 56 НК).

Правила, приемы и методы цифровизации здесь применимы при организации надлежащего учета объектов налогообложения, реальной уплаты налогов, льгот по налогообложению, задолженности по налогам, при выборе системы налогообложения и т.п.

Такой принцип налогообложения как равенство налогообложения означает, что налоги не могут иметь дискриминационный характер. Нормы НК, определяющие основания и порядок применения налоговых льгот, не могут носить индивидуальный характер.

Обоснованным, оправданным и законным исключением из этого принципа могут быть налоговые льготы, предоставляемые, в том числе, инвесторам. Согласно ст. 16 Закона Республики Беларусь от 12.07.2013 г. «Об инвестициях» (далее – Закон об инвестициях) инвесторы при осуществлении инвестиций в приоритетные виды деятельности (секторы экономики) и в иных случаях, установленных законодательными актами и (или) международно-правовыми актами, обязательными для Республики Беларусь, вправе использовать льготы и преференции. Приоритетные виды деятельности (секторы экономики) для осуществления инвестиций определяются Советом Министров Республики Беларусь в постановлении от 12.05.2016 г. № 372.

Декрет Президента Республики Беларусь от 06.08.2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» предусматривает двухуровневую систему заключения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь. Указанные уровни определяются исходя из того, предусматривается или не предусматривается предоставление инвестору (инвесторам) и (или) организации, реализующей инвестиционный проект, дополнительных льгот и (или) преференций, кроме установленных данным Декретом, иными актами законодательства.

Важно понимать, что льготы должны предоставляться конкретному субъекту не только в качестве имущественной поддержки (государственной помощи), но и чтобы «...одновременно обеспечить

удовлетворение лежащего в основе предоставления льготы публичного интереса, связанного со стимулированием деятельности отдельных отраслей экономики, улучшением социально-экономического положения территорий и т.п.» [4].

Понимание сути и значения этого принципа, как и «...баланс между формальным и сущностным подходом к оценке правомерности применения налоговых льгот, включая случаи их применения субъектами инвестиционной деятельности» [4] зачастую остаются вне публичного зрения.

Из-за отсутствия практики белорусских судов, приведем пример из практики Верховного Суда Российской Федерации [5]. По итогам проведения камеральной налоговой проверки уточненной декларации по налогу на прибыль акционерным обществом «С» (далее – публичное АО) как ответственным участником консолидированной группы налогоплательщиков, составлен акт и принято решение, которым доначислен налог на прибыль организаций. В ходе пересмотра дел определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда решение налогового органа признано недействительным.

По нашему мнению, нормы налогового законодательства, в том числе о налоговых льготах, а также комментарии и толкования условий их применения должны формулироваться таким образом, чтобы были понятны объективные критерии, вызывающие необходимость прибегать к дифференциации прав налогоплательщиков, включая инвесторов. Подобные критерии, как сами налоги и налоговые льготы можно подвергать цифровой обработке для удобства публичного пользования.

Согласно принципу презумпции добросовестности плательщика налогов плательщик налогов признается добросовестным, пока иное не будет доказано на основании документально подтвержденных сведений.

В судебной практике эти правовые нормы воспринимаются и применяются именно в таком смысле, в каком они изложены в НК (ст.2). Например, в постановлении судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь отмечено, что контролирующий орган не учел, что налогообложение в Республике Беларусь основывается, в том числе, на принципе презумпции добросовестности плательщика налогов. На этом основании ранее состоявшиеся судебные акты оставлены без изменения [6].

Принцип справедливости налогообложения означает, что один и тот же объект налогообложения может облагаться одними и теми же налогом, сбором (пошлиной) у одного плательщика только один раз за соответствующий налоговый период.

На наш взгляд, цифровые технологии в реализации данного принципа могут и должны сыграть свою решающую роль через организацию эффективного электронного учета уплаченных налогов конкретным плательщиком. Такие сведения должны быть доступными и для налоговых агентов.

Как показывает опубликованная судебная практика, в отдельных случаях заявители расширительно понимают принцип справедливости налогообложения и по этой причине им судами отказывается в удовлетворении требований [7].

Немаловажным среди принципов налогообложения является принцип стабильности налогового законодательства. Налоги, сборы (пошлины), установленные НК на очередной финансовый год, не подлежат изменению в течение этого финансового года.

В настоящее время в Республике Беларусь в систему гарантий прав инвесторов и защиты инвестиций включена гарантия от неблагоприятного изменения налогового законодательства. Она предоставляется инвестору, заключившему инвестиционный договор с Республикой Беларусь (ст. 11¹ Закона об инвестициях). Для инвестора важны стабильность и предсказуемость всех действий государства в сфере налогообложения на длительный период. Многие особо перспективные инвестиционные проекты могут иметь сроки окупаемости более 20 лет, и инвесторы хотят быть уверены, что нынешнее и приходящее ему на смену правительство не допустит серьезных отклонений от своей финансовой и налоговой политики [10].

Ранее действующим Инвестиционным кодексом в Республике Беларусь данная гарантия была расширена и касалась не только налогового законодательства, была направлена на сохранение для инвестора наилучшего правового режима.

Принцип гласности налогового законодательства реализуется в установленных положениях относительно того, что нормативные правовые акты, регулирующие вопросы налогообложения, подлежат официальному опубликованию в порядке, установленном законодательством. Императивный характер указанных правовых норм предполагает, что не опубликованные в установленном порядке налоговые нормативные правовые акты не должны применяться.

Принцип экономической обоснованности налогообложения означает, что налоги, сборы (пошлины) устанавливаются с учетом необходимости обеспечения сбалансированности расходов бюджетов с их доходами, и объем доходов от уплаты налогов, сборов (пошлин) должен превышать затраты на их администрирование.

В силу разносторонности сфер экономической деятельности выработать единые подходы в определении не представляется реальным быстро. В рамках каждой из отраслей производства и экономики в целом это возможно. Цифровые технологии смогли бы здесь тоже помочь в дополнение к необходимым экономическим экспертизам обеспечивать требуемый баланс.

Исследуемые проблемы нуждаются в дальнейшем научном исследовании и правовом регулировании.

Библиографические ссылки

1. *Клейменова М. О.* Налоговое право: учеб. пособие. М.: Московский финансово-промышленный ун-т: Синергия, 2013. 368 с.
2. *Козырин А. Н.* Пеня по российскому налоговому праву способ обеспечения исполнения налоговой обязанности или мера ответственности за нарушение налоговых правил? // Закон. 2018. № 7. С. 148–159.
3. *Майбуров И. А.* Налоги и налогообложение: учеб. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 703 с.
4. *Матвеев А. Г.* Налоговые льготы как мера экономического стимулирования. Проблемы правоприменения [Электронный ресурс] // Закон. 2022. №11. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/10113>. (дата обращения: 02.10.2023).
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 20.09.2021 № 305-ЭС-21-11548 по делу № А40-248146/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2023.
6. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 07.06.2023 (дело №151ЭАП238/А/К) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: www.court.gov.by. (дата обращения: 02.10.2023).
7. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 07.06.2023 (дело №151ЭАП238/А/К) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь. URL: www.court.gov.by. (дата обращения: 02.10.2023).
8. *Рамазанова Б. К.* Истоки принципов налогообложения и их значение // Теория и практика общественного развития. 2014. №2. С. 399–401.
9. *Садчиков М. Н.* Принцип баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях как гарантия налогового суверенитета государства // Налоги. 2020. № 1. С. 23–25.
10. *Сулейманов М. Д., Погребная Я. А.* Соблюдение основных принципов налогообложения – основа стабильности налоговой системы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xn----8sbksjoc4cd.xn--p1ai/menu/novosti-fonda/515-osnovnye-printsipy-nalogooblozheniya.html>. (дата обращения: 02.10.2023).

УДК 342.92

К ВОПРОСУ О ВЕРИФИКАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

А. В. Карамышев

кандидат юридических наук

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: karamyshev@bsu.by*

Статья посвящена проблемным аспектам понятийно-терминологического обеспечения административной практики в Беларуси применительно к такому важному элементу как индивидуальный (административный) акт. Критически оценены в контексте современной парадигмы публичного администрирования применяемые при отсутствии базового понятия методологические и инструментальные правовые конструкции.

Ключевые слова: правовой акт государственного управления, ненормативный правовой акт, решение, действие.

ON THE QUESTION OF VERIFICATION OF KEY CONCEPTS OF ADMINISTRATIVE LAW

A.V. Karamyshev

PhD in Law

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue.
220030, Minsk, Belarus, e-mail: karamyshev-1963@mail.ru*

The article is devoted to the problematic aspects of the conceptual and terminological support of administrative practice in Belarus in relation to such an important element as an individual (administrative) act. The methodological and instrumental legal structures used in the absence of a basic concept are critically assessed in the context of the modern paradigm of public administration.

Keywords: legal act of public administration, non-normative legal act, decision, action

Для административистики характерно использование разноформатного понятийно-терминологического инструментария для обозначения индивидуально-правовых форм так называемого внешнего публичного (государственного) управления. В отношении отечественной правовой модели нельзя не отметить специфику, состоящую в использовании на «верхнем» уровне изрядного количества автономных разнонаправленных юридических конструкций. Назначение базового понятия (в континентальном праве это «административный акт») состоит

в том, чтобы сформулировать и нормативно закрепить существенные признаки и основные юридико-технические элементы данного правоприменительного акта для эффективной реализации его конкретизированных (специальных) форм в том или ином сегменте (процедуре) публичной административной деятельности, (исключая деликтно-процессуальную сферу). С этой точки зрения требует анализа и оценки отечественная «диверсифицированная» модель.

Прежде всего, следует обратиться к укоренившемуся с давних пор в административно-правовой, преимущественно учебной, литературе понятию «правовой акт государственного управления». Отметим, что ни в законодательстве, ни в государственных программных документах это понятие не используется. По сути, его функция – базово-обучающая. И в первую очередь данное понятие артикулирует политико-правовую, идеологическую составляющую. Ключевое значение здесь традиционно придается властно-организующей функции актов государственного управления, поскольку с их помощью претворяются в жизнь государственные задачи, осуществляется расстановка кадров, направляется деятельность организаций и людей по достижению конкретных результатов. Правовые акты управления издают управляющие – те, кто призван осуществлять государственное управление [1, с. 80-81].

Что же касается собственно методолого-структурной основы, то данное понятие соединено с разнообразными теоретико-прикладными группировками, имеющими разнящееся правовое обеспечение либо вообще не имеющими такового (например, встречающееся деление актов на «ничтожные» и «оспоримые»). Имеют также место попытки привлечь иностранную, а именно, французскую (классическую) административную терминологию – «исполнительное решение» (*la décision exécutoire*), «нерегламентарный акт» (*acte non réglementaire*). Тем не менее, наличие группировок и заимствований не может компенсировать концептуальный и нормативно-правовой дефицит. В этом плане характерно, что в учебных источниках по административному праву общеметодологические разделы о структуре правовых актов государственного управления, порядке их принятия, вступления в силу, действии излагаются практически всецело на основе законодательства о нормативных правовых актах, в значительной степени проработанного и концептуально, и юридико-технически. Что же касается индивидуальных актов, то в освещении данной части преобладают проблемно-постановочные вкрапления. При этом надо отметить, что и они касаются далеко не всех существенных позиций, если провести сравнение с реализованными в зарубежных, в том числе

постсоветских, законах об административной процедуре и правоприменительной практике, контролируемой судами.

Если обратить внимание на учебное изложение закрепленных в законодательстве специальных административно-правовых форм, то оно еще меньше решает профессионально-образовательную задачу, представляя в виде прямого изложения практически не комментируемого нормативного материала. Определяющая причина – отсутствие базово-системного материального и процедурного регулятора. Закон Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» в силу отмечаемого комментаторами «узкого подхода» [1, с. 280] таким регулятором служить не может. С этим в целом созвучна и наша позиция по данной проблематике, в том числе ограниченной сферы «административного решения» [2, с. 101–102].

Обратившись непосредственно к законодательству, в первую очередь, следует отметить обобщенную дефиницию «ненормативный правовой акт». В сравнении с иными используемыми конструкциями она содержит целый ряд характеристик, переносимых (по критериям методологии, но не аналогии) на внешнеуправленческий акт. Аналогом ему данное понятие служить не может. Его прямое назначение – формировать «полярную пару» с дефиницией «нормативный правовой акт» в канве праворегулирования, формируемой Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон о НПА): однократное - неоднократное, определенный - неопределенный.

Дефиниция ненормативного правового акта ориентирует, в каких аспектах их характеристики имеют сходство, а в каких – отличия. Но и тот, и другой реализуются в плоскости деятельности «нормотворческого органа (должностного лица)», то есть исключительно субъекта, уполномоченного издавать нормативные правовые акты в различных областях государственной деятельности. Основная направленность изложенной в законе дефиниции ненормативного правового акта – обозначить его как организационно-процедурный элемент, служащий обеспечению нормотворческой деятельности.

Норма закона определяет (отсылочно) и внешнюю публичную компоненту. Но и она относится к деятельности только нормотворческих органов. Специфична дефиниция и в отношении такой важной составляющей, как содержание потенциальных правоотношений. Они могут возникать на основе «предписаний». Понятно, что в своем специальном (надзорно-юрисдикционном) понимании данная правовая форма определять суть этих отношений не может. Более широкая

трактовка также имеет свои пределы и может связываться лишь с тем или иным обязывающим (ограничительным или восстановительным) решением. В то же время, публичное администрирование не сводится к обязыванию, использует разносторонний гибкий инструментарий. Как следствие, попытка более широкого применения понятия «ненормативный правовой акт» с точки зрения субъекта, предмета и направленности – скорее количественной, а не качественной – как минимум, требует существенных оговорок и допущений за рамками правил толкования.

Административное законодательство использует также несколько иное по стилистике и содержанию обобщенное понятие: «решение ненормативного характера». Оно тоже выполняет специальную функцию, относится только к определенному субъекту – департаментам министерств (государственных комитетов), и связано с реализацией того или иного набора внутренних и, особенно, внешних полномочий – организационно-распорядительных, координационных, контрольно-надзорных и юрисдикционных. Здесь ключевую роль играет слово «решение» (от своего имени, по существу) для придания баланса между обеспечиваемыми департаментами функциональными комплексами и специфически самостоятельным правовым статусом этих структурных подразделений республиканских органов.

Требует отдельной оценки, как к проблеме ненормативного (для нас – административного) акта подходит специфический, неотраслевой «регулятор» – процессуальный закон. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь от 15 декабря 1998 г. № 219-3 (далее – ХПК) отличает то, что он использует понятие ненормативного правового акта в качестве предмета оспаривания в экономическом суде, отграничивая его от форм «действия и бездействия». Отметим, что ХПК вынужденно «отрывает» данную правовую форму от нормотворческого органа, объективно расширяя круг использующих ее субъектов. Также ХПК обозначает этот объект специально целевым – как предмет судебного спора – указанием на несоответствие (противоречие) его законодательству и нарушение прав и законных интересов юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. К дефиниции ненормативного правового акта в законе о НПА по понятным причинам ХПК не отсылает. В этом плане ситуация видится такой, что публично-хозяйственная административно-правоприменительная сфера в качестве базового регулятора располагает не позитивным, а девиантным (неправовым) феноменом.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-3 (далее – ГПК) в отличие от ХПК понятием

ненормативного правового акта не оперирует. В нем обозначена конструкция «решение (действие, бездействие)», которую с позиций современной административистики можно было бы трактовать либо как составное, разноформатное понятие административного акта либо дискретное, где административный акт проявляется именно как «решение». В обоих случаях эта форма должна быть базовой, обеспечиваться структурированной правовой характеристикой («законности», «обоснованности», «ничтожности», «усмотрения» и др.), от которой прямо зависят и другие названные формы.

Дать такую характеристику не было (и не может быть) задачей гражданского процессуального законодательства, даже в его «комбинированном» виде, имея в виду наличие раздела VII ГПК и «методологического» Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами, законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц» (далее – Постановление). Уже в названии Постановления, декларирующем методологическую основу, «решение» не участвует. В самом тексте документа оно присутствует, но узкоформатно – применительно только к двум разнородным государственно-управленческим («защитным») сферам: во-первых, как «административное решение» в блоке «административных процедур» и, во-вторых, как элемент в блоке «рассмотрения предложений, заявлений и жалоб». С явным преобладанием постановление оперирует конструкцией «действие (бездействие)», тем самым модифицируя, «округляя» конструкцию ГПК. И Постановление, и раздел VII ГПК не встроены в общую (общепринятую) методологию административного акта.

Библиографические ссылки

1. Административное право: учеб. / Л. М. Рябцев [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2014. 607 с.

2. Карамышев А. В. Белорусская модель административной процедуры и административного акта: концептуальные и регулятивные особенности // Роль юридической науки в достижении целей устойчивого развития : сборник статей по материалам круглого стола, приуроченного к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Республики Беларусь С. А. Балашенко, Минск, 3 октября 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. экологического и аграрного права ; [редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) и др.]. Минск: БГУ, 2023. 162 с.

УДК 343.1

РЭФАРМАВАННЕ СКЛАДУ СУДА Ё КРЫМІНАЛЬНЫМ СУДАВОДСТВЕ ПАСЛЯ КАСТРЫЧНІЦКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ 1917 ГОДА

Г. А. Корабава

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
220030, Рэспубліка Беларусь, г. Мінск, пр. Незалежнасці, 4
e-mail: h.korobova2000@gmail.com*

Анотацыя. У артыкуле раскрываюцца змяненні, якія адбываліся ў крымінальным судаводстве ў складзе суда пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 года. Асаблівая ўвага надаецца ўдзелу грамадзян у адпраўленні правасуддзя ў якасці засядацеляў. Аўтарам праводзіцца комплексны гісторыка-прававы аналіз нарматыўных прававых актаў, якімі рэгламентавалася судаўладкаванне і крымінальныя судаводства ў кантэксце іх сувязі з палітычнымі абставінамі ў краіне.

Ключавыя словы: савецкі крымінальны працэс, крымінальнае судаводства, народныя засядацелі.

REFORMING THE COMPOSITION OF THE COURT IN CRIMINAL PROCEEDINGS AFTER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

A. Korobova

*Belarusian State University
220030, Republic of Belarus, Minsk, Nezavisimosty, 4
e-mail: h.korobova2000@gmail.com*

Annotation. The article reveals the changes that took place in criminal proceedings in the composition of the court after the October Revolution of 1917. Particular attention is paid to the participation of citizens in the administration of justice as assessors. The author conducts a comprehensive historical and legal analysis of the legal acts that regulated the judicial system and criminal proceedings in the context of their connection with the political circumstances in the country.

Keywords: Soviet criminal trial, criminal proceedings, people's(lay) assessors.

Да падзей Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. крымінальнае працэсуальнае заканадаўства рэгламентавалася Статутам крымінальнага судаводства ад 20 лістапада 1864 г., паводле якога ўдзел грамадзян у

адпраўленні правасуддзя прадугледжваўся пры раглядзе крымінальных спраў у складзе старшыні і дванаццаці прысяжных засядацеляў.

Пасля падзей Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. паўстала неабходнасць стварыць новую сістэму правасуддзя, якая выклікала б давер грамадзян. Першы дэкрэт СНК «Аб судзе» ад 24 лістапада 1917 г. (далей – першы дэкрэт аб судзе) быў выдадзены толькі праз месяц пасля ўстанаўлення савецкай улады. Ён была скасавана ўся сістэма царскай юстыцыі і вызначаны толькі некаторыя прынцыпы арганізацыі і дзейнасці судовых органаў.

Але на месцах адразу пасля рэвалюцыі пачалося масавае скасаванне старых судовых устаноў і стварэнне новых. Прынцып дзейнасці рэвалюцыйных судаў пазней быў успрыняты першым дэкрэтам аб судзе. Новае кіраўніцтва адразу ўспрыняла ленінскія ідэі аб прыцягненні працоўных да адпраўлення правасуддзя. Нанава створаныя суды дзейнічалі пад рознымі назвамі: рэвалюцыйныя, народныя суды, следчыя камісіі (з функцыямі суда), суды грамадскага сумлення і інш.

Новыя рэвалюцыйныя суды спачатку выбіраліся на кароткі тэрмін Саветамі рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў. Галоўным пачаткам пры стварэнні судаў была калегіяльнасць складу суда: выбіраўся адзін пастаянны суддзя і некалькі зменных (чарговых) суддзяў-засядацеляў, якім надавалася галоўная роля пры вырашэнні крымінальных спраў. Пастаянны суддзя, у выпадку, калі ён быў юрыстам, мог даць кансультацыю ў галіне права чарговым засядацелям. Склад суда быў вельмі разнастайным [1, с. 19 – 21].

Нягледзячы на разнастайны падыход да складу суда і працэдуры разгляду спраў у Народных Судах, Рэвалюцыйных і Ваенных Трыбуналах, усе суды дзейнічалі ў калегіяльным складзе. Рашэнні выносіліся простым галасаваннем суддзяў, пры актыўным удзеле прысутных у судзе грамадзян.

Першым дэкрэтам аб судзе прадугледжвалася замена папярэдніх судовых устаноў судамі, створанымі шляхам дэмакратычных выбараў. Такім чынам, быў закладзены інстытут выбарных народных суддзяў і народных засядацеляў. Царскія міравыя суды замяняліся мясцовымі судамі ў складзе пастаяннага мясцовага судзі і двух чарговых засядацеляў. Мясцовыя судзі павінны былі быць выбраны на падставе прамых дэмакратычных выбараў, да правядзення якіх яны выбіраліся мясцовымі Саветамі. Таксама мясцовыя Саветы павінны былі складаць чарговы спіс народных засядацеляў і вызначыць чаргу іх выклікання ў суд. Галоўным адрозненнем чарговых засядацеляў, якія пастаянна змяняліся, ад былых прысяжных засядацеляў была магчымасць карыстацца ўсімі правамі нароўні з пастаяннымі суддзямі. Акрамя таго,

дэкрэт вызначыў склад Рэвалюцыйнага Трыбунала: старшыня і шэсць чарговых засядацеляў, якія выбіраліся не на дэмакратычных выбарах суддзяў, а губернскімі або гарадскімі Саветамі дэпутатаў.

Дэкрэт УЦВК «Аб судзе» № 2 ад 7 сакавіка 1918 г. павінен быў развіць прынцыпы, пакладзеныя ў аснову першага дэкрэта аб судзе і стварыць судовую сістэму. Суддзі акруговых Народных Судоў выбіраліся мясцовымі Саветамі дэпутатаў. Усе падрыхтоўчыя распараджэнні прымаліся акруговым судом калегіяльна ў складзе не менш за тры пастаянныя суддзі. Крымінальная справа разглядалася складам з дванаццаці чарговых засядацеляў і двух запасных, пад старшынствам аднаго з пастаянных членаў суда. Агульныя спісы народных засядацеляў складаліся губернскімі і гарадскімі Саветамі дэпутатаў, на падставе спісаў кандыдатаў, што прадстаўляліся мясцовымі раённымі і валаснымі Саветамі. Планавалася, што здзяйсненне правасуддзя павінна стаць дзяржаўным абавязкам для кожнага грамадзяніна і не будзе аплачвацца.

Таксама вызначалася працэсуальнае становішча народных засядацеляў, якія ўдзельнічалі ў судовым следстве і мелі права адводзіць старшыню судавага пасяджэння на працягу ўсяго часу працэсу. Дадзенае паўнамоцтва народных засядацеляў з'яўлялася ўнікальным і прысутнічала толькі ў першыя гады пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі, што вызначалася палітычнымі абставінамі. Народныя засядацелі вырашалі пытанне не толькі аб факце злачынства, але і аб меры пакарання. Народным засядацелям надавалася магчымасць паменшыць прадугледжанае законам пакаранне па сваім перакананні да ўмоўнага або поўнага вызвалення абвінавачванага ад усякага пакарання. Старшыня не меў заключнага слова і ў нарадзе народных суддзяў меў права толькі дарадчага голасу.

Такім чынам, засядацелям стала адводзіцца кіруючая роля ў вырашэнні крымінальных спраў. Такія правілы былі выкліканы імкненнем улады кантраляваць праз народных засядацеляў, дзейнасць прафесійных суддзяў, якія мелі юрыдычныя веды, неабходныя для належнага вырашэння справы, але пераважна выбіраліся з ліку былых міравых суддзяў. Міравыя суддзі ў сваю чаргу не выклікалі даверу грамадскасці і насельніцтва. Толькі ў дадзены перыяд гісторыі савецкага правасуддзя народныя засядацелі былі надзелены такімі шырокімі паўнамоцтвамі. У будучым практычна ўсе нарматыўныя прававыя акты прадугледжвалі роўнасць правоў прафесійнага суддзі і народных засядацеляў.

Удакладняла і развівала палажэнні дэкрэтаў Пастанова НКЮ «Аб арганізацыі і дзейнасці мясцовых Народных Судоў» ад 23 ліпеня 1918 г.

Мясцовы Народны Суд кожнага асобнага судовага ўчастка павінен быў абавязкова складацца з аднаго пастаяннага мясцовага судзі і двух чарговых засядацеляў. Пастаянныя судзі выбіраліся агульным сходам мясцовых Саветаў дэпутатаў, выканаўчым камітэтам Саветаў, павятовымі з'ездамі Саветаў дэпутатаў і маглі быць адкліканы імі ў любы час. Чарговыя засядацелі павінны былі валодаць выбарчым правам. У вылучэнні кандыдатаў у засядацелі ўдзельнічала кожная савецкая арганізацыя: палітычныя партыі, прафесійныя працоўныя саюзы, класавыя рабочыя кааператывы, фабрычна-заводскія камітэты, якая выбіралі са свайго складу аднаго кандыдата на 50 выбаршчыкаў. Папярэднія спісы кандыдатаў зацвярджаліся выканаўчымі камітэтам Саветаў дэпутатаў, а калі іх не было павятовымі Саветамі дэпутатаў або іх камітэтам. Спісы засядацеляў складаліся на адзін год. Для кожнай сесіі мясцовага суда па жэрабі выбіраліся па тры засядацелі (два чарговых і адзін запасны) Саветамі сумесна з адпаведнымі судамі. Кожны засядацель удзельнічаў у пасяджэннях мясцовага Народнага Суда на працягу не больш за шэсць пасяджэнняў, з захаваннем заробтнай платы. Таксама, калі была магчымасць, народны засядацель бясплатна здзяйсняў свае абавязкі. Ухіленне судзі-засядацеляў ад дзяржаўнай павіннасці па здзяйсненні правосуддзя не дапускалася: пры адсутнасці па няўважлівых прычынах з засядацеля спаганяўся штраф у памеры 100 рублёў. Варта адзначыць, што дадзеная пастанова ўжо прадугледжвала роўнасць працэсуальных правоў пастаянных судзі і чарговых засядацеляў у судовым пасяджэнні, што было выклікана больш строгімі патрабаваннямі да пастаянных мясцовых судзі, якія павялічвалі давер да іх дзейнасці.

Будаўніцтва савецкага судаводства працягвалася. 30 лістапада 1918 г. УЦВК выдаў Палажэнне «Аб Народным Судзе Расійскай Сацыялістычнай Федэратыўнай Савецкай Рэспублікі», які працягваў удасканалваць сістэму прыцягнення працоўных да савецкага судаводства. У залежнасці ад сутнасці пытання і складанасці справы, якія падлягалі разгляду, Народны Суд дзейнічаў у складзе: аднаго пастаяннага Народнага судзі, пастаяннага Народнага судзі і двух чарговых Народных засядацеляў, пастаяннага Народнага судзі і шасці чарговых Народных засядацеляў. Усе крымінальныя справы разглядаліся з абавязковым удзелам народных засядацеляў. Пры разглядзе крымінальных спраў супраць жыцця, здароўя, палавой свабоды, а так сама спраў аб разбоі, падробцы грашовых знакаў і дакументаў, хабарніцтве і спекуляцыі манапольнымі і нармаванымі прадуктамі спажывання ў склад суда абавязкова ўваходзілі шэсць народных засядацеляў. Палажэннем канчаткова замацоўвалася роўнасць

працэсуальных правоў пастаяннага Народнага суддзі і чарговых засядацеляў.

Але ў Рэвалюцыйных Трыбуналах удзел народных засядацеляў быў кароткачасовым. Ні дэкрэт УЦВК ад 12 красавіка 1919 г. «Аб Рэвалюцыйных Трыбуналах», ні дэкрэт УЦВК ад 18 сакавіка 1920 г. «Аб Рэвалюцыйных Трыбуналах» не ўтрымлівалі палажэнняў аб уваходзе ў склад суда народных засядацеляў. Рэвалюцыйныя трыбуналы выбіраліся толькі Саветамі або іх выканаўчымі камітэтамі, у складзе старшыні і двух членаў Трыбунала. У трыбуналы абіраліся выключна адказныя палітычныя работнікі, тэрмінам на адзін месяц.

Такім чынам, пачатак прыцягнення грамадзян да адпраўлення правасуддзя ў якасці народных засядацеляў адбыўся пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі паводле рэалізацыі ідэй народаўладдзя з мэтай належнага адпраўлення правасуддзя і кантролю былых міравых суддзяў, якія прыцягваліся да судовай дзейнасці як носьбіты юрыдычных ведаў. З першых дзён савецкай улады вызначыліся такія напрамкі рэфармавання крымінальнага судаводства як замацаванне калегіяльнасці разгляду спраў, вырашэнне пытанняў большасцю галасоў і прыцягванне грамадзян для здзяйснення крымінальнага правасуддзя. Акты першых гадоў савецкай улады на доўгія гады заклалі асновы для дзейнасці інстытута народных засядацеляў, якія выкарыстоўваюцца і сёння. Паводле ленінскіх ідэй прыцягнення грамадскасці да кіраўніцтва дзяржаўнымі справамі была зменена форма ўдзелу грамадскасці ў адпраўленні правасуддзя. Савецкае заканадаўства ў першую пяцігодку замацавала патрабаванні да народных засядацеляў, парадак фарміравання корпусу народных засядацеляў, тэрмін іх службы, парадак закліку ў судовае пасяджэнне і працэсуальнае становішча, што дазваляла выконваць задачы масавага далучэння грамадзян да адпраўлення правасуддзя, паглыбляла правасвядомасць насельніцтва, уздымала аўтарытэт суда. Савецкае заканадаўства вызначала ўдзел працоўных у адпраўленні правасуддзя грамадскім абавязкам і карала за яго парушэнне.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Кожевников М. В.* История советского суда; под ред. И. Т. Голякова. М. : Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 376 с.

УДК 321.01; 342.1

**ВОЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА
ЛИТОВСКОГО И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕЕ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Д. А. Кучугурный

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: kuchuhurnij@bsu.by*

В статье рассматриваются вопросы правового обеспечения содержания и функционирования объектов инфраструктуры двойного назначения в период существования Великого княжества Литовского, Русского и Жомойтского.

Ключевые слова: инфраструктура, дороги, мосты, статуты, привилеи, обычное право.

**MILITARY INFRASTRUCTURE OF THE GRAND DUCHIES OF
LITHUANIA, RUSSIAN AND SAMAITIA AND LEGAL SUPPORT
FOR ITS FUNCTIONING**

D. A. Kuchuhurnij

*Belarusian State University, pr. Independence, 4,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: kuchuhurnij@bsu.by*

The article discusses the issues of legal support for maintenance and operation of dual-use infrastructure during the existence of the Grand Duchy of Lithuania, Russia and Zhomoit.

Keywords: infrastructure, roads, bridges, statutes, privileges, customary law.

Военное дело – это одна из важнейших функций и задач любого государства, неотъемлемой составляющей которого является и соответствующая военная инфраструктура, содержание, структура и качества которой зависят от конкретного исторического периода. В таком ракурсе истории белорусской государственности допустимо рассматривать и через призму военной инфраструктуры, адекватности ее вызовам, стоящим в конкретный исторический период перед избранной для анализа формой государственности.

При анализе военной инфраструктуры необходимо учитывать два важнейших параметра, а именно, то, что относится к военной инфраструктуре в широком понимании, то есть система стационарных и

нестационарных объектов театра военных действий, и то, что относится к военной инфраструктуре в непосредственный период.

Так, применительно к Великому княжеству Литовскому (далее – ВКЛ) военной инфраструктуре в современном её понимании за исключением специализированных военных сооружений типа редут относится в большинстве случаев, то что в настоящее время понимается под термином «объекты двойного назначения», а именно, дороги, мосты, замки, реки, места дислокации войск, система должностных лиц, их поддерживающая в функциональном состоянии, и система консолидации средств на их ремонт и строительство в виде специализированных сборов и податей.

Содержание и создание таких объектов объективно являлось объектом правового регулирования и отражалось в военных артикулах, характерных и в какой-то мере заимствованных из права систем западноевропейских государств, принимавшихся и действовавших только на период конкретной военной компании. К наиболее известным военным артикулам относят Артикулы великого князя Жигимонта I для Литвы, изданные в 1535 г., Артикулы гетмана дворного ВКЛ Григория Ходкевича, изданные для ротмистров замка в Пернаве 2 мая 1562 г., артикулы Яна Ходкевича, старосты Жемайтии, которые были изданы под Уллой для армии на зимних квартирах в 1564 г., Артикулы великого гетмана литовского Григория Ходкевича, изданные в 1566 г., Артикулы пушкарские великого князя Жигимонта Августа от 3 августа 1557 г., военные артикулы, изданные 10 августа 1581 г. великим князем ВКЛ Стефаном Баторием в обозе под Воронцом, и иные [1, с. 73-94].

При этом военные артикулы, хоть и относились к военному законодательству, регулировавшему вопросы дисциплины, мобилизации, ответственности, военной тактики, иерархии и организации быта, обычно не упоминали функционирование инфраструктуры в связи с узконаправленностью регламентируемых вопросов.

Изначально вопросы функционирования инфраструктуры, как общегосударственной, так и военной, регулировались нормами обычного права. Одно из первых письменных упоминаний о поддержании инфраструктуры содержится в п. 7 постановления Городельского сейма об унии ВКЛ с Польшей 1413 г., предписывающего, что паны «обязуются строить и исправлять крепости и военные дороги и платить подати по старинному обычаю» [2, с. 116].

Привилей Казимира IV 1447 г., освобождая шляхту от части повинностей, меж тем оставляет в силе поддержание коммуникационной составляющей государства «а теж из-стародавна зыченые на нас и на наши будущий уряды поборы, стацыи, мостов новых чиненя, старых

поправленя, а городов оправленя, непорушне заховаем...» [3, с.73 – 77; 4, с. 43-46].

Положения подобного рода встречаются в законодательстве ВКЛ повсеместно, включая грамоты, дарованные городам на магдебургское право. Дополнительно в грамотах на магдебургское право упоминается об обязанностях предоставлять подводы для нужд государственных. Так, в Жалованной грамоте Великого князя литовского Александра г. Минску (Менску) на магдебургское право от 14 марта 1499 года прямо указывается «на потребу нашу земьскую подводы мають давати, коли увидять подводный листъ, зъ сыгнетомъ нашим запечатованный» [3, с. 188]. Ранее в судной грамоте Великого князя литовского Александра Слуцкому князю Симеону Михайловичу Омельковичу на право владения Слуцком и Копыльем от 16 января 1499 г. в обобщенном виде упоминаются повинности по поддержанию существующей инфраструктуры в виде «а где здавна Случане и Копыляне мосты мощивали, и станы делывали, и стацеями подыймывали, и подводы даивали: в тех местехъ маюць мосты мостити, и станы делати, и стацеями поднимати, и подводы давати, по давному» [3, с. 186].

Кроме обязанностей по поддержанию и строительству инфраструктуры в законодательстве ВКЛ встречаются нормы о её защите в виде наказания провинившихся. Так, в статье 25 Судебника Казимира Ягайловича 1468 г. записано, что «а тако ж, где который мосты мощивали за дядю нашего, за великого князя Витовта, и за великого князя Жикгимонта, тот бы и ныне каждый свои мостьницы замостили и заделали, как надобе; а што бы не мешкали, сего ж лета уделали. А на чией делници шкода ся станеть, конь ся образить, ногу изломить: тому платити. А пак ли который не заделаютъ своих делниц сего лета, а исполошатся: тот из права выступил, на том нам вины 10 рублей» [2, с. 130].

Отдельным документом, обстоятельно регулировавшим функционирование и поддержание мостовых сооружений, стала утверждённая 1 апреля 1557 г. Великим князем литовским и королем польским Жигимонтом (Сигизмундом) Августом II «Устава на волоки». Так, в 37 Артикуле упоминается также о существовании специального должностного лица – «А мостовничий, от нас посланный, маеть только людей боярских у мощенью мостов догледати, абы были добре зроблены...» [2, с. 228].

Статуты ВКЛ обобщили и расширили положения о функционировании инфраструктуры.

Так, в артикуле 22 раздела 1 Статута ВКЛ 1529 г. подтверждалось сохранение издавна существующих обычаев по сохранению объектов

инфраструктуры «...но хотим в неприкосновенности сохранить издавна установленные обычаи предоставления стацеи на станах, издавна установленных, мосты старые поправлять и новые на старых местах строить, старые замки поправлять и там же на тех же старых местах выделенные им части снова застраивать, мосты новые строить, старые дороги исправлять и давать подводы гонцам нашим, где издавна их давали» [5, с. 140].

В развитие данной нормы Статут 1566 г. в артикуле 22 раздела 9 устанавливает стандарт ширины дороги и правила проезда по ней, указывая, что «... дороги вечные мають быти водле стародавнего обычаю такъ широки, абы два возъ форманскихъ розминулися (примеч – около 5 – 6 метров), а возъ порожній маеть уступити возу наложоному ...» [6, с. 170]. В указанном артикуле также предусмотрена подсудность рассмотрения таких споров.

Артикул 32 раздела 9 Статута ВКЛ 1588 г. увеличивает стандарт ширины дороги «... иж дороги, великие гостинцы мают быти водле стародавнего обычаю такъ широкие, абы на полтора прута (около 7,5 метров) быти могли...» [7, с. 424]. Увеличение габаритов дороги является наглядным свидетельством того значения, которое придавалось дорогам ВКЛ как средствам коммуникации.

Как справедливо отмечает Сардаров А.С., исправлению дорог, поддержанию их в надлежащем (проезжем) состоянии служила система мыт (застав, таможен), которые устраивались на важных гостинцах, у речных переправ, мостов, на въездах в населенные пункты [8, с. 73]. Положения об этом содержатся в артикуле 21 раздела 1 Статута ВКЛ 1529 г. и артикуле 25 раздела 1 Статута 1566 г.

Кроме этого, распространенным явлением облика дорог Беларуси феодального периода было наличие придорожной корчмы, так называемого общественного места, где проезжающие могли получить ночлег и еду [9, с. 17].

Анализ состояния и правового обеспечения функционирования инфраструктуры ВКЛ свидетельствует о системном и государственном подходе в регулировании данного института, затрагивающего различные его сферы от строительства и ремонта дорог и мостов до системы сбора податей и наличия специализированных уполномоченных должностных лиц.

Библиографические ссылки

1. *Колета В. В.* Правовое регулирование организации армии и обороны государства в Великом княжестве Литовском в XVI в. // *Право и демократия* : сб. науч. тр. Вып. 23 / редкол. : В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2012. 351 с.

2. Белоруссия в эпоху феодализма : сборник документов и материалов : [в 4 т.] / Академия наук БССР, Институт истории, Архивное управление МВД БССР. Т. 1 : С древнейших времен до середины XVII века / [составители: З. Ю. Копыцкий, М. Ф. Залога]. Минск : Изд-во Акад. наук БССР, 1959. 515 с.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1: 1340-1506. Санкт-Петербург, 1846, №61. 435 с.
4. *Вішнеўскі А. Ф., Юхо А. Я.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: У дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён). Минск, 1998. 320 с.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук ; под ред. К. И. Яблонскаса. Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960. 253 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо. Мінск : Тэсей, 2003. 250 с.
7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 [Тэксты] // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 : тэксты, давед., камент. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Савец. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. 578 с.
8. *Сардаров А. С.* Путетворение: история и культура белорусских дорог. Минск : Беларуская навука, 2009. 191 с.
9. *Сардаров А. С.* История и архитектура дорог Белоруссии. Минск: Издательство «Вышэйшая школа», 1978. 152 с.

УДК 332.021.8:63(476)(091)

САЦЫЯЛЬНА-ПАЛІТЫЧНЫЯ НАСТУПСТВЫ «ВЯЛІКАЙ РЭФОРМЫ» СЯРЭДЗІНЫ XVI СТАГОДДЗЯ

В. М. Лянцэвіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт

*Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Ракасоўскага, 65,
220094, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, e-mail: liantsevich.volga@yandex.by*

У артыкуле аналізуюцца важнейшыя палітычныя і сацыяльныя вынікі аграрнай рэформы сярэдзіны XVI ст. на беларускіх землях, якая адыграла значную ролю ў далейшым лёсе Вялікага Княства Літоўскага.

Ключавыя словы: «валочная памера», станавая манархія, прыгоннае права, індывідуальнае землекарыстанне, сістэма падаткаабкладання.

SOCIO-POLITICAL CONSEQUENCES OF THE «GREAT REFORM» IN THE MIDDLE OF THE XVI CENTURY

V. M. Liantsevich

PhD in History, Associate Professor

*Belarusian State Economic University, 65 Rakasouskaga Avenue,
220094, Minsk, Belarus, e-mail: liantsevich.volga@yandex.by*

The paper analyzes the most important political and social results of the agrarian reform of the middle of the XVI century on Belarusian lands, which played a significant role in the future fate of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: «volok measurement», class monarchy, serfdom, individual land use, tax system.

Эканамічныя мэты, сутнасць і вынікі самай значнай аграрнай рэформы часоў феадалізму, якая праводзілася на беларускіх землях у XVI ст., неаднаразова станавіліся прадметам спецыяльных даследаванняў, прычым як у дарэвалюцыйнай беларускай і расейскай гістарыяграфіі [4; 11], так і ў раннесавецкія часы [8; 9]. Шэраг новых аспектаў былі падняты ў даследаваннях сучасных беларускіх гісторыкаў [1; 3; 5]. Вядома, што «валочная памера» (так у крыніцах называецца комплекс мерапрыемстваў, якія праводзіліся ў сярэдзіне XVI ст. на гаспадарскіх землях) асноўнай мэтай мела павелічэнне прыбыткаў землеўладальнікаў («размнажэнне набыткаў») праз рэфармаванне сялянскай сістэмы землекарыстання і падаткаабкладання. Пры гэтым

аграрная рэформа стала самай маштабнай у сферы гаспадарчых пераўтварэнняў у Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) і безумоўна можа лічыцца дзяржаўнай рэформай, паколькі насамрэч закранула не толькі землі вялікакняскага дамена, але і значную колькасць прыватнаўласніцкіх уладанняў пераважна цэнтральнай і заходняй часткі Беларусі.

У межах дадзенага артыкула звернем увагу галоўным чынам на сацыяльныя і палітычныя працэсы, якія адбыліся ў дзяржаве ў сувязі з правядзеннем аграрных мерапрыемстваў, паколькі яны таксама адыгралі значную ролю ў далейшым лёсе беларуска-літоўскай дзяржавы.

Пачатак Вялікіх геаграфічных адкрыццяў (канец XV ст.) прывёў да маштабных зменаў гаспадарчай сістэмы Еўропы: яны пацягнулі за сабой павелічэнне колькасці каштоўных металаў (вываз з Амерыканскага кантынента) з магчымасцю іх канцэнтрацыі ў асобных руках, перабудову эканамічнага ўкладу з арыентацыяй на вольныя рабочыя рукі, рост гарадоў і гарадскога насельніцтва, паляпшэнне дабрабыту еўрапейцаў, а таксама імклівае павелічэнне колькасці насельніцтва, выкліканае паляпшэннем эканамічнага стану. Гэта, у сваю чаргу, вызначыла імклівы рост попыту ў Заходняй Еўропе на збожжа, а таксама на іншыя прадукты харчавання. На фоне з'яўлення новых гандлёвых шляхоў і паступовага складання сусветнага рынку ў арбіту эканамічных адносін ўцягваліся новыя рэгіёны, адным з якіх стала Вялікае Княства Літоўскае.

Тагачасная беларуска-літоўская дзяржава была выключна феадальнай і з пункту гледжання гаспадаркі (аграрная), і адносна палітычнай сістэмы (станавая манархія). Сацыяльны строй характарызаваўся незакончаным працэсам фарміравання асноўных станаў феадальнага грамадства. Пры гэтым гарады і гарадское насельніцтва не мелі сур'ёзнага ўплыву на палітычныя працэсы, як гэта было ў вядучых еўрапейскіх краінах, таму аграрны характар грамадства паўплываў на «арыгінальны гатунак станавай манархіі» – шляхецкую рэспубліку [12, с. 67].

На чале дзяржавы – дынастыя Ягелонаў, прадстаўнікі якой займаюць таксама сталы Венгрыі і Чэхіі. У ВКЛ, аднак, існуе дынастычная ўнія з Польскім каралеўствам, што значна абмяжоўвае статус гаспадара на карысць шляхты. Вялікакняскі двор мае патрэбу ў высокіх даходах, якія ідуць на ўтрыманне наёмнага войска (пры Жыгімонце I гэта 5 тыс. чал.; падчас Лівонскай вайны – ужо 10 тыс.) [1, с. 5], выплату ардыншчыны крымскім татарам. В. Ф. Голубеў вызначае яшчэ адзін матыў эканамічнага характару, які мог стаць дадатковым аргументам для ўлады на карысць рэфармавання вялікакняскіх уладанняў: імкненне ўмацаваць эканамічную незалежнасць сям'і

Ягелонаў ад шляхты з перспекывай адмаўлення ад практыкі выбарнасці манарха [3, с. 222], а таксама павялічыць выдаткі на ўтрыманне княскага двара, зрабіць яго пышным і багатым, што б сведчыла аб моцнай ўладзе гаспадара.

Сельская гаспадарка забяспечвала асноўную частку даходаў дзяржаўнага скарба, таму ад правільнага кіравання ёй залежаў узровень прыбыткаў гаспадарскіх двароў. У той жа час інвентары пачатку XVI ст. сведчаць аб адсутнасці выразнай сістэмы кіравання дзяржаўнымі маёмасцямі, самаўпраўстве намеснікаў і дзяржаўцаў, якія павінны былі прадстаўляць інтарэсы вялікага князя ў асобных яго ўладаннях [7, с. 72]. Вялікакняскі дамен канчаткова сфармаваўся якраз у часы Жыгімонта II Аўгуста (1548–1572), аднак у гэты перыяд ён складаў амаль 1/2 тэрыторыі дзяржавы [2, с. 184]. Такім чынам, комплексныя пераўтварэнні маглі б істотна ўмацаваць уладу вялікага князя ў дзяржаве.

Калі папярэднія мерапрыемствы ўлады ў аграрным сектары хутчэй былі накіраваны на забеспячэнне партэбаў унутранага рынку (у 1482 г. Казімір нават забараняе вываз збожжа з Літвы з прычыны неўраджаю) [3, с. 219], то комплексныя меры, прадугледжаныя «Уставай на валокі» 1557 г., кіраваліся на знешнія патрэбы. Дакумент быў распрацаваны з дапамогай кіраўніка маенткамі Боны Сфорцы, маці Жыгімонта Аўгуста, на землях каторай рэфармаванне праводзілася на падставе спецыяльнай інструкцыі («уставы»); вядомыя рэдакцыі 1549 і 1552 гг. [9, с. 21–42]. Менавіта ва ўладаннях Боны ўпершыню быў ажыццёўлены пераход ад калектыўнага да індывідуальнага сялянскага землекарыстання з выразнай фіксацыяй павіннасцяў. Уводзілася новая зямельная адзінка – валока. Практыка індывідуальнага землекарыстання прыйшла ў ВКЛ з Польшчы, дзе зямельная адзінка называлася «лан», куды, у сваю чаргу, яна была пазычана з германскіх зямель. У працэсе ажыццяўлення рэформы Бона праводзіла праверку шляхецкіх правоў на зямлю і фармавала адзінае поле кожнага свайго фальварка, знішчаючы цараспалосіцу. Уладальнікі цараспалосных надзелаў, якія даказалі права на зямельны ўчастак, атрымлівалі раўнацэнны на іншым полі.

Мерапрыемствы рэформы істотна змянілі стан сялян. Некаторыя даследчыкі бачаць пераважна адмоўныя вынікі пераўтварэнняў, звязаныя з працэсам амаль канчатковага прававога замацавання прыгоннай залежнасці, ростам падатковага ціску і памяншэннем сялянскіх даходаў [1, с. 13; 5, с. 108]. Аднак трэба заўважыць, што, з другога боку, «Устава на валокі» ўздымала сялянскую гаспадарку на новы тэхнічны ўзровень. На валоках ўводзіўся трохпольны севазварот, прапаноўваліся ссуды і льготы, прымусова рассяляліся буйныя сем'і і актыўна асвойваліся раней пустуючыя глебы. Кожны двор павінен быў заводзіць жывёлу, рабочы

інвентар, які прымацоўваўся да сядзібы. Сялянскія валокі размяшчалі паблізу ад фальварка, каб лягчэй было дабірацца на працу і побач з вадаёмам. Як адзначае рускі дарэвалюцыйны даследчык В. Я. Уланаў, улада глядзела на сялян як на рабочую сілу, аб якой трэба клапаціцца, каб яна была працаздольнай [11, с. 208–209]. М. В. Доўнар-Запольскі падкрэслівае гэта як «пачуццё гуманнасці» да падатных класаў з фальшывым імкненнем да апекі над простым народам [4, с. 322].

Рэформа істотна змяніла воблік беларускай вёскі: на змену скучанаму тыпу забудовы прыходзіць рэгулярны. Сярэдняя вёска складалася з 10–20 двароў; 5–7 вёсак абслугоўвалі адзін фальварак. Сялянскія сядзібы будаваліся па прынцыпу замкнёнага («вяночнага») двара. Як правіла, будавалася адна вуліца, паабাপал якой ў розным парадку размяшчаліся хата і гаспадарчыя пабудовы. Вуліцы масціліся камнем, пасыпаліся пяском, каб не ламаліся колы вазоў. Гісторык архітэктуры У. В. Трацэўскі вылучае шэсць розных тыпаў забудовы [10, с. 23–25]: два першыя характэрны для вялікакняскіх фальваркаў, астатнія з’явіліся на прыватнаўласніцкіх землях: 1) дамы размяшчаюцца насупраць з абедзвух бакоў вуліцы сіметрычна альбо 2) уразбежку; 3) сядзібы размяшчаюцца па адным баку вуліцы роўна альбо 4) ў шахматным парадку; 5) жылыя дамы размяшчаюцца на адным баку вуліцы, а гаспадарчыя пабудовы роўна насупраць альбо 6) ў шахматным парадку. Як адзначае даследчык, вёска стала архітэктурна арганізаванай прасторай, супрацьпастаўленай навакольнаму асяроддзю. Гэта, з аднаго боку, абмяжоўвала ролю народнай творчасці ў арганізацыі вясковай прасторы, а, з другога, садзейнічала развіццю новых традыцый [10, с. 25]. З цягам часу побач з фальваркам сталі будаваць шматкватэрныя дамы для рабочых. Пры тым, што фальваркавая сістэма праіснавала на беларускіх землях да 1861 г., самі фальваркавыя паселішчы сустракаліся да 1930-х гг. і былі знішчаны ўжо падчас калектывізацыі.

Гарады і мястэчкі, якія не мелі права на самакіраванне, таксама траплялі пад мерапрыемствы рэформы. Мяшчане, атрымаўшы валокі, станавіліся залежнымі і павінны былі плаціць чынш. З другога боку, «валочная памера» актывізавала гаспадарчае жыццё гарадскіх паселішчаў, паколькі садзейнічала развіццю таварна-грашовых адносін. На месцы некаторых вёсак вырасталі мястэчкі (Моталь); будаваліся яны і на новых землях (Смалявічы) [6, с. 30]. У цэнтры горада фармавалася 4-кутная гандлёвая плошча, рабіліся роўныя вуліцы («пад шнурам»), зямля паселішча аддзялялася ад ворных і лясных валок, так што па меры росту горада вуліцы не раслі ўдаўжыню, а павялічвалася шчыльнасць забудовы [1, с. 11].

Галоўным сацыяльным наступствам рэформы з'яўляецца фарміраванне адносна адзінага саслоўя прыгоннага сялянства. То бок, з аднаго боку, знікае інстытут халопства (былая «чэлядзь нявольная» атрымлівае невялікі надзел, становіцца агароднікамі і прымацоўваецца да зямлі), з другога – катэгорыя «пахожы чалавек» таксама больш не ўпамінаецца [11, с. 209]: права пераходу селянін захоўвае толькі ў межах вялікакняжскіх уладанняў, такім чынам прымацоўваючыся не столькі да надзелу, колькі да гаспадарскіх зямель як работнік і плацельшчык [11, с. 211]. З пашырэннем некаторых нормаў «Уставы» на прыватнаўласніцкія землі шляхта атрымала над сваімі сялянамі ўсе правы, уключаючы падатковыя, адміністрацыйныя і судовыя [5, с. 106–107]. Такім чынам праводзілася чоткае сацыяльнае размежаванне паміж свабоднымі (прывілеяванымі) саслоўямі і прыгоннымі сялянамі [11, с. 211].

Нельга не ўлічваць, што для гаспадарскіх сялян правядзенне рэформы таксама мела мэтай абмежаваць самавольства княжацкай адміністрацыі, паколькі ўвядзенне адзінай сістэмы падаткаабкладання для цяглых і асадных валок давала пэўныя эканамічныя гарантыі сялянам.

Дэталёвая табліца, размешчаная ў даследаванні М. В. Доўнар-Запольскага адзначае, што ў 47 з 71 выпадкаў плата за карыстанне валокамі для сялян павышалася [4, с. 631–635]. У той жа час, сяляне не гублялі, а наадварот, атрымлівалі землі, павіннасці з якіх адпавядалі якасці глебы [8, с. 543]. Пры гэтым, як падкрэслівае У. І. Пічэта, маштабных пратэстаў сялян не назіралася; не было масавых бунтаў і выступленняў асобных вёсак [8, с. 541].

На землях, дзе праводзілася рэформа, яна вяла да разбурэння сялянскай абшчыны, што таксама падаецца некаторым адмоўнай рысай. З другога боку, падворная сістэма землекарыстання, індывідуалізацыя сялянскай гаспадаркі, рост яе таварнага характару – безумоўны крок наперад у развіцці феадальных адносін.

Шляхта ВКЛ таксама ўмацавала, перш за ўсё, свой эканамічны стан: магнаты разам з дзяржавай мелі права транспарціроўкі збожжа ў партовыя гарады і яго збыту. Прыватнаўласніцкая гаспадарка паступова набывала прадпрымальніцкі характар. Пачынаюцца шырокія кантакты з Заходняй Еўропай, у тым ліку ў галіне адукацыі і культуры: шляхціцы ўсё больш звяртаюцца па еўрапейскую адукацыю, а з захаду едуць архітэктары, мастакі, што істотна мяняе выгляд магнацкіх замкаў, пазней перабудаваных у рэзідэнцыі родаў (Гаштольды, Глябовічы, Астрожскія, Радзівілы, Сапегі...) [6, с. 31]. На працягу XVI ст. грамадства княства становіцца еўрапейскім: фарміруецца леннае права, феадальнае

землеўладанне і прыгоннае права, станавае манархія, гарадскія цэхі, еўрапейская сістэма адукацыі [12, с. 161].

Пры тым, што «валочная памера» ўтрая павысіла даходнасць вялікакняжскай гаспадаркі, садзейнічала росту яе таварнасці, уніфікацыі падаткаабкладання, замацаванню прыгоннага стану сялян, яна не прынесла чаканых уладай вынікаў. У. І. Пічэта бачыць галоўную прычыну гэтага ў шырокіх раздачах гаспадарскіх уладанняў у рукі шляхты з-за неабходнасці ваеннай падтрымкі [8, с. 542]: да сярэдзіны XVI ст. фонд гаспадарскіх уладанняў скараціўся з 80% па колькасці падданных (на канец XIV ст.) да 30% [2, с. 260]. Гэта, у сваю чаргу, не дало вялікаму князю атрымаць палітычную перавагу ў дзяржаве і ўрэшце падрыхтавала ўмовы для Люблінскай уніі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Бушчык Г. П.* Прычыны, механізмы і вынікі аграрнай рэформы сярэдзіны XVI – першай паловы XVII ст. на Беларусі // 3 гісторыі эканамічных рэформаў на Беларусі : Вуч.-метадыч. зб. Вып. 2. / Г. П. Бушчык, У. А. Сосна, А. М. Сасім [і інш.] ; пад агульн. рэд. В. І. Галубовіча. Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1997. С. 3–14.

2. *Гісторыя Беларусі : У 6 т. / Ю. Бохан [і інш.]. Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага.* Мінск : «Экаперспектыва», 2008. 688 с.

3. *Голубеў В. Ф.* Бона Сфорца і Жыгімонт Аўгуст – ініцыятары і арганізатары Вялікай аграрнай рэформы ў Вялікім Княстве Літоўскім // Ягелоны : дынастыя, эпоха, спадчына : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Гальшаны – Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2007. С. 216–231.

4. *Доўнар-Запольскі М. В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. 2-е выд. Мінск : Беларус. навука, 2013. 759 с.

5. *Кадіра В. Н.* Рэформа 1557 г. і развіццё фольварочно-баршчыннай сістэмы гаспадарства ў Беларусі і Украіне во другой паловіне XVI – першай трэці XVII в. // Весті Ін-та саврэм. знанняў. 2021. № 2. С. 104–109.

6. *Колосовская А. Н.* Градастроіцельства барокко Беларусі XVII–XVIII вв. // Асабнасці развіцця рэгіянальнай архітэктуры : зб. матэрыялаў міждунар. навуц.-практ. канф., Брэст, 14–15 дек. 2020 г. / Брэст. гос. тэхн. ун-т ; рэдкал. : Н. Н. Шалобыта [і др.]. Брэст, 2020. С. 28–33.

7. *Лянюэвіч В. М.* Прававое рэгуляванне пазямельных адносін на беларускіх землях у прывілейны перыяд (XIV – першая палова XVI ст.) // Веснік БДЭУ. 2021. № 6 (149). С. 69–76.

8. *Пичета В. И.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 545 с.

9. *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва в XV – XVI вв. Исслед. по истории соц.-экон., полит. и культур. развития. М. : Изд-во АН СССР, 1961. 812 с.

10. *Трацевский В. В.* Архитектурные аспекты экономической реформы 1557 года // Проблемы преобразования и возрождения белорусского села : материалы респ. навуц.-практ. канф., 20-21 окт. 2005 г. / Брэст. гос. ун-т ; рэдкал. : В. В. Тур [і др.]. Брэст, 2005. С. 22–25.

11. *Уланов В. Я.* Волочная помера и устава и ее значение в истории литовско-русского государства; под ред. Е. Анищенко. Минск : В. Хурсик, 2005. 252 с.
12. *Эйдзінтас А.* Гісторыя Літвы / А. Эйдзінтас, А. Бумблаўскас, А. Кулакаўскас, М. Тамашайціс ; пер. з літ. В. Вячорка. Вільня : SANTARA, 2014. 280 с.

УДК 321

ТЭОРЫЯ ПРЫНЯЦЦЯ ПАЛІТЫЧНЫХ РАШЭННЯЎ ЯК НАВУКОВЫ БАЗІС ДЗЯРЖАЎНАГА РЭФАРМАВАННЯ

М. С. Мамекін

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь, e-mail: mafakoff23@mail.ru*

Тэорыя прыняцця палітычных рашэнняў сёння ўяўляе сабой палітыка-кіраўніцкую навуку, якая вывучае суб'екты, працэс, механізм, тэхналогіі прыняцця, рэалізацыі і ацэнкі палітычных рашэнняў. У межах гэтай палітыка-кіраўніцкай навукі распрацоўваюцца прынцыпы і метады падрыхтоўкі, прыняцця і ажыццяўлення публічна-дзяржаўных рашэнняў, што робіць тэорыю прыняцця палітычных рашэнняў незаменнай навуковай асновай, якая накіроўвае і каардынуе працэс дзяржаўнага рэфармавання.

Ключавыя словы: прыняцце палітычных і кіраўніцкіх рашэнняў, канцэптואльныя мадэлі прыняцця палітычных рашэнняў, навуковыя падыходы і метады ў тэорыі прыняцця палітычных рашэнняў, палітычныя партыі як актары працэсу прыняцця рашэнняў, дзяржаўнае рэфармаванне.

THE THEORY OF POLITICAL DECISION MAKING AS A SCIENTIFIC BASIS OF STATE REFORM

M. S. Mamekin

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: mafakoff23@mail.ru*

The theory of political decision-making today is a political and managerial science that studies the subjects, process, mechanism, technologies of making, implementing and evaluating political decisions. Within the framework of this political and managerial science, principles and methods of preparation, adoption and implementation of public and state decisions are being developed, which makes the theory of political decision-making an indispensable scientific basis guiding and coordinating the process of state reform.

Keywords: political and managerial decision-making, conceptual models of political decision-making, scientific approaches and methods in the theory of political decision-making, political parties as actors of the decision-making process, state reform.

Праблематыка прыняцця палітычных і кіраўніцкіх рашэнняў становіцца прадметам даследавання ў Старажытнасці. Шэраг антычных філосафаў яшчэ дзве з паловай тысячы гадоў таму спрабуюць вывесці формулы рацыянальнага, эфектыўнага і справядлівага кіравання

грамадствам і дзяржавай (Канфуцый, Платон, Арыстоцель і інш.). Навуковыя пошукі ў гэтай сферы працягваюцца і ў наступныя гістарычныя эпохі. Так, праблемы забеспячэння рацыянальнага і эфектыўнага прыняцця дзяржаўных рашэнняў глыбока прааналізаваны палітычнымі мысліцелямі Адраджэння (Н. Макіявелі, Ж. Бадэн і інш.) і Асветы (Т. Гобс, Б. Спіноза, Дж. Лок, Ш.-Л. Мантэск'е, Ж.-Ж. Русо і інш.). У Новы час распрацоўкі ў сферы тэорыі прыняцця палітычных рашэнняў вяліся М. Вэберам, А. Бэнтлі і інш. Адзначанымі мысліцелямі была закладзена фундаментальная тэарэтычная і прыкладная база, на аснове якой у сярэдзіне ХХ стагоддзя пачала фарміравацца новая палітыка-кіраўніцкая навука – тэорыя прыняцця палітычных рашэнняў, якая прайшла ў сваім развіцці некалькі этапаў: 1) фарміраванне зыходных падыходаў і канцэптаў (канец 1940-х – другая палова 1960-х гадоў); 2) інстытуцыяналізацыя як універсітэцкай вучэбнай і навуковай дысцыпліны (канец 1960-х – 1970-я гады); 3) развіццё тэарэтычных і эмпірычных напрамкаў «ушыркі» і «ўглыб», дыферэнцыяцыя і спецыялізацыя напрамкаў і падгалін (1980–1990-я гады) [1, с. 115]. На сённяшні дзень можна гаварыць аб магчымым фарміраванні чацвёртага этапу, які бярэ свой адлік з пачатку ХХІ стагоддзя. На гэтым этапе адбываецца сістэматызацыя і правядзенне параўнальнага аналізу гістарычнага досведу і розных нацыянальных мадэляў прыняцця палітычных рашэнняў; з'яўляюцца даследаванні, якія тычацца ўплыву ІКТ, інфарматызацыі і сацмедыя на працэс прыняцця палітычных рашэнняў і інш.

Значны ўклад у развіццё тэорыі прыняцця палітычных рашэнняў як міждысцыплінарнай сферы навуковых ведаў унеслі наступныя навукоўцы: заходнія тэарэтыкі Р. Абельсан, Г. Алманд, Дж. Андэрсан, Й. Гордан, Р. Даль, К. Дойч, І. Дрор, Д. Істан, Т. Клемянцевіч, Г. Лассуэл, А. Леві, Ч. Ліндблам, Дж. Льюіс, Г. Сайман, М. Хіл, А. Этцыёні, К. Янг, і інш.; расійскія вучоныя А. С. Ахрэменка, Ю. Ю. Бяляева, А. А. Дзегцяроў, В. А. Казбаненка, І. Ю. Кісялёў, А. А. Навуменка, А. І. Салаўёў, Д. У. Сасуноў, Д. Р. Сельцэр, К. В. Сіманаў, Л. У. Смаргуноў, С. Г. Туронак, А. Я. Чырыкава і інш.; беларускія даследчыкі Н. А. Антановіч, С. В. Рашэтнікаў, Т. С. Цюцюнова і інш.

Вылучаюцца некалькі асноўных падыходаў да працэсу прыняцця палітычных рашэнняў: нарматыўна-прэскрыптыўны, заснаваны на фармалізацыі ідэальных мадэляў прыняцця рашэнняў; дэскрыптыўна-эксплікатыўны, які базуецца на прынцыпах эмпірычнага адлюстравання працэсаў прыняцця палітычных рашэнняў.

У навуковай літаратуры адзначаецца, што для кожнага з разгледжаных метаподыходаў характэрна выкарыстанне рознага

метадалагічнага інструментарыя. Так, паводле нарматыўна-прэскрыптыўнага падыходу асновай часта з'яўляюцца колькасныя метады даследавання, а ў межах дэскрыптыўна-эксплікатыўнага – якасныя і, у прыватнасці, «метады вывучэння выпадку або прэцэдэнт» (case study). Пры гэтым сцвярджаецца, што дэскрыптыўна-эксплікатыўны метападыход дамінуе ў фундаментальных сацыяльных даследаваннях сістэм працэсу прыняцця палітычных рашэнняў, тады як у прыкладных больш прыкметная роля нарматыўна-прэскрыптыўных мадэляў, якія абгрунтоўваюць практычныя рэкамендацыі для палітыкаў [2, с. 160].

Што тычыцца вышэйадзначаных метападыходаў, то як у замежнай, так і ў айчыннай літаратуры, адзначаецца магчымасць сінтэзу двух адзначаных метападыходаў з мэтай прымянення іх пераваг і нівеліравання недахопаў у працэсе прыняцця рашэнняў. У прыватнасці, не адмаўляюць магчымасці іх спалучэння расійскія даследчыкі У. К. Батурын, А. А. Дзегцяроў, А. І. Салаўёў, Л. Г. Яўланаў. Варта падкрэсліць, што знаходзячыся на стыку фундаментальных і прыкладных навук, тэорыя прыняцця палітычных рашэнняў валодае шырокім метадалагічным інструментарыям, які ўключае такія падыходы, як сістэмны, структурна-функцыянальны, інстытуцыянальны, біхевіяральны і інш. Таксама выкарыстоўваюцца і прыкладныя аналітычныя метадыкі кшталту сістэмнага і функцыяльнага аналізу і інш.

Разгледзім магчымы іншы метадалагічна апраўданы падзел канцэптуальных мадэляў прыняцця палітычных рашэнняў, у аснове якога ляжыць розная інтэрпрэтацыя структуры дзяржаўнай арганізацыі і зместу працэсу дзяржаўнага кіравання. Пры гэтым вылучаюцца дзве групы канцэптуальных мадэляў: монаагрэгатныя (халісцкія) канцэпцыі, паводле якіх дзяржава ў працэсе прыняцця палітычных рашэнняў разглядаецца як адзінае цэлае; поліагрэгатныя (індывідуалісцкія) – акцэнт у прыняцці палітычных рашэнняў робіцца на аналізе інтарэсаў асобных індывідаў ці іх груп [2, с. 160-161]. На падставе пералічаных адрозненняў у метападыходах, якія вызначаюць метадалагічны інструментарый даследчыка, а таксама рознага бачання структуры і зместу працэсу прыняцця палітычных рашэнняў, распрацаваны розныя канцэптуальныя мадэлі прыняцця рашэнняў. У прыватнасці, вылучаюцца мадэлі «абмежаванай рацыянальнасці», «сеткавай структуры», «арганізацыйнага інстытуцыяналізму» і «дынамічнага цыклу», якія арыентаваны на макраструктурную інтэрпрэтацыю працэсу прыняцця рашэнняў. У межах канцэптуальных мадэляў «біхевіяралізму», «інкрыменталізму», «рацыянальнага выбару», а таксама канцэпцыі

групавой рэпрэзентацыі прызнаецца прыярытэт асобных індывідуальных ці групавых агентаў у працэсе прыняцця палітычных рашэнняў. Пры гэтым практычна ўсе даследчыя канцэптуальныя мадэлі разглядаюць працэс прыняцця палітыка-кіраўніцкіх рашэнняў як статычны акт, і толькі стадыяльная мадэль акцэнтуюе ўвагу на дынаміцы гэтага працэсу, які прадугледжвае наяўнасць паслядоўна размешчаных і заканамерна вынікаючых адзін з аднаго цыклаў рашэння палітыка-кіраўніцкай праблемы [3, с 59]. Варта адзначыць, што колькасць стадый, а таксама фаз і субфаз, што іх складаюць, у розных аўтараў адрозніваецца. Найбольш распаўсюджанай з'яўляецца пяціфазная мадэль прыняцця палітычных рашэнняў (Дж. Андэрсан, У. Данн, А. А. Дзегцяроў, С. В. Рашэтнікаў).

У інтэрпрэтацыі С. В. Рашэтнікава працэс прыняцця палітычных рашэнняў мае выгляд цыкла, які складаецца з наступных стадый: 1) вызначэнне сутнасці праблем («выяўленне і фармуляванне палітычных праблем»); 2) вылучэнне палітычных праблем на «парадак дня» (або «авансцэну») палітыкі; 3) прыняцце палітычных рашэнняў; 4) рэалізацыя (інструментарызацыя) палітычных рашэнняў; 5) ацэнка палітыкі, якая праводзіцца [4, с. 5-6]. Пры гэтым, для кожнай стадыі гэтага працэсу характэрны адносна стабільны склад суб'ектаў, дзейнасць якіх абумоўлена існуючымі нормамаі і правіламі. Так, палітычныя партыі самым актыўным чынам «задзейнічаны» на этапе выяўлення і фармулявання палітычных праблем, а таксама вылучэння палітычных праблем на парадак дня шляхам яго структуравання, выконваючы функцыі па артыкуляцыі і агрэгаванні інтарэсаў тых груп, што яны прадстаўляюць, ды пераўтвараючы канкрэтныя сацыяльныя праблемы ў партыйна-палітычны праект. Разам з тым, партыі могуць прымаць самы непасрэдны ўдзел пры фармуляванні альтэрнатыўных варыянтаў рашэння ў межах сваёй парламенцкай дзейнасці ці ініцыюючы праекты рашэнняў у якасці незаржаўных інстытутаў. Нярэдка для падрыхтоўкі законапраектаў ствараюцца змяшаныя рабочыя групы, якія складаюцца з дэпутатаў, чыноўнікаў, а таксама прадстаўнікоў бізнесу ды розных палітычных партый і іншых грамадска-палітычных арганізацый. На стадыі прыняцця палітычных рашэнняў партыі ўяўляюць сабою своеасаблівыя «кааліцыі падтрымкі», што прасоўваюць тых ці іншыя варыянты палітычных рашэнняў, адстойваючы іх самым актыўным чынам, што можа адлюстравана на канчатковым рашэнні.

Гэтак жа варта асобна падкрэсліць магчымасць удзелу партый у правядзенні грамадскага аўдыту дзейнасці дзяржаўных органаў па рэалізацыі асобных напрамкаў грамадскай палітыкі. Наогул жа, на стадыі ацэнкі палітыкі, якая праводзіцца, партыі выконваюць функцыі кантролю

і ацэнкі рашэнняў, што рэалізуюцца, у частцы належнага вырашэння выяўленых і прасунутых на палітычны парадак дня праблем, выступаючы ў тым ліку адным з асноўных каналаў адваротнай сувязі. Такім чынам, функцыянальны аналіз партый як важнага актару працэсу прыняцця палітычных рашэнняў сведчыць аб здольнасцях партый аказваць станоўчы ўплыў на працэс прыняцця палітычных рашэнняў на розных стадыях гэтага працэсу. Некаторыя адзначаныя механізмы павінны быць узяты на ўзбраенне пры правядзенні далейшых рэформ, што тычацца партыйнага будаўніцтва ў Беларусі.

Як ужо было адзначана, тэорыя прыняцця палітычных рашэнняў знаходзіцца на стыку фундаментальнай палітычнай тэорыі (прыняцце рашэнняў у механізме ўлады і кіравання) і параўнальнай паліталогіі (параўнальныя даследаванні публічнай палітыкі і дзяржаўнага кіравання), з аднаго боку, і прыкладнай паліталогіі (палітычны аналіз, распрацоўка тэхналогій палітычнага менеджменту і кіраўніцкага ўздзеяння) – з іншага боку. Усё гэта сведчыць аб важнасці і неабходнасці гэтай міждысцыплінарнай сферы навуковага мыслення для мэтай дзяржаўнага рэфармавання. Аўтарам гэтай публікацыі ў калектыўнай манаграфіі «Метадалогія стратэгічнага аналізу і прагназавання ў рэгіянальным, краінавым і глабальным вымярэннях» [5] былі сфармуляваны некаторыя рэкамендацыі для рэфармавання сістэмы стратэгічнага планавання і прагназавання ў Рэспубліцы Беларусь, цалкам заснаваныя на базісе тэорыі прыняцця палітычных рашэнняў.

Было прапанавана рэфармаваць існуючую ў Беларусі сістэму дакументаў стратэгічнага планавання і прагназавання. На падставе сістэмнага і функцыянальнага аналізу, што дазволілі вызначыць месца і ўзаемаўвязку кожнага складніка ў сістэме дакументаў стратэгічнага планавання, а таксама рэгламентаваць функцыі ўдзельнікаў працэсу стратэгічнага планавання, былі вылучаны наступныя структурныя элементы магчымай сістэмы дакументаў стратэгічнага планавання: 1) дакументы прагназавання; 2) дакументы мэтапакладання; 3) дакументы планавання; 4) дакументы праграмавання; 5) дакументы маніторынгу і кантролю [5, с. 105-106].

Пры гэтым узяўшы за аснову стадыяльную мадэль працэсу прыняцця палітычных рашэнняў і выкарыстаўшы патэнцыял функцыянальнага аналізу для разгляду працэсу дзяржаўнага праграмавання, у мэтах дасягнення эфектыўнасці праграмавання як ключавага этапу стратэгічнага планавання было прапанавана ажыццяўляць паслядоўнае выкананне наступных стадыяў: 1) выяўленне праблемы; 2) распрацоўка канцэпцыі праграмы; 3) падрыхтоўка прапаноў (альтэрнатывы); 4) прыняцце рашэння аб пачатку распрацоўкі праграмы;

5) распрацоўка праекта праграмы; 6) распрацоўка мерапрыемстваў праграмы; 7) прыняцце рашэння аб рэалізацыі праграмы; 8) рэалізацыя праграмы; 9) ацэнка і маніторынг праграмы, тактычная карэкціроўка праграмы; 10) фінансаванне праграмы ў працэсе рэалізацыі праграмы ажыццяўляецца згодна з бюджэтнай заяўкай [5, с. 103-104].

Такім чынам, тэарэтыка-метадалагічны інструментарый тэорыі прыняцця палітычных рашэнняў можа сапраўды выступаць навукова абгрунтаваным базісам для правядзення эфектыўных дзяржўных рэформ.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. *Дегтярев А. А.* Теория принятия политических решений в структуре социальных и управленческих дисциплин. // Полис. Политические исследования. 2002. № 2. С. 113-125.

2. *Дегтярев А. А.* Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (I). // Полис. Политические исследования. 2003. № 1. С. 159-170.

3. *Кузнецова И. А.* Основные концептуальные модели в теории принятия политических решений. Сравнительный анализ / ЭБ БГУ::Общественные науки: Государство и право. Юридические науки [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/94258>. (дата обращения: 03.10.2023).

4. *Решетников С. В.* Методология анализа общественной политики в Республике Беларусь: политический функционализм // Веснік БДУ. 2011. № 3. С. 60–63.

5. Методология стратегического анализа и прогнозирования в региональном, страновом и глобальном измерениях / С. М. Алейникова [и др.] ; Белорусский институт стратегических исследований. Минск : 2023. 177 с.

УДК 340.11

ФЕНОМЕН ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ПРАВОПОРЯДКА**В. Н. Матарас***кандидат юридических наук, доцент,**Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: mat-rs@mail.ru*

Анализируются проблемы трансформации системы правопорядка во времени. Правопорядок и правовая система исследуются как сложные полифакторные феномены, где трансформация компонентов и элементов правопорядка имеет различное время. Рассматриваются различные факторы системы правопорядка во времени, устанавливающие параметры правопорядка.

Ключевые слова: социум, ведущий слой, правовая система, реальное время, статичное время, правящая группа, система правопорядка.

PHENOMENON OF TIME IN THE LEGAL SYSTEM**V. N. Mataras***PhD in Law, Associate Professor**Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: mat-rs@mail.ru*

The article analyzes the problems of transformation of the ethnosociety and the legal system in the dynamics of time. Ethnosociety and legal system are investigated as complex multifactor phenomena. The article deals with the transformation of the components and elements of the ethnosocium in congruence in part or in general with the legal system.

Keywords: the state, the leading layer, the legal system, real time, ethnosociety, the socio-cultural world, live stream of reality.

Термин «время» имеет многослойное значение. Есть линейное время, циклическое и историческое. Однотипная система существует только в физике и химии, поэтому время там однородно, а социум – двойственная и объемная структура, включает в себя этнические параметры. Время различно в философии, религии и науке.

Система правопорядка и его правовая система может находиться в творческой динамике, инертной статике или разрушаться, в зависимости от временного состояния коллектива. И если наблюдателю-современнику кажется, что он видит структурированный застой или расцвет, то это лишь потому, что он ограничил свой взгляд кратким отрезком исторического времени системы правопорядка и его

определенным пространством [5, с. 427]. На протяжении хотя бы средней длительности, например, в сто лет, видны постоянные смены состояний правопорядка на единицу времени – от неустойчивого положения до постоянных попыток стабилизировать систему правопорядка при помощи позитивных норм права.

Вопрос в том, что факторы и детали поведения человека диктуются не только социальным окружением, но и его биологической природой [3, с. 191]. Движение в этносе – это колебание и дискретность, волнообразность и локальность как природная форма движения материи (колебательное движение) [4, с. 430], а «в любом колебательном движении есть только ритм и большая или меньшая напряженность» [5, с. 79]. В теории систем этнос – система корпускулярная и пластичная, а социум – рукотворная и в идеале закрепленная в формальных нормах права и в институтах власти, жесткая. Следовательно, социум включает своеобразную систему комбинирования жесткой и корпускулярной систем.

В системе правопорядка присутствуют два вида нормативных установок. С одной стороны, создаваемые на основе стереотипов поведения и императивов ведущего слоя латентные этнические нормы в виде давления императивов ведущего слоя и стереотипов поведения коллектива и его групп, поддерживающих внутриэтническую структуру и стандарт норм отношений и требований коллектива к поведению личности, а также принимаемых социокультурных доминант, создающих неявную регулярность.

С другой стороны, в части объема позитивного нормирования в системе правопорядка, в которых он нуждается при организации социума, создается кристаллизованная форма в виде закрепленных в законодательстве норм права и иерархии институтов властеотношений, создающих дисциплинирующие границы поведения для данного времени состояния коллектива. В результате этого взаимодействия возникает реальная система правообязанностей, отражающая состояние правопорядка, где «схожесть конституционных положений не препятствует бесконечной вариации форм действительной жизни» [8, с. 246]. Чаще всего функционирует рекомбинация и того, и другого. Здесь как минимум два феномена нормативных установок – этнос и социум. Это первичные этнические нормы, возникающие в силу адаптации этнической системы к месторазвитию, и нормы долженствования – формальные правовые нормы [1, с. 50].

Роль управляющей системы здесь играет правовая традиция, которая равно взаимодействует с общественной и природной формами нормативных установок, являясь связующим между ними звеном.

Изменение параметров этнического правового поля трансформирует и правовую традицию, и систему позитивных норм.

Здесь сталкиваются динамические процессы этноса, создающие живой поток действительности, где время реально и всегда длительно, и формальные нормы как статичные, где этническая система в части правопорядка есть «в той или иной точке пространства и времени, как нечто постоянно изменчивое» [2, с. 191]. Это схватывание формальной нормой части отношений системы правопорядка мы чаще всего идеализируем и принимаем за постоянное во времени и во всем объеме регулирования правопорядка. На самом деле система правопорядка – только часть параметров, устанавливающих правопорядок. Позитивная норма функционирует во времени, но ее изменение требует рукотворного субъекта. Она статична в том смысле, что формальная норма не может сама видоизменяться.

Ясно, что потенциальная часть системы правопорядка связана с реальным историческим временем. Это реальное, а не абстрактное время. Разбежка во времени возникает тогда, когда создается записанная формальная норма права. Как только она обдумана и закреплена в той или иной форме, она становится статичной и отражает желательное (должное) состояние правоотношений в системе правопорядка в данное время.

Природа человека и, соответственно, коллектива такова, что путем математического алгоритма он способен создать только статичную формальную норму. Формальная норма права – это рациональная логика закреплённой во времени действительности (сферы общественных отношений), отражающая состояние системы правопорядка в определенное время. Норма права как математический алгоритм т.е. действие идеального ума, где при столкновении алгоритма с живым этническим потоком действительности, т.е. феноменом природной сферы, показания математики становятся упрощенными и статичными во времени. По сути это попытка остановки времени в силу постоянной направленности на доктрину рационализации правовой системы, т.е. на остановку времени в системе правопорядка, который никогда не будет доведен до крайней степени рафинирования, поскольку «застывший поток – это мертвый поток» [7, с. 208].

Возникает разбежка между содержательным наполнением живого этнического потока и алгоритмом нормы. Соответственно всегда будет расхождение между создаваемым правопорядком и реальными сложносоставными динамическими явлениями в социуме. Относительное совпадение во времени живой системы этнических норм

и алгоритма формальной нормы, в параметрах конгруэнтности, может создать только временную стабилизацию.

В системе правопорядка движение всегда временно и связано с постоянным закреплением нового состояния для следующего поколения, которое живет в реальное историческое время в рамках чего-то уже накопленного, например, в виде созданных институтов социума и норм правовой системы. Каждое поколение встречает это уже созданное в виде правовой традиции в социальной организации правовой системы от предыдущих поколений и передает хоть чуть-чуть, да измененное следующим. Внуки даже говорят, хоть чуть-чуть да по-другому, чем их деды, изменяя правовую традицию. Если бы в основании системы правопорядка были только формальные нормы права, как утверждает наша правовая наука, то правопорядок не изменялся бы так часто.

В следующем поколении эти нормы системы правопорядка, поднастроятся под новое состояние императивов и стереотипов поведения коллектива, поскольку что-то не будет устраивать внуков. Возникает различное время для правопорядка и, соответственно, два времени. Одно в идеале направлено на равновесие и статичное состояние системы, с попыткой остановить время, а другое в силу диалектики своей природы создает движение и реальное дление времени.

Поскольку реальное время – это объективная динамика этнических стереотипов и императивов поведения, часть формальных норм при изменяющихся условиях входит в противоречие с системой этнических норм и формальные нормы будут изменены или станут отвлеченными и перестают действовать. Если они не корректируются, то система этнических норм начинает функционировать самостоятельно, по определенной траектории создавая параллельное существование системы латентных норм. В лучшем случае, формальные нормы сохранятся для потомков, они станут достоянием истории права.

Следовательно, формальные нормы должного представляют собой отношение, отличное от реального мира действительности [1, с. 35]. Во-первых, любая конституция, закон или норма никогда не охватывает всего объема живого потока действительности в силу алгоритма упрощения рационального, а только часть. Во-вторых, норма будет реальной только тогда, когда находится в относительном совпадении в своей конгруэнтности с живым потоком действительности в части кристаллизации отношений. Как только теряется конгруэнтность (связь) с живой системой этнических норм, формальная правовая норма становится умозрительной и требуется опять ее поднастройка.

На основании вышеизложенного можем сделать следующие выводы.

Система правопорядка и его правовая система это многоуровневое и полифакторное явление. Входящие в систему правопорядка структурные компоненты различны как по функциям, так и по генезису, месту и роли в механизме нормативного функционирования. С одной стороны, правопорядок и его правовая система включает натуральные процессы этногенеза, а с другой – организацию социума и создание формальных норм.

Здесь два вида нормативных установок и, как минимум, два вида времени. В системе правопорядка присутствуют в системной связи активная и пассивная сторона. Активная часть, предрасположенная напряжением своей природы к постоянным изменениям и создающая через императивы поведения коллектива естественные этнические нормы и его границы, и пассивная, стремящаяся к статике и закреплённая в нормах права, создает юридическое поле и нормы долженствования, коррелируя с императивами поведения ведущего слоя.

Библиографические ссылки

1. *Алексеев Н. Н.* Общее учение о праве. Тип. Е. К. Брешко-Брешковский. Симферополь, 1919. 162 с.
2. *Бергсон А.* Избранное: Сознание и жизнь. М.; СПб. :Центр гуманитарных инициатив, 2016. 398 с.
3. *Гумилев Л. Н.* История людей и история природы. М. : Экопрос, 1993. 544 с.
4. *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. М.: Танаис ДИ – ДИК, 1994. 544 с.
5. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. М.: Танаис ДИ – ДИК, 1994. 544 с.
6. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: В 10 т. / сост. Ю. Т. Лисица. М.: Русская книга, 1994. Т. 4 624 с.
7. *Матарас В. Н.* Власть и суверенитет государства // Право.by. 2016. № 5. С.15–28.
8. *Челлен Р.* Государство как форма жизни [пер. с швед. и примеч. М.А. Исаева; предисл. и примеч. М.В. Ильина]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЕН). 319 с.

УДК [37:004:34](476)

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О. С. Мухля

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: MukhliaVS@bsu.by*

Исследованию подлежат нормы, регулирующие общественные отношения в сфере правового регулирования системы образования в Республике Беларусь, с целью научно-теоретического и практического обеспечения процесса развития вышеуказанной сферы. Методологическую основу составляют общие методы, в частности, диалектический, формально-логический метод, анализ и синтез. Сформулированные выводы показали проблемные аспекты научного исследования, а также могут служить для дальнейшего изучения темы правового регулирования системы образования в Республике Беларусь.

Ключевые слова: государственное управление; административно-правовое регулирование; система высшего образования, сфера образования, нормативный правовой акт, система законодательства, цифровизация.

ON THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF EDUCATION IN REPUBLIC OF BELARUS

O. S. Mukhlia

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: MukhliaVS@bsu.by*

The paper analyzes the norms regulating public relations in the field of legal regulation of the education system in the Republic of Belarus are subject to research in order to provide scientific, theoretical and practical support for the development of the above sphere. The methodological basis is made up of general methods, in particular, the dialectical, formal-logical method, analysis and synthesis. The formulated conclusions showed the problematic aspects of scientific research, and can also serve for further study of the topic of legal regulation of the education system in the Republic of Belarus.

Keywords: public administration; administrative and legal regulation; system of higher education, sphere of education, normative legal act, system of legislation, digitalization.

В условиях мировых процессов становления информационного общества образование повышает уровень значимости для эффективного использования в общественных и государственных системах.

Общественные отношения правового регулирования в сфере образования приобретают новации глобализации и цифровизации.

Современное законодательство в сфере образования претерпело значительные изменения с учетом развивающихся тенденций республиканского и международного уровней.

Процесс формирования и развития правового регулирования системы образования Республики Беларусь обладает поэтапной трансформацией законодательства. Данный процесс должен проходить с учетом современных, динамично развивающихся общественных отношений, базирующихся на верховенстве прав и свобод человека, как «высшей ценности и цели общества и государства» [3]. Только в этом случае можно будет говорить о высоком качестве полученных знаний и, соответственно, эффективности образовательного процесса.

Считаем, что образование становится одним из главных условий и факторов развития гражданского общества, что непосредственно отражается на достижении целей государственной политики в социальной сфере.

Теоретические исследования в области конституционных, а именно социальных прав человека проводились такими учеными как: С. А. Авакьян, С. С. Алексеев, С. В. Бошно, Г. А. Василевич, В. О. Лучин, Л. А. Морозова, А. С. Пиголкин, Д. В. Шабайлов и др.

Вопросы регулирования образовательных отношений в Республике Беларусь рассматривались такими учеными как: О. В. Азарко, Н. В. Жданович, С. А. Птичкина, А. С. Царёв, Т. И. Пугачева, В. М. Зданович и др.

С момента обретения Республикой Беларусь статуса независимого государства, национальная белорусская система образования претерпела существенные изменения: смена образовательной парадигмы, ориентация образовательного процесса на личность, ее потребности и интересы; разработку комплекса мероприятий, направленных на развитие и повышение качества научно-методического обеспечения образования и др. Безусловно, данные процессы требовали нормативной правовой разработки в сфере образования.

Одним из первых документов, регулирующих образовательные отношения в Республике Беларусь, стал Закон «Об образовании», который был принят Верховным Советом Республики Беларусь в октябре 1991 года. Данный нормативный правовой акт был единственным законом, на основании которого строилась деятельность всей системы образования в Республике Беларусь.

Как отметил О. В. Азарко, «закон определил принципы государственной политики в области образования, цель, задачи,

структуру системы образования, права и обязанности участников образовательного процесса, принципы финансирования» [1, с. 24]. В соответствии с Законом «Об образовании» были приняты следующие концепции: Концепция воспитания и образования в Беларуси (1993 г.), Концепция реформы общеобразовательной школы (1996 г.), Концепция развития высшего образования в Республике Беларусь (1998 г.) и др.

Со временем Закон «Об образовании» утрачивал свою актуальность в регулировании общественных отношений в системе образования. В целях дальнейшего развития законодательства в сфере образования был принят Кодекс Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании) от 13 января 2011 г.

В настоящее время, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы» в новом пятилетии взят курс на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий во все сферы жизнедеятельности, в частности, на цифровую трансформацию в образовании: «освоение новых интерактивных образовательных информационных ресурсов с применением технологий удаленного доступа к ним, внедрение сервисов, фиксирующих учебную активность обучающегося, обеспечение широкого применения интерактивных элементов «телеобучения», увеличение количества учреждений образования, использующих технологии дистанционного обучения» [6]. В соответствии со ст. 16 Кодекса об образовании введена дистанционная форма получения образования, которая направлена на «использование дистанционных образовательных технологий» [5].

Как отмечает В. А. Богуш, «цифровизация – это процесс, ставший неотъемлемой частью развития современного образования» [2, с. 15]. На сегодняшний день цифровые технологии изменяют процесс обучения во всей системе образования. Цифровизация образовательных отношений предполагает активное расширение коммуникационных платформ: появляются возможности привлечения внешних лекторов, специалистов-практиков, консультантов. Обучение новым профессиональным навыкам возможно за пределами традиционных учебных средств. Принимая решение о внедрении цифровых технологий, необходимо иметь «четкое представление о реальных возможностях, ограничениях и пользе программных продуктов» в современном мире [7, с. 28].

Полагаем, что цифровые технологии в образовании должны способствовать быстрому поиску нужной информации, удобству хранения информации, улучшению коммуникативных способов общения

преподавателей с обучающимися, а не формированию «клипового» мышления без углубления в проблематику.

Таким образом, наиболее важными компонентами правового регулирования в сфере образования Республики Беларусь в ближайшие годы станет применение цифровых технологий. Вопросы их использования всегда будут актуальны в силу высокой динамики социально-экономического развития. Согласно Концепции развития системы образования Республики Беларусь до 2023 года «современные глобальные экономические и социальные изменения ставят перед Республикой Беларусь новые задачи, которые не могут быть решены без новых технологий и новых знаний, без создания инновационной экономики, важнейшим институтом развития которой является система образования» [4].

Учитывая изложенное, для устойчивого развития и применения цифровых технологий в сфере образования требуется разработка нормативных правовых актов и (или) внесения и изменения в действующее законодательство Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Азарко О. В.* Регулирование образовательных отношений в Республике Беларусь: нормативно-правовой аспект / О. В. Азарко, Н. В. Жданович // *Образовательное пространство детства : исторический опыт, проблемы, перспективы: сборник научных статей и материалов III научно-практической конференции.* Колумна: ГСГУ, 2016. С. 23–30.

2. *Цифровизация образования: проблемы, вызовы и перспективы / В. А. Богуш, Е. Н. Шнейдеров // Адукацыя і выхаванне. 2021. № 1. С. 14–21.*

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004. и 27 февраля 2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. (дата обращения: 27.09.2023).

4. Концепция развития образования Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 ноября 2021 г., № 683 // *КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2023.*

5. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 января 2011., № 243-З : принят Палатой представителей 2 декабря 2010 г. : одобрен Советом Республики 22 декабря 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.03.2023 г. // *КонсультантПлюс. Беларусь / Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2023.*

6. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021-2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // *КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. Минск, 2023.*

7. *Смирнов В. Э.* Цифровизация как форма модернизации // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 1. С. 23–32.

УДК 340.115.6

РЕЛЯЦИОННЫЕ СЕЙМИКИ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Е. И. Орловская

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: mr.rubis@gmail.com*

В работе рассматриваются вопросы истории создания и деятельности реляционных сеймиков, анализируются особенности их компетенции, а также эволюция их правового статуса и роль в системе государственных органов Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: реляционные сеймики, Статут, шляхта, поветы.

RELATIONAL SEJMIKS IN THE PARLIAMENTARY SYSTEM OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA

E. I. Orlovskaya

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: mr.rubis@gmail.com*

The paper examines the history of the creation and activity of relational sejmiiks, analyzes the features of their competence, as well as the evolution of their legal status and role in the system of state bodies of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: relational sejmiiki, Statute, gentry, povety.

Вопрос зарождения и развития парламентских институтов власти на белорусских землях имеет многовековую историю. С середины XVI в. наряду с вальным сеймом все большую роль в социально-политической жизни ВКЛ начинают играть местные сеймики. Впервые правовой статус сеймиков был определен в Статуте 1588 г. В нем было закреплено понятие сеймика в трех значениях: сеймики, которые проводились до созыва сейма (предсеймовые), главные (генеральные) и после созыва сейма (реляционные). Все остальные шляхетские съезды имели собственные индивидуальные названия.

Особое значение имели реляционные сеймики. Целью их созыва было информирование шляхты о вопросах, которые рассматривались на прошедшем вальном сейме. До этого они узнавали о решениях вального

сейма из королевских универсалов либо решений различных съездов. Хотя юридически обязательность информирования шляхты и не была закреплена, но на практике существовала необходимость хотя бы формального извещения шляхты не только о принятых решениях, но и о ходе заседания, о конкретных темах, которые обсуждались на сейме и т.д. Поэтому в 1588 г. и было установлено, что такие сеймики должны собираться в каждом повете через четыре недели после окончания сейма.

На деле эта норма часто нарушалась. Обширные территории Великого княжества Литовского не всегда позволяли соблюдать эти сроки. Обычно сеймики собирались через 2-8 недель после сейма, а между сроками созыва сеймиков поветов разница доходила до 42 дней. С течением времени название «реляционные сеймики» распространилось на все съезды, которые созывались послами после выполнения каких-либо значимых действий, например, визита к королю или иностранному монарху, к гетманам, к войску, трибуналу, к различным сенаторам и т.д. Инициатива обычно принадлежала самим послам после того, как они возвращались в свой повет. Они должны были известить воеводу или судебного старосту, а те, в свою очередь, уведомить шляхту о повестке съезда. Иногда сами послы (не только в случае отсутствия воеводы либо судебного старосты) на вальном сейме или сразу после его окончания созывали шляхту на сеймик, хотя законом это было не предусмотрено. Информация о ходе сеймика излагалась в специальном постановлении и закреплялась «печатью нашою» канцлера Великого княжества Литовского.

Сразу после прибытия в свой повет, послы должны были подать эти постановления в земскую канцелярию и записать в городские книги для уведомления остальной шляхты. Учитывая сложность сеймиковых процедур и объемность данных постановлений, их редко можно было получить вовремя. В этом случае доставить эти акты в поветы должен был подскарбий. Когда постановления на сеймик все же не попадали, заседание переносилось на следующий день, случалось, что сеймик переносили и несколько раз.

Следует отметить, что послы не всегда выполняли свои обязанности, на реляцию мог явиться один из них или совсем никто не приезжал, присылая только уведомления либо постановления. Этому иногда мешали объективные факторы, такие как праздники, катаклизмы, война, отсутствие постановлений и т.д. Время от времени послы специально уклонялись от созыва большого количества участников, так как не хотели афишировать свою деятельность. В крайних случаях сеймики вообще не созывали.

Сложно сказать, имел ли король право, созывая сеймик, менять послов и высылать реляцию с сейма. Можно привести пример, когда Ян III в момент острого противостояния с Сапегами, разместил свою версию событий после сейма, который окончился для него поражением, это привело к большим протестам и давлению на монарха. Его обвиняли в нарушении прав и свобод. Отсюда можно сделать вывод, что право оповещать общество после вального сейма по поводу принятых решений, вероятно, принадлежало только послам. Оставалась нерешенной только проблема, когда представители повета не присутствовали на вальном сейме, по причине срыва предсеймового сеймика либо удаления его представителей. [2, с. 184].

Реляционные же сеймики не ограничивались только принятием отчета о заседаниях вального сейма, а часто принимали решения по поводу исполнения сеймовых постановлений. Шляхта под управлением своего маршалка не только заслушивала посольские реляции, но и оценивала их деятельность на вальном сейме. В большинстве случаев шляхта благодарила посла за проделанную работу, но бывали случаи, когда и критиковала, наказывая его финансово либо дисциплинарно. Так, например, Лидская шляхта заставила Эляша Михаила Ремвида, чья деятельность на вальном сейме была оценена очень негативно, дать обязательство больше не быть послом. Шляхта также активно интересовалась и деятельностью чужих послов, сравнивая их активность и усердие со своими. Выносились и публичные благодарности послам за охрану шляхетских прав и свобод.

Реляционные сеймики также часто выступали местом дискуссий для принятия решений, которые имели финансовое значение, они оценивали размеры налогов, способы их сбора, кандидатуры сборщиков налогов и многое другое. Формально основанием к этому служило направление на сеймик королевского посла с инструкциями. Отсутствие таких инструкций делало невозможным либо тормозило принятие постановлений. Наконец, согласно конституции вального сейма 1601 г., на реляционных сеймиках должны были делать отчеты сборщики налога, а это служило поводом, чтобы платить послам залуженную им награду.

Сферы деятельности реляционных сеймиков не исчерпались вышеназванными вопросами. Так, отсутствие конкретных юридических норм позволяло шляхте рассматривать вопросы, предложенные кем угодно, причем они могли касаться как общегосударственных, региональных, так и частных вопросов. Часто уже на самом вальном сейме согласовывалось, какие постановления можно принимать на реляционных сеймиках, хотя следует отметить, что в большинстве случаев это были все те же вопросы налогов.

Реляционные сеймики проходили в тех самых местах, что и предсеймовые и подчинялись тем же законам. В исключительных случаях новое место съезда выбирало лицо, уполномоченное его созывать либо это делалось по предложению шляхты. Сравнить количество реляционных сеймиков в Великом Княжестве Литовском с предсеймовыми, к сожалению, нет возможности в силу отсутствия у нас такой статистики.

Реляционные сеймики были тем необходимым элементом, который завершал парламентский процесс и давал возможность реализовывать сеймовые постановления в повете. Например, когда в 1590 г. Жемойтский сборщик налогов Станислав Чехович, маршалок, хотел приступить к сбору налогов, установленных на сойме, то подстароста Станислав Кляусгелович заблокировал исполнение его служебных обязанностей, мотивируя это тем, что реляционный сеймик так и не прошел. Его позицию поддержала и шляхта [1, с. 24].

Таким образом, в середине XVI века, когда был закреплён правовой статус месных сеймиков, начался постепенный переход власти от центральных органов к шляхетскому сословию. Поветы постепенно становятся территориальными единицами местного самоуправления, которые вместе с вопросами местного управления решают и общегосударственные проблемы, которые раньше были прерогативой центральных органов власти.

Библиографические ссылки

1. Вялікае Княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. Мінск: БелЭн, 2005. Т. 1: Абаленскі-Кадэнцыя. 684 с.
2. Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях = The parliamentary structures of authority in the state administration system of the Grand Duchy of Lithuania and Polish-Lithuanian Commonwealth in the fifteenth – eighteenth centuries : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск – Наваградск, 23–24 лістап. 2007 г. / Пол. ін-т у Мінску. Мінск : БІП-С Плюс, 2008. 372 с.

УДК 347.451.031

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ДЕФИНИЦИИ ТОВАРА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА

А. Е. Орса

кандидат юридических наук

*Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», пр. Партизанский, 26,
220070, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: orsa.79@mail.ru*

В статье рассматриваются различные подходы к пониманию термина «товар» – как в юридической литературе, так и в законодательстве. Делается вывод о терминологической неопределенности этой категории. Предлагается ее авторское определение с последующим закреплением в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Ключевые слова: товар, вещь, имущество, гражданский оборот

ON THE QUESTION OF THE TERMINOLOGICAL UNCERTAINTY OF THE DEFINITION OF “GOOD” AS AN OBJECT OF CIVIL CIRCULATION

A. E. Orsa

PhD in Law

*Belarusian State Economic University, 26 Partizanskiy Avenue,
220070, Minsk, Belarus, e-mail: orsa.79@mail.ru*

The article discusses various approaches to understanding the term “product” - both in legal literature and in legislation. The conclusion is made about the terminological uncertainty of this category. Its author’s definition is proposed with subsequent consolidation in the Civil Code of the Republic of Belarus

Keywords: goods, thing, property, civil circulation

Содержащееся в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) легальное определение предпринимательской деятельности закрепляет ее основные признаки, в числе которых – участие соответствующих юридических и физических лиц в гражданском обороте, а также определенные способы осуществления такой деятельности – в частности, продажа вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи.

Между тем, давая в этом же кодифицированном нормативном правовом акте определение договора поставки, являющегося одной из наиболее распространенных сделок в предпринимательской деятельности, законодатель говорит об обязанности поставщика-продавца, осуществляющего данную деятельность, передать производимые или закупаемые им товары (ст. 476 ГК).

Сопоставляя указанные дефиниции, имеются основания констатировать, что в Гражданском кодексе Республики Беларусь понятие «товар» означает вещь, произведенную, переработанную или приобретенную для продажи. В этой связи следует отметить, что ни среди ученых-правоведов, ни в правотворческой практике нет единства в понимании данной категории.

Например, в юридической литературе товар рассматривается в значении:

- синонима продукции [1];
- материального изделия, предлагаемого рынку с целью его приобретения, использования или потребления [2, с. 978];
- продукта деятельности (включая работы и услуги), предназначенного для продажи или обмена [3, с. 41].

В законодательстве (помимо ГК) товаром признается:

- имущество (за исключением имущественных прав), реализуемое либо предназначенное для реализации, если иное не установлено Налоговым кодексом Республики Беларусь или таможенным законодательством (ст. 13 Налогового кодекса Республики Беларусь);
- все виды объектов гражданских прав, в том числе работы, услуги, включая финансовые услуги, предназначенные для продажи, обмена или иного введения в гражданский оборот (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 12 декабря 2013 г.);
- вещи, за исключением денежных средств, ценных бумаг, валютных ценностей, иное имущество (в том числе имущественные права), а также имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности (ст. 1 Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» от 13 июля 2012 г.).

Отмеченная терминологическая неопределенность дефиниции «товар» негативно влияет на правореализационную практику субъектов хозяйствования. Следовательно, назрела необходимость выработки ее единообразного понимания и законодательного закрепления. При этом, представляется методологически, экономически и юридически неверным отождествление реализации *изготовленной* продукции (выполненных работ, оказанных услуг), на которые потребителями не заявлен спрос, с

реализацией товаров, к которым относится *непосредственно реализуемые* продукция (работы, услуги) и иные блага.

Таким образом, на наш взгляд, под товарами следует понимать любые изготовленные человеческим трудом и/или машинами – автоматами реализуемые либо оформленные для реализации вещи, иные материальные и нематериальные блага. При этом, считаем целесообразным закрепить данное определение в Гражданском кодексе Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. *Годунов В. Н.* Поставки (закупки), работы, услуги для государственных нужд: договорные формы и правовое регулирование // Юридический журнал. 2005. № 4. С. 28–32.
2. Новый юридический словарь ; под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Ин - т новой экономики, 2006. 1088 с.
3. *Тотьев К. Ю.* Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции): Учеб. М.: РДЛ, 2000. 352 с.

УДК 346

ИСТОРИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. А. Реуцкая

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь, ул. Московская, 17
220007, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: reutckovich@mail.ru*

Исследуются этапы совершенствования института банкротства в Республике Беларусь в связи со вступлением в силу с 1 октября 2023 г. Закона Республики Беларусь от 13 декабря 2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности» и непосредственно терминология, определения и иные новации законодательства о банкротстве.

Ключевые слова: должник, кредитор, управляющий, неплатежеспособность, банкротство, несостоятельность, досудебное оздоровление, защитный период, конкурсное производство, санация, ликвидация, мировое соглашение.

THE HISTORY OF THE BANKRUPTCY INSTITUTE IMPROVEMENT IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

E. A. Reutskaya

*Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus,
17 Moskovskaya Str
220007, Minsk, Belarus, e-mail: reutckovich@mail.ru*

The questions are examined of improving the institute of bankruptcy in the Republic of Belarus in connection with the adoption of the Law of the Republic of Belarus from the 13th of December 2022 № 227-3 «On regulation of insolvency» and the changes that have directly touched the basic terms and their definitions.

Keywords: debtor, creditor, collateral lender, collateral property, insolvency, bankruptcy, insolvency, regulation of insolvency, pre-trial rehabilitation, settlement agreement, secured creditor, mortgaged property.

Институт банкротства начал свое становление еще до распада Советского Союза с принятием Закона БССР от 30.05.1991 г. № 826-ХІІ «Об экономической несостоятельности и банкротстве», первого такого закона в СССР (далее – Закон № 826-ХІІ). Закон № 826-ХІІ носил в большей степени концептуальный характер и содержал всего 46 статей, отсутствовали детально регламентированные процедуры. Закон № 826-

XII практически не имел норм, регулирующих проведение финансового оздоровления, действий кредиторов, должника, управляющего в процедуре банкротства, не рассматривал особенности банкротства субъектов хозяйствования в различных отраслях экономической деятельности и в качестве мер оздоровления были лишь предусмотрены частичная распродажа имущества должника и его реорганизация, а в случае отсутствия результата – признание должника банкротом. В этом заключалось содержание неравнозначных понятий «экономической несостоятельности» и «банкротства», данных в Законе № 826-XII. Так, согласно ст. 6 Закона № 826-XII «экономическая несостоятельность» – это удостоверенная судом неспособность субъекта хозяйствования оплатить предъявленные финансовые документы. Таким образом, введение процедуры экономической несостоятельности осуществлялось с целью урегулирования взаимоотношений субъекта хозяйствования и кредиторов, предоставления права субъекту хозяйствования продолжить свою деятельность. А «банкротство» – это удостоверенная судом полная неплатежеспособность субъекта хозяйствования. Банкротство проводилось с целью максимально возможного удовлетворения претензий кредиторов, ликвидации неплатежеспособных субъектов хозяйствования и объявления субъекта хозяйствования свободным от долгов.

Неэффективность сложившейся национальной системы банкротства и объективная потребность в функционировании данного института привели к разработке Закона Республики Беларусь от 18.07.2000 г. № 423-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», вступившего в силу с 12.02.2001 г., содержащего 261 статью (далее – Закон № 423-З). В Законе № 423-З уже была учтена практика использования института банкротства как в странах с развитой рыночной экономикой, в России и других странах СНГ, и уже более детально были регламентированы процедуры банкротства. При рассмотрении дела о банкротстве были предусмотрены следующие процедуры: защитный период, конкурсное производство, санация, ликвидационное производство и мировое соглашение, в том числе банкротство субъектов хозяйствования в различных отраслях экономики. Центральное место при осуществлении процедур банкротства было отведено временному (антикризисному) управляющему, предъявляемые к нему требования были определены Законом № 423-З.

Понятия «экономической несостоятельности» и «банкротства» теперь рассматривались как синонимы и подразумевали под собой неплатежеспособность, имеющую или приобретающую устойчивый

характер, признанную хозяйственным судом или правомерно объявленную должником.

Так, Закон № 423-З закреплял, что защитный период устанавливается после возбуждения судом производства по делу о банкротстве должника для проверки наличия оснований для возбуждения конкурсного производства и обеспечения сохранности его имущества. Выполнение этой задачи возлагается на временного управляющего. Защитный период не применялся к должнику – индивидуальному предпринимателю.

Одним из важнейших элементов системы банкротства стала санация – процедура, предусматривающая переход права собственности, изменение договорных и иных обязательств, реорганизацию, реструктуризацию или оказание финансовой поддержки должнику, осуществляемая для восстановления его устойчивой платежеспособности и урегулирования взаимоотношений должника и кредиторов. Выявившиеся в процессе применения Закона № 423-З недостатки, а также значительное увеличение количества банкротств привели к принятию Указа Президента Республики Беларусь от 12.11.2003 г. № 508 «О некоторых вопросах экономической несостоятельности (банкротства)» (далее – Указ № 508). Указом № 508 снова была изменена используемая терминология и теперь под «банкротством» стала пониматься неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника – юридического лица, прекращением деятельности должника – индивидуального предпринимателя, а под «экономической несостоятельностью» – неплатежеспособность, признанная решением хозяйственного суда об экономической несостоятельности с санацией должника.

Указом № 508 был предусмотрен ряд мер, которые должны были способствовать проведению досудебных мероприятий по финансовому оздоровлению должника, к основным из которых следует отнести: возможность реструктуризации задолженности по обязательным платежам, платежам за потребленные энергоресурсы и другой кредиторской задолженности; возможность предоставления кредитов, бюджетных ссуд, субсидий, иных видов финансовой помощи; и др.

Существенные изменения и дополнения в Закон № 423-З вносились с учетом судебной практики в период с 2006-2009 гг. порядка семи раз, что способствовало дальнейшему развитию и совершенствованию института банкротства в Республике Беларусь.

25 января 2013 г. вступил в силу новый, третий по счету в новейшей истории Беларуси, Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 415-З

«Об экономической несостоятельности (банкротстве)», содержащий 242 статьи (далее – Закон № 415-3). Его структура принципиально не отличается от предыдущего Закона № 423-3, но количество разделов и статей уменьшено, а содержание упорядочено. Основной задачей разработчики Закона № 415-3 считали приведение его в соответствие с принятыми после 2000 г. законодательными актами.

Понятия «экономическая несостоятельность» и «банкротство» в новой редакции Закона № 415-3 по-прежнему рассматривались как неравнозначные понятия и были более конкретизированы в соответствии с Указом № 508. Так, под «экономической несостоятельностью» четко понимается неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда об экономической несостоятельности с санацией должника, а под «банкротством» – неплатежеспособность, имеющая или приобретающая устойчивый характер, признанная решением хозяйственного суда о банкротстве с ликвидацией должника – юридического лица, прекращением деятельности должника – индивидуального предпринимателя.

Ещё один этап развития института банкротства ознаменовал вступивший в силу с 01.10.2023 г. Закон Республики Беларусь от 13.12.2022 г. № 227-3 «Об урегулировании неплатежеспособности», который кроме того, что совершенствует отдельные процедуры и нормы, также вносит ряд концептуальных корректировок в работу системы банкротства в Республике Беларусь (далее – Закон № 227-3). Потребность в принятии Закона № 227-3 в сфере банкротства была продиктована как нарабатанной правоприменительной практикой, так и необходимостью решения задач по созданию эффективных условий для восстановления экономической деятельности и платежеспособности жизнеспособных предприятий, оздоровления экономики в целом.

Как отмечает В. В. Хилюта, Закон № 227-3 направлен на улучшение финансового положения должника. Поэтому изменение названия Закона № 227-3 (отсутствие слова «банкротство» в его названии) призвано подчеркнуть приоритет включаемых в него норм по принятию своевременных мер по финансовому оздоровлению предприятий и организаций. То есть в настоящее время основная задача Закона № 227-3 состоит в предупреждении несостоятельности и банкротства, в том числе во внесудебном порядке, а если это не получится, то Закон № 227-3 обязывает принимать меры, направленные на сохранение деятельности организации и экономического производства [1].

Как было в законодательстве и ранее, Закон № 227-3 рассматривает «несостоятельность» и «банкротство» как две самостоятельные

категории. Новый Закон уточняет определение неплатежеспособности. Под ней понимают финансовое состояние должника, характеризующее его неспособность исполнить денежные обязательства, обязанность по уплате обязательных платежей и (или) обязательства по выплате заработной платы и производству иных выплат в соответствии с законодательством о труде, срок исполнения которых наступил. То есть более четко по сравнению с нормой недействующего Закона о банкротстве определено, какие именно обязательства не может исполнить должник для установления его неплатежеспособности. Кроме того, новым Законом уточнен и расширен перечень обязательных платежей. К ним в том числе отнесены подлежащие возмещению государству суммы льгот и (или) преференций, предоставленных по инвестиционным договорам с государством [2].

В связи с принятием Закона № 227-З усиливается роль местных исполнительных и распорядительных органов, отраслевых министерств и ведомств, как в предупреждении экономической несостоятельности субъектов хозяйствования, так и в рассмотрении дел данной категории. Так, п. 3 ст. 12 Закона № 227-З предусматривается, что местные исполнительные и распорядительные органы по ходатайству организаций, не являющихся государственными (или с долей государственной собственности) и находящихся на их территории, согласуют меры по предупреждению несостоятельности и банкротства в отношении таких организаций, осуществляют мониторинг их исполнения, а также оказывают содействие в реализации таких мер, организуют досудебное и судебное оздоровление, оценивают деятельность управляющих, чьи кандидатуры были ими представлены. Кроме того, решение о мерах по предупреждению несостоятельности и банкротства частных организаций местные исполнительные органы могут принять самостоятельно, ориентируясь на потребности и интересы региона. На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что Законом № 227-З практически закреплен уход от полного судебного сопровождения процедуры банкротства.

Кроме этого, Закон № 227-З ужесточил требования и разграничил (в том числе по степени формализации и видам должников) меры по предупреждению банкротства, принятие которых по собственной инициативе – обязанность в первую очередь руководителей и владельцев юридических лиц, а также индивидуальных предпринимателей (но которые может установить и местный исполнительный и распорядительный орган даже в отношении негосударственных организаций), и досудебное оздоровление, которое должны

осуществлять юридические лица на основании частного определения экономического суда и плана досудебного оздоровления.

Законом № 227-3 дифференцированы процедуры, принимаемые в ходе производства по делу о несостоятельности или банкротстве. Так, в отношении должника – юридического лица применяются защитный период, конкурсное производство, выходящее на процедуру санации либо на процедуру ликвидационного производства. В отношении же должника – индивидуального предпринимателя применяются только процедуры конкурсного производства и ликвидации. Причем на любой стадии должник и кредитор могут заключить мировое соглашение.

Таким образом, Закон № 227-3 вносит ряд существенных изменений в систему банкротства, которые, по нашему мнению, будут способствовать добровольному и своевременному объявлению субъектами своей несостоятельности, увеличению возможности сохранения бизнеса, восстановлению платежеспособности, удовлетворению требований кредиторов, а также снижению нагрузки на экономические суды.

Библиографические ссылки

1. *Хилюта В. В.* Основные положения нового закона об урегулировании неплатежеспособности [Электронный ресурс] : [по состоянию на 16.02.2023] // ИПС iLex [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

2. *Крох Т. А.* Закон об урегулировании неплатежеспособности: основные нововведения [Электронный ресурс] : [по состоянию на 19.12.2022] // ИПС iLex [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

УДК 347.9 (476)

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ОСНОВАНИЯ К ОТМЕНЕ
СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ И
ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ**

В. П. Скобелев

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: Skobelev@bsu.by*

В статье анализируется, какое влияние оказывают нарушения в использовании современных информационных технологий на возможность отмены вынесенного по гражданскому или экономическому делу судебного решения. Показано, что по общему правилу соответствующие нарушения носят условный характер – влекут отмену решения, если нарушение привело или могло привести к неправильному разрешению делу по существу. Вместе с тем отдельные из ошибок в применении информационных технологий образуют основания для безусловной отмены судебных решений.

Ключевые слова: современные информационные технологии; гражданские дела; экономические дела; основания к отмене судебных решений.

**MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN LEGAL
PROCEEDINGS AND GROUNDS FOR OVERTURNING COURT
DECISIONS IN CIVIL AND ECONOMIC CASES**

V. P. Skobelev

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: Skobelev@bsu.by*

The article analyzes the impact that violations in the use of modern information technologies have on the possibility of overturning a court decision made in a civil or economic case. It is shown that, as a general rule, the corresponding violations are conditional in nature - they entail the cancellation of the decision if the violation led or could lead to an incorrect resolution of the case on the merits. At the same time, some of the errors in the use of information technologies form grounds for the unconditional reversal of court decisions.

Keywords: modern information technologies; civil cases; economic affairs; grounds for reversing court decisions.

Современные информационные технологии (далее – ИТ) получили самое широкое применение в сфере судопроизводства по гражданским и

экономическим делам. В частности, они используются для целей информирования заинтересованных лиц и общественности о структуре, компетенции и деятельности судебной системы (путем размещения соответствующей информации на Интернет-портале судов общей юрисдикции), ведения делопроизводства и решения иных организационных вопросов (за счет полномасштабного ведения в эксплуатацию автоматизированной информационной системы судов общей юрисдикции (далее – АИС СОЮ)), извещения участников судопроизводства (посредством СМС-сообщений, электронной почты и пр.), фиксирования хода судебных заседаний (с помощью средств звуко- или видеозаписи), судебного доказывания (за счет представления так называемых электронных доказательств) и т.д. [2; 7; 8].

В этой связи закономерно возникает вопрос, могут ли ошибки (нарушения) в применении ИТ вести к отмене судебных решений. Думается, что на данный вопрос нужно ответить утвердительным образом, а потому ИТ, исходя из последствий ошибок, допущенных при их использовании, допустимо разделить на две группы: ИТ, неправильное применение которых не повлечет отмену судебного постановления, и ИТ, ошибки в использовании которых отмену постановления суда повлекут.

Важно подчеркнуть, что выделение нами такой классификационной группы, как «ИТ, неправильное применение которых не повлечет отмену судебного постановления», не означает того, что существуют некие ИТ, ошибки в использовании которых никогда (ни при каких условиях и обстоятельствах) не смогут повлечь отмену судебного решения. Речь здесь идет о другом, а именно, что ошибки, допущенные в ходе применения конкретной ИТ, оказались не настолько существенны, чтобы быть поводом для отмены решения суда.

В целом же мы полагаем, что нарушения в использовании абсолютно любой ИТ могут иметь для судебного постановления фатальные последствия, в том числе и ошибки в использовании, казалось бы, самых «безобидных» ИТ, в частности, компьютерных программ для подготовки текстовых файлов. Так, в практике имел место случай, когда судья позаимствовал у своего коллеги, ранее рассмотревшего аналогичное дело, компьютерный файл текста вынесенного им по делу решения, чтобы воспользоваться данным текстом в качестве образца для вынесения решения уже по своему делу. В итоге судья «забыл» заменить во вводной части решения фамилию и инициалы коллеги на свои собственные. Подобную ситуацию есть все основания квалифицировать по п.6 ч.4 ст. 424 ГПК (решение вынесено не тем судьей, который рассматривал дело), т.е. как безусловное основание в отмене судебного

решения.

Любые ошибки в применении ИТ следует относить к процессуальным нарушениям, т.е. к ошибкам в применении норм процессуального права. Ошибка будет носить процессуальный характер даже тогда, когда сама ИТ или порядок ее реализации нормами процессуального права не предусмотрены. Просто в этом случае нарушены будут не нормы, касающиеся ИТ (т.к. их нет или практически нет, за исключением, быть может, нормы, указывающей на наименование определенной ИТ), а нормы, закрепляющие те или иные процессуальные принципы, процессуальные гарантии, процессуальные права и обязанности суда и участников судопроизводства. Например, если суд вместо направления участнику процесса по почте надлежащим образом заверенной письменной копии решения отправит ему по электронной почте электронный документ в формате «Word», то нарушены здесь будут нормы, регулирующие традиционный порядок оформления и рассылки копий судебных постановлений.

Общие последствия процессуальных нарушений определены в ч.3 ст. 424 ГПК, ч.3 ст. 280, ч.4 ст. 297 ХПК: нарушение или неправильное применение нормы процессуального права является основанием к отмене или изменению судебного постановления, если это привело или могло привести к неправильному разрешению дела (вопроса). Таким образом, существенность нарушений в применении ИКТ по общему правилу носит оценочный характер и определяется вышестоящей судебной инстанцией для каждого конкретного случая индивидуально. В этой связи стоит отметить, что в ряде случаев может быть весьма затруднительно дать оценку той или иной ситуации (т.е. имело ли место нарушение, и насколько оно существенно), поскольку правовое регулирование вопросов применения ИКТ в ряде случаев само по себе имеет весьма неопределенный характер.

Например, согласно ч.2 ст. 143 ГПК посредством СМС-сообщения или с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты, суд может известить участников гражданского судопроизводства «в необходимых случаях», однако что следует относить к «необходимым случаям» процессуальный закон не разъясняет. Соответственно в ситуации, когда при использовании указанных средств коммуникаций участник судопроизводства в конечном счете окажется (в силу разного рода причин) фактически не извещенным, неизбежно возникнет трудноразрешимый вопрос о правомерности применения судом названных технологий [6, с. 241-242]. Аналогичным образом нормы ст. 113 ГПК, ст. 189 ХПК, предписывая фиксировать ход судебных заседаний и отдельных процессуальных

действий путем использования средств звуко- или видеозаписи, не определяют, что служит критерием для выбора конкретного технического средства. По этой причине достаточно сложно будет оценить правомерность действий суда, который, несмотря на наличие со стороны всех заинтересованных лиц ходатайства об осуществлении видеозаписи хода судебного заседания и несмотря на наличие технической возможности для этого, будет для названной цели применять средства звукозаписи [4, с. 17; 5, с. 22].

В ч.1 ст.185-1 ГПК предусмотрено, что путем использования систем видео-конференц-связи стороны и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица могут участвовать в том числе в подготовительном судебном заседании. Однако подготовительного судебного заседания в гражданском судопроизводстве нет. ГПК (п.16 ст. 262, ст. 263, 264) допускает проведение на стадии подготовки дела только предварительного судебного заседания. Подготовительное же судебное заседание – это институт хозяйственного процесса (ст.171 ХПК). Присутствие в ст. 185-1 ГПК упоминания о подготовительном судебном заседании объясняется только тем, что положения данной статьи были сформулированы законодателем путем некритического заимствования (а фактически – путем копирования в буквальном смысле этого слова) предписаний ст.176-1 ХПК. Вследствие этого использование судом в предварительном судебном заседании систем видео-конференц-связи порождает непростой вопрос об оценке данных действий с точки зрения их правомерности [3, с. 50-51].

Наряду с отмеченными выше и требующими специальной оценки в каждом конкретном случае процессуальное законодательство предусматривает также безусловные основания к отмене судебных постановлений ввиду процессуальных нарушений. Одно из них напрямую связано с использованием ИКТ: «по делу отсутствует звуко- или видеозапись хода судебного заседания» (п.8 ч.4 ст. 424 ГПК, абз.8 ч.4 ст. 280, абз.8 ч.5 ст. 297 ХПК). При этом формулировка данного основания не совсем удачна и способна вызвать на практике немало число сложностей.

Во-первых, не вполне понятны последствия отсутствия звуко- или видеозаписи хода отдельных процессуальных действий, осуществляемых вне судебного заседания, хотя такие действия согласно ч.1 ст. 113 ГПК, ч.1 ст. 189 ХПК тоже являются предметом обязательного фиксирования с помощью соответствующих технических средств. Во-вторых, возникает вопрос, как квалифицировать ситуацию, если в кратком протоколе судебного заседания указано на применение средств видеозаписи, а реально в материалах дела имеется только звукозапись процесса (равно

как и наоборот). В-третьих, не совсем понятно, что подразумевается под отсутствием звуко- или видеозаписи «по делу». Ведь в реальной жизни возможны самые различные ситуации: звуко- или видеозапись судебного заседания вообще не велась; запись была сделана, но впоследствии в полном объеме утрачена (при этом здесь может быть два варианта – утрачен носитель соответствующей записи или носитель имеется, но запись стерта или не может быть воспроизведена); электронный носитель звуко- или видеозаписи отсутствует в материалах дела, но сама запись имеется в суде (на диктофоне, диске компьютера, в АИС СОЮ и т.п.); запись не сохранилась ни в материалах дела, ни на технических устройствах суда, однако ее точной копией, полученной в свое время в суде, обладает один из участников судопроизводства. В-четвертых, не меньшие сложности способно создать и толкование выражения «отсутствует звуко- или видеозапись». Можно ли говорить об отсутствии записи, если она неполная, например, ход судебного заседания изначально записывался только частично, или полная запись частично была стерта или частично пришла в негодность? В-пятых, как квалифицировать ситуацию, когда звуко- или видеозапись отсутствует, но в деле имеется краткий протокол? Например, в российском гражданском процессе наметилась тенденция к тому, чтобы ситуацию, когда в деле отсутствует звукозапись судебного заседания, но при этом имеется бумажный протокол, не расценивать в качестве повода для отмены судебного решения [1, с. 531, 532].

Полагаем, что ответы на данные вопросы еще предстоит дать судебной практике, а сама норма п.8 ч.4 ст. 424 ГПК, абз.8 ч.4 ст. 280, абз.8 ч.5 ст. 297 ХПК нуждается в определенном уточнении. Более того, по мере увеличения степени информатизации правосудия данную норму необходимо будет кардинальным образом изменить в направлении расширения ее логического объема. Ведь в перспективе, на наш взгляд, всю представленную в электронном виде информацию, касающуюся судебного дела, необходимо будет на постоянной основе хранить в суде, а гарантией целостности и сохранности всей этой информации, помимо чисто технических средств, должна будет стать следующая важная правовая мера – признание отсутствия или утраты необходимой электронной процессуальной информации по делу в качестве безусловного основания к отмене вынесенного по нему судебного постановления.

К применению ИТ в определенной мере имеет отношение и другое безусловное основание для отмены судебного постановления – дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из заинтересованных лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте проведения

судебного заседания (п.2 ч.4 ст. 424 ГПК, абз.3 ч.4 ст. 280, абз.3 ч.5 ст. 297 ХПК). Мы имеем в виду те ситуации, когда заинтересованные лица оказались не извещенными надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания в результате применения для целей извещения ИТ. Отсюда видно, какое большое значение имеет соблюдение надлежащего порядка применения ИТ в отмеченных целях. При этом важнейшей составляющей этого надлежащего порядка, по нашему убеждению, является получение у участника судопроизводства предварительного согласия (в том числе путем заключения с ним соответствующего соглашения) о допустимости применения в отношении его ИТ при направлении судебных извещений (вызовов) (отечественная практика, к сожалению, идет по другому пути), т.е. использование ИТ только после того, когда лицо осознанно приняло на себя и под свою ответственность все риски, связанные с применением ИТ (такие, как недоставка извещения, задержка в доставке, его искажение в ходе передачи и пр.) [4, с. 239-241]. Если это согласие от участника судопроизводства получено не было, то его неявка в судебное заседание (несмотря на наличие у суда, казалось бы, убедительных доказательств того, что лицо посредством использования ИТ было извещено) будет создавать основание для применения п.2 ч.4 ст. 424 ГПК, абз.3 ч.4 ст. 280, абз.3 ч.5 ст. 297 ХПК.

Следующее основание для безусловной отмены решения – «при вынесении решения были нарушены правила о тайне совещательной комнаты» (п.5 ч.4 ст. 424 ГПК; подобной нормы нет в ХПК, что, безусловно, является недостатком в правовом регулировании), на первый взгляд, не имеет отношения к использованию ИТ. Однако такой вывод является следствием традиционного (устаревшего) подхода к пониманию правил о тайне совещательной комнаты, что, собственно, и вполне объяснимо, поскольку данные правила сами по себе весьма архаичны. Эти правила закреплены в ст. 299 «Тайна совещательной комнаты» ГПК и предусматривают, что суд выносит решение по делу в совещательной комнате; во время принятия решения в совещательной комнате может находиться только судья (судьи), рассматривающий дело; присутствие иных лиц не допускается; по окончании рабочего времени, а также в течение рабочего времени допускается перерыв для отдыха с выходом из совещательной комнаты; разглашение суждений, имевших место в совещательной комнате, не допускается. Как видим, правила исходят из того, что во время нахождения в совещательной комнате судья способен контактировать с посторонними лицами лишь в случае их физического присутствия там, а разглашение имевших место суждений может произойти только по выходе судьи из совещательной комнаты. Это

однозначно устаревший подход. Современные ИТ (мобильная телефонная связь, социальные мессенджеры, электронная почта и пр.) делают возможными контакты судьи с посторонними лицами и без физического присутствия последних в совещательной комнате, соответственно, и разглашение имевших место суждений может произойти еще до того, как судья совещательную комнату покинет [1, с. 532]. Сказанное свидетельствует о необходимости кардинальной модернизации правил о тайне совещательной комнаты. В частности, необходимо закрепить правило о том, что во время нахождения судьи в совещательной комнате ему запрещается осуществлять любые коммуникации и любым способом с кем бы то ни было. А до того, как закрепление предлагаемого нами правила произойдет, положения ст. 299 ГПК следует толковать именно в таком духе.

Библиографические ссылки

1. *Князькин С. И.* Идеологические и процессуальные предпосылки использования искусственного интеллекта в судопроизводстве // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. Минск: НЦПИ, 2021. С. 528–533.

2. *Лях Н. В.* Формирование и использование информационных ресурсов в рамках единой информационной инфраструктуры судов // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В.А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Мательского. Минск: НЦПИ, 2021. С. 556–562.

3. *Скобелев В.* Видеоконференцсвязь в гражданском процессе: о проблемах и перспективах использования // Юстиция Беларуси. 2016. №9. С. 46–55.

4. *Скобелев В.* Что меняется в ГПК? // Юридический мир. 2020. №9. С. 8–19.

5. *Скобелев В.* Что меняется в ХПК? // Юридический мир. 2020. 11. С. 10–23.

6. *Скобелев В. П.* Современные информационные технологии и способы извещения (вызова) участников цивилистического процесса // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: И.Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2019. Вып. 4. С. 223–247.

7. *Хотько Е. П.* Совершенствование правового регулирования информационных отношений в гражданском судопроизводстве // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В. А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск: НЦПИ, 2021. С. 639-643.

8. *Харитонюк К. Н.* Современные тенденции электронного судопроизводства и применение электронных доказательств по экономическим делам // Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.); Нац. центр

правовой информ. Респ. Беларусь; редкол.: В. А. Шаршун [и др.]; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск: НЦПІ, 2021. С. 633-638.

УДК 342

**ЭЛЕКТРОННЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ КАК ВЫЗОВЫ
СОВРЕМЕННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА**

П. В. Соловьёв

кандидат юридических наук

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29,
211440, г. Новополоцк, Республика Беларусь, e-mail: p.solovjov@psu.by*

Статья посвящена «цифровой» трансформации положений нормативного правового акта о субъектах правовых отношений и их правах и обязанностях. Рассмотрен вопрос о введении института электронных юридических лиц и электронных государственных органов, закрепление в законодательстве цифровых прав и обязанностей человека.

Ключевые слова: нормотворчество, цифровизация права, цифровой нормативный правовой акт, субъекты правовых отношений, цифровые права и обязанности.

**ELECTRONIC SUBJECTS OF LEGAL RELATIONS, DIGITAL
RIGHTS AND OBLIGATIONS AS CHALLENGES OF MODERN
LAWMAKING**

P. V. Soloviov

PhD in Law

*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
29 Blokhin Street,
211440, Novopolotsk, Belarus, e-mail: p.solovjov@psu.by*

The article discusses the «digital» transformation of the provisions of a legal act on the subjects of legal relations and their rights and obligations. The issue of introducing the institution of electronic legal entities and electronic government bodies, fixing digital rights and obligations of a person in the legislation was considered.

Keywords: rulemaking, digitalization of law, digital legal act, subjects of legal relations, digital rights and obligations.

В настоящее время цифровизация нормотворческого процесса является важным инструментом создания и функционирования эффективной системы нормативных правовых актов. Можно констатировать, что сегодня, например, в Республике Беларусь все

стадии нормотворческого процесса прошли определённую «оцифровку»: функционирование автоматизированной информационной системы, обеспечивающей формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (АИС НРПА); ведение электронного банка данных проектов законов; публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов в сети Интернет; электронное официальное опубликование нормативных правовых актов и др. Более кардинальное изменение – формируется концепция «цифрового нормативного правового акта» [5, с. 137; 3].

Однако, как нам представляется, под цифровизацией нормотворчества также следует понимать не только трансформацию нормотворческого процесса или формы нормативных правовых актов, но и изменение их содержания, формирование новых подходов к их наполнению в условиях цифровизации общественных отношений.

В первую очередь, это появление нормативных правовых актов с новым «цифровым» предметом правового регулирования. Например, законодательство об обороте криптовалют, использовании систем искусственного интеллекта, блокчейн-технологий, смарт-контрактов, технологий виртуальной и дополненной реальности, технологий беспроводной связи и др. Однако цифровизация содержания нормативных правовых актов – это также пересмотр существующих нормативных правовых актов с позиций цифровизации, например, трансформация положений о субъектах правовых отношений, их правах и обязанностях, порядке реализации прав и обязанностей, процедурах применения права, юридической ответственности и др. В условиях цифрового общества требуется переход к принципиально новому стилю нормотворческого мышления, при котором содержание почти каждого нормативного правового акта должно быть дополнено цифровыми инструментами в целях повышения эффективности нормативно-правового регулирования.

В этой связи, как нам представляется, есть необходимость держать в фокусе юридических исследований не только вопросы цифровой трансформации нормотворческого процесса, но и общие вопросы «оцифровки» содержания нормативных правовых актов. В рамках данной работы рассмотрим два вопроса цифровой трансформации содержания нормативного правового акта: изменения в субъектном составе и содержании их прав и обязанностей.

В первую очередь, цифровизация права предполагает пересмотр положений о субъектах правовых отношений. Как представляется, преждевременно ожидать глобальных изменений в блоке физических лиц, например, нет оснований говорить о формировании концепта

цифровой личности или скором наделении правоспособностью человекоподобных роботов с необходимостью в нормативных правовых актах вводить градацию антропоморфный и неантропоморфный робот и т.д.

Однако уже следует активизировать научную дискуссию о возможности и необходимости формирования такой правовой категории как «электронное юридическое лицо». Категория электронного юридического лица на современном этапе развития общества может предполагать собой переход юридического лица из физической оболочки в электронную. Например, место нахождения юридического лица из физического адреса (населенный пункт, улица, дом, помещение и т.п.) может быть заменено на электронные реквизиты – доменное имя, e-mail, никнейм в социальных сетях и др. Такие реквизиты могли бы считаться надлежащим каналом взаимодействия с этим юридическим лицом при обеспечении интересов работников, контрагентов, государства при осуществлении контрольно-надзорных функций.

Например, ряд видов экономической деятельности не предполагают наличие производственных помещений или офисов. Электронное юридическое лицо как наниматель в трудовых отношениях гармонично встраивается в систему правового регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу, т.е. когда работник выполняет работу вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Частично подобный подход возможен и по отношению к государственным органам и учреждениям. Речь может идти о расширении электронного представительства государственных органов и учреждений в цифровой среде. Государственный орган может быть частично из физической оболочки (почтовый адрес, номера стационарных телефонов, график личного приема) перенесен в цифровую среду (доменное имя, e-mail, аккаунты в социальных сетях, в т.ч. для индивидуальных обращений). Это предполагает экономию средств на содержание государственного органа (учреждения) и должно способствовать минимизации коррупционных проявлений.

В свою очередь, в рамках цифровой трансформации государственных органов и учреждений речь может идти о создании цифровых должностных лиц для осуществления определенных функций государства посредством систем искусственного интеллекта. Например, рассмотрение обращений граждан, осуществление административных процедур, привлечение к административной ответственности. В определённой степени это не потребует пересмотра парадигмы о

субъектах права, так как можно вести речь не о признании искусственного интеллекта субъектом права, а только лишь о признании его инструментом осуществления государственных функций. Правоотношения также будут возникать между государством и гражданами (или юридическими лицами).

Трансформация общественных отношений в условиях цифровизации также предполагает отражение этих изменений в законодательных перечнях прав и обязанностей участников правовых отношений. В силу разнообразного влияния цифровых технологий на общественные отношения возникает необходимость как изменения существующих прав и обязанностей, так и закрепления новых.

В настоящее время в юридической науке активно ведется дискуссия о формировании цифровых прав человека. В. Д. Зорькин говорит о том, что цифровые права человека – это конкретизация универсальных прав человека в условиях цифровой трансформации (гражданских, политических, экономических и др.) [2]. В свою очередь, М. С. Абламейко допускает признание цифровых прав в качестве самостоятельной группы прав [1, с. 22], в которую могут быть включены: право на доступ к информации и доступ к информационно-коммуникационным средствам и технологиям; право на доступ в интернет; право на защиту частной жизни и персональных данных; имущественные права в цифровом имущественном обороте; приоритет сохранения и развития человека в контексте создания искусственного интеллекта и др. На данный момент единый и системный подход в юридической науке по этому вопросу ещё не выработан.

Однако уже сейчас можно говорить о необходимости включения в отдельные нормативные правовые акты прав и обязанностей, обусловленных цифровизацией общественных отношений. В частности, применительно к такому элементу цифровизации как искусственный интеллект, можно говорить о формировании следующего общего списка новых прав и обязанностей субъектов правовых отношений, подлежащих отражению, например, в трудовом и банковском законодательстве:

– право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при прохождении собеседования при приеме на работу [4, с. 54] или при прохождении аттестации у нанимателя, при обращении в банки и небанковские кредитно-финансовые организации, при рассмотрении обращения и др.);

– право физического лица на рассмотрение обращения или дела человеком, а не системой искусственного интеллекта при реализации своих прав и обязанностей (например, при принятии решения об отказе в

приеме на работу, определении работника, подлежащего сокращению; при принятии банком или небанковской кредитно-финансовой организацией решения об отказе в предоставлении услуги и др.);

– обязанность физического лица владеть навыками безопасного использования цифровых технологий в целях защиты интересов других лиц.

Изменение подходов к формированию перечня прав и обязанностей субъектов правоотношений в условиях цифровизации обусловлено тем, что здесь возникает новая группа отношений, подлежащих правовому регулированию. Так, право физического лица знать о том, что он взаимодействует с системой искусственного интеллекта и право физического лица на рассмотрение его вопроса человеком, а не системой искусственного интеллекта направлено на преодоление риска небезопасности искусственного интеллекта и возможной дегуманизации права.

Таким образом, цифровизация нормотворчества – это не только трансформация нормотворческого процесса, но и переход к принципиально новому стилю нормотворческого мышления, призванного сохранить ценность права в условиях цифровой революции. В первую очередь, это устранение «правового вакуума» в вопросах цифровизации общественных отношений, оперативное создание нормативных правовых актов с новым «цифровым» предметом правового регулирования, например, закон об искусственном интеллекте. Однако не менее важно обеспечить модернизацию содержания существующих нормативных правовых актов через их обогащение цифровыми инструментами в целях повышения эффективности нормативно-правового регулирования. Это предполагает трансформацию положений о субъектах правовых отношений, их правах и обязанностях, порядке реализации прав и обязанностей, процедурах применения права, юридической ответственности и др. Однако внедрение цифровых элементов в ткань нормативного правового акта требует одновременной выработки гарантий обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц в условиях «цифрового обновления» законодательства.

Библиографические ссылки

1. *Абламейко М. С., Шакель Н. В.* Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2022. № 2. С. 19–26.

2. *Зорькин В.* Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан [Электронный ресурс] // Российская газета. 2018. № 115. URL:

<https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html>. (дата обращения: 05.07.2023).

3. *Соловьёв П. В.* Цифровой нормативный правовой акт как направление развития правотворческой и правоприменительной деятельности // Информационные технологии и право : правовая информатизация – 2021 : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Минск, 28 окт. 2021 г.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь ; под общ. ред. А. Ф. Мательского. Минск : НЦПИ, 2021. С. 356–360.

4. *Филипова И. А.* Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие, 2-е издание, обновленное и дополненное. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2022. 275 с.

5. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений : монография / Д. А. Пашенцев, М. В. Залоило, О. А. Иванюк, А. А. Головина ; под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2019. 234 с.

УДК 34.096

**ПРАВЫ ШЛЯХТЫ Ў КАНТАКСЦЕ РЭФОРМ ВЯЛІКАГА
КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XVI СТ.
В. С. Станкевіч**

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: lerika2003267@gmail.com*

У XVI ст. быў прыняты шэраг нарматыўных актаў, якія на заканадаўчым узроўні рэгламентавалі правядзенне дзяржаўных рэформаў. Асаблівае значэнне мелі статуты Вялікага Княства Літоўскага (далей – статуты ВКЛ), якія канчаткова аформілі прававы статус сойма, надалі яму функцыю заканадаўчай улады., а таксама канчаткова замацавалі статус шляхецкага саслоўя. Важнае значэнне мелі Віленскі і Бельскі прывілеі, якія сфарміравалі сістэму павятовых соймаў і судаў. Акрамя таго, Віленскі сойм у 1581 г. прыняў Статут Галоўнага трыбунала і ўтварыў галоўную апеляцыйную інстанцыю ВКЛ. Значны ўплыў на рэформы і ўсе падзеі ў дзяржаве аказала Люблінская ўнія.

Ключавыя словы: шляхта, Вялікае Княства Літоўскае, рэформы, павет, сойм.

**NOBLY RIGHTS IN THE CONTEXT OF REFORMS OF THE
GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 16TH CENTURY**

V. Stankevich

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: lerika2003267@gmail.com*

In the XVI century a number of normative acts were adopted, which regulated the implementation of state reforms at the legislative level. Of particular importance were the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania (hereinafter - Grand Duchy of Lithuania), which finalized the legal status of the Seimas, gave it the function of legislative power, and also finally established the status of the nobility. The privileges of Vilna and Biel, which formed the system of district assemblies and courts, were of great importance. In addition, the Vilnius Sejm in 1581 adopted the Statute of the Main Tribunal and formed the main appellate body of the Supreme Court. The Union of Lublin had a significant impact on reforms and all events in the state.

Keywords: nobility, Grand Duchy of Lithuania, reforms, county, sejm.

XVI ст. з'яўляецца адным з самых цікавых і важных перыядаў у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, на працягу якога канчаткова заканадаўча замацоўваюцца саслоўныя правы шляхты. Менавіта ў гэты перыяд былі прыняты новыя нарматыўныя прававыя акты высокага

ўзроўня – Статуты ВКЛ, адбыліся судовая, адміністрацыйна-тэрытарыяльная, зямельная і іншыя рэформы, а таксама быў створаны Галоўны трыбунал – вышэйшая судовая апеляцыйная інстанцыя. Неабходна адзначыць, што на ўсе падзеі ў дзяржаве значна паўплывала Люблінская унія, якая вызначыла далейшае развіццё ВКЛ.

У выніку рэформ 1560-х гг. і выдання Статута 1566 г. прававое становішча сойма было канчаткова замацавана. Паводле нормаў Статута соймы павінны былі склікацца па меры патрэбы Вялікім Князем, панамі раднымі або простымі феодаламі, г.зн. «...мы и потомки наши Великие Князи Литовские съ потребы Речи Посполитое за радю радъ нашихъ того жъ панства, або за прозбою рыцерства, складати сеймы вальные...завжды, коли колко того будетъ потреба» [5, с. 80].

Шляхта карысталася вальнымі соймамі для таго каб паведаміць вялікага князя або паноў радных аб сваіх патрэбах, просьбах і злоўжываннях у дзяржаве і паветах, падтрымлівала адзін аднога ў сваіх заявах і скаргах, а таксама патрабавала ад улад розных паляпшэнняў і рэформ у сваіх інтарэсах. Фактычна ў такіх выпадках вальны сойм з'яўляўся палітычным інстытутам, які канцэнтраван у сабе саслоўна-палітычны рух шляхты на працягу ўсяго наступнага перыяда развіцця феадальнага грамадства. Патрэбна адзначыць, што з утварэннем Рэчы Паспалітай у дзейнасці сойма адбыліся змены. Згодна з Люблінскім актамі у новай дзяржаве ўтвараўся супольны сойм, які пераўтварыўся ў заканадаўчы орган дзяржаўнай улады. Сойм складаўся з «соймавых станаў»: караля, Сената і Пасольскай хаты.

Па агульнаму правілу лічылася, што сойм можа вырашаць любыя пытанні. Пры гэтым да выключнай кампетэнцыі вальнага сойма належала: выданне заканадаўчых актаў, увядзенне падаткаў, скліканне паспалітага рушэння, наблітацыя, выпрацоўка агульнага накірунку знешняй палітыкі, зацвярджэнне мірных дагавораў і перамер'яў, кантроль за дзейнасцю караля і цэнтральных ураднікаў дзяржаў Рэчы Паспалітай. Таксама ў кампетэнцыю сойма ўваходзіла выбранне караля. Менавіта ў Рэчы Паспалітай сойм набыў статус палітычнай арэны для шляхты, на якой яна дамагалася пашырэння сваіх правоў і адначасова абараняла суверэнітэт ВКЛ. Увогуле агульны вальны сойм становіўся цэнтральным элементам палітычнай сістэмы Рэчы Паспалітай, які павінен быў ураўнаважваць уладу манарха і шляхты, а таксама гарантаваць захаванне ўсіх правоў і свабод Княства і Кароны.

Таксама вялікую ролю ў палітычным жыцці ВКЛ адыгрывалі павятовыя соймікі, на якія збіралася ўся павятовая шляхта. М.В. Доўнар-Запольскі лічыў соймікі формай плебісцыту [2]. Яшчэ да рэформаў 1560-х гг. павет з'яўляўся адміністрацыйна-судовай і ваеннай адзінкай ВКЛ. З

увядзеннем ж у дзеянне Бельскага і Віленскага прывілеяў, Статутаў 1566 і 1588 гг. прававое становішча соймака было канчаткова зацверджана.

Віленскі прывілей, які быў уведзены ў дзеянне 30 снежня 1565 г., упарадкаваў колькасць паветаў і вызначыў кампетэнцыю павятовых соймакаў, а Статут 1566 г. удакладніў некаторыя моманты іх дзейнасці. Паводле Віленскага прывілея на соймікі павінны былі збірацца паны радныя, князі, ураднікі земскія і дворныя і ўсе асобы «народу шляхецкаго и стану рыцёрскаго, гдѣ в котромъ повѣтѣ осѣлость маеть» [5, с. 269]. Згодна са Статутам, соймакі ўтвараліся «для лѣпшого пораду во всѣхъ речахъ и въ способу ку справедливости и оборонѣ, абы за волю всѣхъ на соймакахъ потребы се земскіе становили и отправаны былы» [5, с. 79]. Увогуле нормы Статута не абмяжоўвалі кампетэнцыю павятовых соймакаў, бо на іх абмяркоўваліся бягучыя пытанні павета «намовляти о тыхъ речахъ и потребахъ земскихъ, которые имъ на мѣстцахъ нашихъ ознайменены будутъ», абіраліся па два паслы на вальны сойм і выпрацоўваліся для іх інструкцыі «зволившыся вси одностайнымъ зданьемъ мають обирати пословъ своихъ,...по двѣ особы, послати ихъ на соймъ ознаймившы и вручившы то все имъ, о чомъ водлѣ листовъ нашихъ господарскихъ» [5, с.79 – 80]. Пры гэтым галоўным у артыкуле Статута з'яўляецца тое, што самі павятовыя феадалы маглі прапаноўваць свае пытанні для разгляду «на мней тежъ о своихъ и о всѣхъ потребахъ земскихъ и долеглостяхъ оного повѣту и воеводства» [5, с. 79].

У ВКЛ павятовыя соймакі падзяляліся на некалькі відаў у залежнасці ад разглядаемых імі спраў (перадсоймавыя, рэляцыйныя, элекцыйныя і інш.). Павятовыя соймакі з'яўляліся важнейшым інстытутам парламенцкай сістэмы як Рэчы Паспалітай, так і ВКЛ. Яны былі галоўным элементам механізма фармавання заканадаўчай улады, школай парламентарызму, месцам абмеркавання міжнароднай і ўнутранай палітыкі, а таксама лакальных праблем павета. Некаторыя навукоўцы выкарыстоўваюць у дачыненні перадсоймавага соймака тэрмін «соймакавае кіраванне» [1, с. 148]. На працягу XVI – XVIII стст. быў выпрацаваны падрабязны парадак работы соймака. Статут 1566 г. вызначыў час правядзення перадсоймавых соймакаў не пазней чатырох тыдняў да вальнага сойма, а Статут 1588 г. – шэсць тыдняў [5, 6]. Павятовая шляхта паведамлялася пра соймакі праз спецыяльных гаспадарскіх паслоў, якія ўручалі гродскаму суду соймавыя лісты не пазней чым за два тыдні да пачатку соймака. Потым праз возных або іншым спосабам шляхце паведамлялі пра сойм асабіста [5, с.616]. Кіраўніцтва на соймакавых пасяджэннях ажыццяўлялася, як правіла, маршалкам. Паводле пастановы Гарадзенскага сойма 1567 г. працягласць

сойма складала тры дні, згодна са Статутам 1588 г. – чатыры дні, соймавай канстытуцыяй 1764 г. – тры дні [4, с. 616].

XVI ст. надзяліла шэрагам новых правоў шляхецкае саслоўе і ў судовай сістэме ВКЛ, як на павятовым узроўні, так і на дзяржаўным. Акрамя таго ўтвораны ў 1581 г. Галоўны трыбунал меў велічэзнае значэнне, бо ён з'яўляўся даўно жаданай апеляцыйнай інстанцыяй і акрамя таго ён стаў яшчэ адной адметнай прыкметай незалежнасці і самастойнасці ВКЛ у Рэчы Паспалітай. Стварэнне яго набыло найбуйнейшае значэнне для ўзаемных адносін ВКЛ і Польшчы. Таксама варта падкрэсліць, што Галоўны трыбунал стаў новым здабыткам шляхты ў яе пераможным шэсці XVI ст. на шляху ўстанаўлення свайго палітычнага ўплыву ў дзяржаве.

Гэта праяўлялася і ў тым, што на павятовым узроўні шляхта набыла свае ўласныя суды. Так, тыповым судом для шляхецкага саслоўя стаў земскі суд. Навукоўцы (І. І. Лаппо, Ю. П. Доўнар і інш.) лічаць, што гісторыя земскага суда – гэта гісторыя развіцця саслоўных правоў шляхты. У 1555 г. Вялікі Князь Жыгімонт II Аўгуст са згоды паноў-рады ўвёў у судовую сістэму дзяржавы земскія суды для шляхты і прызначыў суддзямі мясцовых шляхціцаў, адмовіўшыся пры гэтым ад судовых даходаў на іх карысць [3]. Але заканадаўча суд быў аформлены Бельскай граматай 1564 г. і Статутамі 1566 і 1588 г. Гэтыя нарматыўныя акты замацоўвалі прагрэсіўныя да таго часу прынцыпы судаводства: аддзяленне судовай улады ад выканаўчай адносна шляхты, законнасць, прэзумпцыя невінаванасці, выбарнасць суддзяў, роўнасць шляхты перад законам і судом і інш. Трэба падкрэсліць, што земскія суды былі першымі, якія пераважна абаранялі інтарэсы прыватных асоб, а не дзяржаўныя.

Земскі суд складаўся з суддзі, падсудка і пісара. Да 60-х гг. XVI ст. суддзі прызначаліся, а пазней сталі выбірацца павятовай шляхтай. Таксама падкаморскі суд стаў другім судом, які быў аддзелены ад мясцовай адміністрацыі і значна паўплываў на развіццё судовай сістэмы Вялікага Княства Літоўскага. Веданне межаў патрабавалася пры здзяйсненні ўсіх грамадзянскіх здзелак па маёнтку, будзь то продаж, дарэнне, заклад, або перадача спадчыны. Таму суд быў створаны для таго, каб вырашаць зямельныя спрэчкі шляхты, якая Статутам 1566 года атрымала поўнае права распараджэння зямлёй.

Неабходнасць у новым судзе паўстала найбольш востра з увядзеннем у дзеянне валочнай памеры і атрыманнем шляхтай права прыватнай уласнасці на зямлю. У выніку на Віленскім сойме 1565 г. сярод іншых просьбаў шляхты была і просьба – «абы в кожным повете подкоморие для справ грничных и земельных того ж соймы

постановлены были». Падкаморскі суд узнік на падставе Бельскага прывілея 1564 г. і Статута 1566 г. Пасады ў падкаморскім судзе таксама абіраліся павятовай шляхтай. Становішча падкаморыя было вельмі ганаровым, а таму шмат шляхціцаў жадала трапіць на гэту пасаду.

Такім чынам, нарматыўныя акты XVI ст. нядзялілі шляхецкае саслоўе шэрагам правоў. Феадалы атрымалі магчымасць удзельнічаць у палітычным жыцці дзяржавы: выбіраць паслоў на вальны сойм, абмяркоўваць дзяржаўныя і бягучыя павятовыя пытанні. Таксама ў судовай сферы шляхта набыла шмат правоў, бо выбірала суддзяў уласных павятовых судаў, удзельнічала ў судовай дзейнасці, а таксама праз сваіх прадстаўнікоў адпраўляла правасуддзе у Галоўным судзе (Трыбунале) ВКЛ.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гарадзенскі палімпсест. 2010. Дзяржаўныя і сацыяльныя структуры. XVI – XX ст. // Пад рэд. А. Ф. Смаленчука, Н. У. Сліж. Мінск : Зміцер Колас, 2011. 502 с.
2. *Довнар-Запольский М. В.* История Беларуси. 4-е изд. Минск : Беларусь, 2016. – 591 с.
3. *Доўнар Ю.П.* Судовая рэформа XVI стагоддзя ў Вялікім княстве Літоўскім. Минск : БДУ, 2007. 175 с.
4. *Радаман А.* Соймік // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т. 2 ; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. Мінск: БелЭн, 2006 С. 615–617.
5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; рэдкалегія Т. І. Доўнар і інш. Мінск: Тэсей, 2003. 352 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мінск: БелСЭ. 1989. 573 с.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОВОЛЬНО ЗАНЯТОГО ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Н. А. Шингель

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: Singel.61@list.ru*

Статья посвящена последствиям самовольного занятия земельного участка в условиях обновления земельного законодательства. Автор анализирует особенности признания права на земельный участок, не оформленного надлежащим образом. Отмечается необходимость уточнения юридических понятий, определяющих судьбу самовольно занятых участков, и условий их предоставления. Предлагается детализировать соответствующий порядок в Кодексе о земле.

Ключевые слова: земельный участок, земельное законодательство, самовольное занятие, право на земельный участок.

ON THE ISSUE OF THE LEGALIZATION OF UNAUTHORIZED OCCUPIED LAND PLOT

N. A. Shingel

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: Singel.61@list.ru*

The article is devoted to the consequences of unauthorized occupation of a land plot in the conditions of updating land legislation. The author analyzes the features of the recognition of the right to a land plot not properly designed. The need to clarify legal concepts that determine the fate of illegally occupied land plots and the terms of their provision is noted. It is proposed to detail the relevant procedure in the Land Code.

Keywords: land plot, land legislation, unauthorized occupation, the rights to a land plot

При обновлении земельного законодательства Республики Беларусь в середине 2022 года Законом Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-3 «Об изменении кодексов» (далее – Закон от 18 июля 2022 г. № 195-3), которым Кодекс Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 года (далее – КоЗ) был утвержден в новой редакции, введена интересная новация, существенно влияющая на механизм оборота земельных участков. Статьей 3 указанного выше Закона от 18 июля 2022 г. № 195-3

предусмотрена возможность предоставления земельного участка при его самовольном занятии независимо от категорий и видов земель при выявлении случаев самовольного занятия земельного участка или его части до вступления в силу данной статьи. Как следует из ст. 7 Закона от 18 июля 2022 г. № 195-З, упомянутая статья 3 вступила в силу с 1 сентября 2022 года, то есть еще до вступления в силу новой редакции КоЗ (она вступила в силу с 1 января 2023 года), определив начальную дату применения введенной этим Законом специальной процедуры предоставления самовольно занятого земельного участка. Эта новация нуждается как в терминологическом анализе, так и в критическом обсуждении сущности регулируемых правоотношений, связанных с легализацией самовольно занятых земельных участков и некоторых других, права на которые оформлены ненадлежащим образом.

В качестве первоочередной общетеоретической проблемы назовем упорядочение юридических понятий и категорий, определяющих судьбу самовольно занятых участков. Стилистический оборот «легализация самовольно занятого земельного участка», под которым мы понимаем признание права на самовольно занятый земельный участок в установленном законодательством порядке, в КоЗ не используется ни в качестве специального термина, ни в качестве понятия, характеризующего особый способ возникновения прав на земельный участок. Причину этого мы видим в относительно слабой систематизации в КоЗ правовых норм, касающихся порядка предоставления земельных участков (этот порядок устанавливается преимущественно Советом Министров Республики Беларусь (ст. 41 п. 1 КоЗ)). Тем не менее, упоминание о легализации применительно к правам на самовольно занятые земельные участки имеется в некоторых нормативных правовых актах.

Во-первых, Закон от 18 июля 2022 г. № 195-З в качестве одного из условий принятия решения соответствующего исполкома о предоставлении земельного участка при его самовольном занятии называет внесение в местный бюджет *платы за право легализации* в размере кадастровой стоимости земельного участка либо его части. Возмездное предоставление земельного участка в данном случае оправдано особыми условиями получения участка, не допускающими применения каких-либо льгот и преимуществ. Во-вторых, аналогичная норма имеется в п. 35 Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 января 2023 года № 32 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов»» (далее – Положение о порядке изъятия и

предоставления земельных участков). Помимо упоминания *платы за право легализации* Положение о порядке изъятия и предоставления земельных участков (Глава 5) закрепляет в этом случае упрощенный порядок признания прав на земельный участок. Данный акт рассматривает предоставление земельных участков, связанное с *узакониванием фактов самовольного занятия* земельного участка как частный случай процедуры предоставления земельного участка в случае, если не требуется предварительное согласование места размещения этого участка. Термин «узаконивание фактов самовольного занятия» земельного участка также требует пояснения; он упоминается в Положении о порядке изъятия и предоставления земельных участков все в той же Главе 5 два раза, но даже такое незначительное количество норм, определяющих сущность данного правоотношения показывает, что узаконивание фактов самовольного занятия земельного участка является более общим понятием и характеризует собственно содержание особой процедуры по предоставлению самовольно занятого земельного участка.

Обратим внимание на то, что с точки зрения лексического значения и юридического содержания «легализация» и «узаконивание» являются понятиями одного порядка и обозначают сходное явление. Первое, заимствованное из латинского языка, собственно и означает «узаконение, придание законной силы» [1, с. 273], а в общеправовом смысле рассматривается как «придание законного характера, юридической силы факту, действию, документу, разрешение деятельности субъекта права в определенной сфере» [2, с. 399]. Таким образом, оба эти понятия фактически, в правовом и синтаксическом смысле, выступают синонимами, и при этом не имеют закрепленного за ними в земельном законодательстве точного юридического содержания, как и четких различий между ними.

Кроме того, представляется важным определить сферу применения механизма узаконивания самовольно занятых земельных участков. Это связано с тем, что понятие и признаки самовольно занятого земельного участка в настоящее время в разных актах земельного законодательства существуют в разных вариантах. Как следствие, различаются юридические последствия этого очевидно незаконного деяния (если вспомнить, что статьей 16.36 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 установлена административная ответственность за любое самовольное занятие земельного участка [3, с. 481-483] без учета применяемых земельным законодательством особых процедур для разных случаев).

Так, п. 1 ст. 87 КоЗ однозначно определяет самовольное занятие земельного участка как использование земельного участка без

документа, удостоверяющего право на него, за исключением случаев, прямо оговоренных в данной статье. Указанная статья 87 КоЗ, помещенная, что логически объяснимо, в Главу 7 КоЗ «Права и обязанности землепользователей. Защита прав землепользователей», устанавливает общие последствия самовольного занятия земельного участка. Предусмотренный данной статьей порядок возврата самовольно занятого участка по принадлежности обеспечивает защиту прав отдельных субъектов земельных отношений (законных владельцев земельных участков и государственных органов, в ведении которых находятся земельные участки) и земельного правопорядка в целом [4, с. 310, 316], если понимать под самовольным использованием использование земельного участка при отсутствии права на него. При этом п. 6 ст. 87 КоЗ оговаривает, что «законами и Президентом Республики Беларусь может быть предусмотрен иной порядок в отношении самовольно занятого земельного участка», что имеет место в Законе от 18 июля 2022 г. № 195-З. Этот нормативный правовой акт, помимо введения особого порядка признания прав на самовольно занятые участки, предусматривает отличный от КоЗ порядок введения в действие соответствующих норм (речь идет о ст. 3). Они вступили в силу с 1 сентября 2022 года, еще до обновления той части земельного законодательства, которая должна была быть приведена в соответствие с КоЗ. Налицо крайне неудачный подход, при котором допускается исключение из общего правила в период действия переходных положений на время вступления КоЗ в действие (ст. 113 КоЗ). При этом в упомянутой ст. 113 КоЗ никак не оговаривается возможность применения специальных норм к случаям самовольного занятия земельных участков как особому виду длящихся правоотношений.

В Законе от 18 июля 2022 г. № 195-З содержится более узкое по сравнению со ст. 87 КоЗ понятие самовольного занятия, под которым понимается «возведение капитального строения (здания, сооружения) полностью на земельном участке иного землепользователя или землях населенных пунктов». В такой формулировке, имеется внутреннее противоречие, связанное с применением введенного специального механизма узаконения прав на самовольно занятые участки независимо от категорий и видов земель, что не совпадает с понятием самовольного занятия. Кроме того, связывать самовольное пользование земельного участка исключительно с его застройкой – фактически означает поощрять не только не подтвержденное правовыми основаниями факты землепользования, но и самовольное строительство, что выходит за рамки правового регулирования земельного законодательства. Наконец, временный характер вновь введенного механизма узаконения

самовольно занятых участков (он применяется к отношениям, возникшим до вступления в силу ст. 3 указанного Закона, то есть до 1 сентября 2022 года, и действует «при условии подачи заявления о предоставлении земельного участка до истечения 3 лет со дня вступления в силу этой статьи, за исключением случаев, решения по которым приняты Президентом Республики Беларусь») изначально создает почву для конфликтных ситуаций.

Тенденция смягчения требований к самовольному занятию земельных участков и возможность легализации прав на такие участки, на наш взгляд, размывает границы правомерного поведения землепользователей и вводит элемент неравноправия в земельные правоотношения. Тем более, такая возможность предоставляется не всем землепользователям при определенных – исключительных, по нашему мнению, – условиях, а некоторой, случайно сформированной группе участников земельных отношений. Этот подход противоречит закрепленному ст. 5 КоЗ принципу обязательной государственной регистрации земельных участков, прав на них и сделок с ними, указывающего на обязательность законного оформления прав на земельные участки. Исключения из этого общего правила могут быть установлены соответствующим законодательством, что, например, предусмотрено, ст. 22 КоЗ для государственной регистрации отдельных видов прав на земельные участки. Статья 87 КоЗ в аналогичном случае содержит лишь отсылочную норму к возможному варианту правового регулирования отношений, касающихся юридической судьбы самовольно занятых земельных участков. Более правильно, на наш взгляд, было бы закрепить общие и специальные последствия самовольного занятия земельных участков в общем правовом механизме именно в Кодексе о земле.

Библиографические ссылки

1. Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М.: Рус.яз., 1985. 608 с.
2. *Гавриленко В. Г.* Юридический энциклопедический словарь; под науч. ред. Н.И. Ядевич. Минск : Право и экономика, 2011. 847 с.
3. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях / Г. А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. Г. А. Василевича, Л. М. Рябцева. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2022. 928 с.
4. *Шингель Н. А., Шахрай И. С.* Природоресурсное право : учеб. пособие. Минск : Вышэйшая школа, 2017. 399 с.

УДК 321.01+340.1

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РОЛИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ПРОВЕДЕНИИ РЕФОРМ В XVII-XVIII ВВ.

Д. В. Щербик

кандидат юридических наук, доцент

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: shcherbikdv@bsu.by*

В публикации рассматривается эволюция представлений о роли главы государства в XVII-XVIII вв. Тезисно описываются взгляды политических философов на монарха как гаранта государственного строя, его предназначение и ответственность за устранение лежащих перед государством и обществом проблем.

Ключевые слова: реформы государства, глава государства, гарант государственного строя, политическая мысль.

HEAD OF STATE AND REFORM IN THE XVII-XVIII CENTURIES: IDEAL AND POLITICAL JUSTIFICATION

D. V. Shcherbik

PhD in Law, Associate Professor

*Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Avenue,
220030, Minsk, Belarus, e-mail: shcherbikdv@bsu.by*

The publication considers the evolution of ideas about the role of the head of state in the 17th-18th centuries. The views of political philosophers on the monarch as a guarantor of the state system, his purpose and responsibility for eliminating the problems facing the state and society are briefly described.

Keywords: state reforms, head of state, guarantor of the state system, political thought

Связь главы государства с обеспечением прогрессивного инновационного развития государства имеет не столь долгую историю. О нем фактически можно говорить только с XX века, когда после распространения идей И. Канта, Г. Ф. Гегеля, К. Маркса и др. авторов сформировалось представление о постоянном историческом развитии общества, его государственных и правовых институтов.

В то же время и в предыдущие периоды, в том числе в Новое время, осознавалась необходимость государственных и правовых реформ. Реформы в то время в представлении общества состояли в исправлении

существующих проблем. Произведения авторов часто носили в своих названиях указание на подобную направленность.

Представление о необходимости и направленности реформ опиралось либо на антично-средневековый подход, который требовал привести существующую государственность к идеальному образцу, позволяющему в наибольшей степени раскрыть заложенную в человеке внешними силами (Богом) природу. Государственное устройство должно было соответствовать данной трансцендентно определенной цели. Либо могли опираться на более современные для того времени взгляды о государстве как человеческом творении, возникшем в результате заключения общественного договора, которое, однако, все равно должно было быть приведено в соответствие с догосударственной и объективно существующей сущностью – естественным законом и вытекавшими из него естественными правами.

В первый период Нового времени можно выделить несколько последовательно возникших подходов, отражающих представление о роли главы государства в осуществлении исправления государственного устройства и общественной жизни. Представления о том, что политическое обустройство страны – функция главы государства относится и к французской политической мысли. Так, Ришелье в своем «Политическом завещании» именно с королевской властью связывает возрождение величия государства, уничтожение раздробленности страны и самоуправления вельмож и подданных [7, с. 53-54]. Людовик XIV и Ж. Боссюэ именно с монархом связывали возможность достижения общественного блага. «Мы видим, что все Государство – в персоне государя. В нем – его могущество. В нем – воля всех людей. Он единственный делает только то, что способствует общественному благу. Нужно рассматривать как неотделимые друг от друга функции, выполняемые государем и обязанности, возложенные на Государство», – утверждает Боссюэ [3]. «Без этой абсолютной власти он не может ни творить добро, ни обуздывать зло» [2, с. 18]. Божественное озарение и здравый смысл монарха, его справедливость и смелость духа, по мнению Людовика XIV, *обеспечивают процветание и возвеличивание государства* [5].

Подобные взгляды высказывает и королева Елизавета Английская в речи от 30 ноября 1601 г. перед Парламентом: «И так как Я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому, заявляю вам торжественно, мне доверено Всемогущей Властью Бога быть его Инструментом для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия...» [8, с. 57]. Ее преемник Яков I также отмечал созидательный характер королевской власти: «вся эта

власть предписана Богом *ad aedificationem, non ad destructionem* (для созидания, не для разрушения). Потому что, хотя Бог имеет как власть разрушения, так и созидания или защиты, не будет согласно с разумом Бога применять свою власть в разрушении природы» [8, с. 57].

Из концепции общественного договора, в свою очередь выводил идею монарха – как гаранта мира и безопасности – Т. Гоббс: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты» [1, с. 133]. Власть главы государства (монарха) в наибольшей степени, по мнению мыслителя, обеспечивает базовые ценности общества – «водворение мира и обеспечение безопасности» [1, с. 145–149]. Он доказывал, что только сосредоточение всей полноты власти может обеспечить надлежащее выполнение указанной функции, ради которой и создавалось государство [1, с. 120–128].

Продолжением идей Т. Гоббса в условиях роста рационалистических настроений стало возникновение доктрины просвещенного абсолютизма в XVIII в. На основе идей С. Пуфендорфа, Г. Болингброка, Х. Томазия и Х. Вольфа возникает образ монарха – слуги народа, безличного инструмента обеспечения общего добра, унификации государства на основе разума, просвещения народа. Так, Иосиф II Габсбург утверждал: «Каждый подданный ожидает защиты и безопасности от своего суверена. По этой причине обязанность монарха состоит в том, чтобы установить права подданных и направить их действия таким образом, чтобы они способствовали общему благу и добро каждого человека» [9, с. 95]. Гармонизация социальных сил, борьба с фракционностью, коррупцией, социально-экономические преобразования – все эти задачи должен был решить монарх как главный слуга государства, опираясь на законы, подчиняясь им.

Альтернативное представление имеет корнями идеи сословного ограничения власти монарха, протестантскую революцию и начинает складываться в эпоху Английской революции. С этого момента роль главы государства как хранителя мира и безопасности начинает подвергаться сомнению. Формируется дуалистическая монархия, которая подразумевает наличие двух легитимных субъектов, один из которых – монарх – продолжает получать свою легитимность от Бога, а другой – Парламент – черпает ее из воли народа.

Каждый из этих органов претендует на верховенство, в том числе на свою ведущую роль в сохранении мира и безопасности. А наличие, по сути договорных отношений между монархом и народом, обуславливает

то, что каждый из этих органов по праву может считаться гарантом установившегося строя. В рамках сформулированной концепции разделения властей каждый контролирует и сдерживает второго, претендует на формирование действенного механизма защиты своего положения и прав.

В наибольшей мере в XVII в. данное видение воплотилось в республиканской конституции Англии, в соответствии с которой законодательная власть принадлежит совместно парламенту и лорду-протектору, а управление – лорду-протектору при содействии совета. Его именем будут издаваться указы и вызовы в суд, полномочия, патенты и другие распоряжения, он будет назначать всех должностных лиц, обладать правом помилования. «Он должен управлять ... во всех делах при содействии совета и на основании настоящего акта и законов. Ему вручается руководство армией с согласия парламента, а в его отсутствие с ведома и согласия совета. Он же с согласия последнего будет руководить вопросами внешней политики» [6, с. 175-176].

Славная революция еще больше сужает возможности монарха. Его возможности в области законотворчества крайне ограничены, регулирование общественной жизни передано парламенту. За монархом остается лишь исполнение законов и вмешательство в экстраординарных ситуациях. Д. Локк выразил данный подход следующим образом: «Где законодательная и исполнительная власть находятся в различных руках (как это имеет место во всех умеренных монархиях и правильно организованных правительствах), там благо общества требует, чтобы некоторые вещи были предоставлены благоразумию того, кто обладает исполнительной властью. Ведь законодатели не в состоянии предвидеть все и создавать соответствующие законы на все случаи, когда это может быть полезно сообществу, и тогда исполнитель законов, имея в своих руках власть, обладает на основе общего закона природы правом использовать ее на благо общества во многих случаях, когда муниципальный закон не даст никаких указаний, до тех пор пока не будет удобно собрать законодательный орган и издать соответствующий закон...» [4, с. 385].

Новый этап обоснования роли главы государства в сохранении государственного строя, его участия в политической модернизации государства и общества наступит уже в XIX в.

Библиографические ссылки

1. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. В: Сочинения. Том 2. Москва: Мысль; 1991. С. 3–545.

2. *Кротов А. А.* Философские воззрения Жака Боссюэ // Вестн. Моск. ун-та. - Сер. 7. Философия. 2011. № 6. С.16-24.

3. *Кущева М. В.* Людовик XIV и оппозиция: борьба представлений о королевской власти // Новый исторический вестник. 2001. №4. [Электронный ресурс] // Sciup.org/ URL: <https://sciup.org/14913127> (дата обращения: 22.10.2023).

4. *Локк Джон.* Два трактата о правлении; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. 4-е изд., эл. 496 с. Москва ; Челябинск : Социум, 2020. Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10".

5. *Лысяков В. Б.* Людовик XIV о государстве и монаршей власти // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 186 – 199.

6. Орудие управления, 16 декабря 1653 г // Законодательство английской революции 1640 - 1660 гг. ; Сост.: Дмитриевский Н. П.; отв. ред.: Косминский Е. А. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1946. С.175–182.

7. Ришелье Арман-Жан дю Плесси, кардинал-герцог де Политическое завещание, или Принципы управления государством ; перев. с фр. Л. А. Сифуровой; предисл., общ. ред. Л. Л. Головина. М.: Ладомир, 2008. 496 с.

8. *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов. Период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года. М.: Зерцало-М; 2010. 264 с.

9. *Хайніцка К.* Гісторыя палітычных і праўных тэорый / Крыстына Хайніцка, Генрык Альшэўскі; пер. з польск. Уладзіміра Маруціка. Мінск: Медисонт, 2007. 312 с.

Оглавление

НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ Василевич Г. А.	3
ПЕРВЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ 17 СЕНТЯБРЯ 1939 ГОДА Решетников С. В.	9
КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЗАЩИТЫ И ПРОДВИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ Бондаренко Н. Л.	13
НЕКАТОРЫЯ АСАБЛІВАСЦІ ПРАВЯДЗЕННЯ СУДОВЫХ РЭФОРМ У БЕЛАРУСІ Голубева Л. Л.	18
МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ УГРОЗЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОСТСОВЕТСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ Калинин С. А.	31
ВОПРОСЫ КОДИФИКАЦИИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ Вершок И. Л.	38
СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В ПРОЕКЦИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА Демидова И. А.	44
КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ЭВОЛЮЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА Павлов В. И.	49
О ПРИМЕНЕНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ Шаршун В. А.	55
ЗАЩИТА ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА СТОРОН В ПРАВООТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ГОСУДАРСТВА Лагун Д. А.	60
СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА РЕГУЛЯТОРНОЙ ПЕСОЧНИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ Маркевич Д. С.	64
ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД Иванова Т. В.	69

К ВОПРОСУ О РЕФОРМИРОВАНИИ БРАКОРАЗВОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – XIX ВВ. Денисенко Н. В.	74
КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ Абраменко Е. Г.	79
ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ ГОСУДАРСТВ В XXI ВЕКЕ Антанович Н. А.	84
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИДЕИ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО КАК ОСНОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ РЕФОРМЫ В БЕЛАРУСИ В 1839 ГОДУ Антоненко С. Б.	88
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗДУШНОГО ПРОСТРАНСТВА Бобкова Т. С.	93
НАУЧНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ Бондаренко М. С.	99
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕФОРМ Бородич А. И.	104
ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГИБКИХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ Бритова Т. К.	111
РЭФОРМА СОЙМА РЭЧЫ ПАСПАЛТАЙ 1764 ГОДА Валеўка А. В.	118
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – ВАЖНЫЙ ФАКТОР НА ПУТИ К ЕГО ГАРМОНИЗАЦИИ Василевич С. Г.	121
К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОСТИ ПРАВА Вечорко В. Ю.	125
ПЕРВЫЕ НОРМАТИВНЫЕ АКТЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВОЗДУШНЫЕ ПОЛЕТЫ И ИХ БЕЗОПАСНОСТЬ Гринев И. В.	131
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНУЮ СИСТЕМУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ Гурьева Е. А.	137
СУДОВЫЯ РЭФОРМЫ XVI, XIX СТАГОДДЗЯЎ У БЕЛАРУСІ: ПАРАЎНАЛЬНЫ АСПЕКТ Доўнар Т. І.	142

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ НА ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Зубрик Д. А.	150
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ «МЕТАВСЕЛЕННОЙ»: ПЕРЕДПОСЫЛКИ И ПОСЛЕДСТВИЯ Калишук В. О.	154
ПРИНЦИПЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЕЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ СФЕРЫ Каменков В. С. , Куницкая О. М.	161
К ВОПРОСУ О ВЕРИФИКАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА Карамышев А. В.	167
РЕФАРМАВАННЕ СКЛАДУ СУДА Ў КРЫМІНАЛЬНЫМ СУДАВОДСТВЕ ПАСЛЯ КАСТРЫЧНІЦКАЙ РЕВАЛЮЦЫІ 1917 ГОДА Корабава Г. А.	172
ВОЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ Кучугурный Д. А.	177
САЦЫЯЛЬНА-ПАЛІТЫЧНЫЯ НАСТУПСТВЫ «ВЯЛІКАЙ РЕФОРМЫ» СЯРЭДЗІНЫ XVI СТАГОДДЗЯ Лянцэвіч В. М.	182
ТЭОРЫЯ ПРЫНЯЦЦА ПАЛІТЫЧНЫХ РАШЭННЯЎ ЯК НАВУКОВЫ БАЗІС ДЗЯРЖАЎНАГА РЕФАРМАВАННЯ Мамекін М. С.	189
ФЕНОМЕН ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ ПРАВОПОРЯДКА Матарас В. Н.	195
К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ Мухля О. С.	200
РЕЛЯЦИОННЫЕ СЕЙМИКИ В ПАРЛАМЕНТСКОЙ СИСТЕМЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО Орловская Е. И.	205
К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ДЕФИНИЦИИ ТОВАРА КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА Орса А. Е.	209
ИСТОРИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ Реуцкая Е. А.	212

СОВРЕМЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ОСНОВАНИЯ К ОТМЕНЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ	
Скобелев В. П.	218
ЭЛЕКТРОННЫЕ СУБЪЕКТЫ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ, ЦИФРОВЫЕ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ КАК ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА	
Соловьёв П. В.	226
ПРАВЫ ШЛЯХТЫ Ё КАНТЭКСЦЕ РЕФОРМ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛИТОЎСКАГА Ё XVI СТ.	
Станкевіч В. С.	232
К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОВОЛЬНО ЗАНЯТОГО ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА	
Шингель Н. А.	237
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РОЛИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ПРОВЕДЕНИИ РЕФОРМ В XVII-XVIII ВВ.	
Щербик Д. В.	242